

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Филологический факультет

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания

«Дипломатика» Жана Мабильона

**как этап становления общего
языкознания**

На правах рукописи

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Марии Андреевны Щекочихиной

Научный руководитель

Доктор филологических наук, доцент

Алексей Михайлович Белов

Москва 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Обзор литературы и источниковедческий очерк основных трудов Мабильона.....	15
1.1. Обзор литературы.....	15
1.1.1. Мабильон в зарубежной науке.....	15
1.1.2. Мабильон в отечественной науке.....	24
1.2. Источниковедческий очерк основных трудов Мабильона.....	30
1.2.1. Ранние годы Мабильона и начало трудов в ордена бенедиктинцев.....	31
1.2.2. Издание памятников, связанных с Бернардом Клервосским.....	34
1.2.3. Издание житий святых ордена святого Бенедикта.....	35
1.2.4. Дорожные заметки («itineraria») Мабильона.....	38
1.2.5. Полемика Мабильона и Рансе.....	41
1.3. Краткие выводы.....	46
Глава 2. Орфография как отражение изменчивости языка в «Дипломатике» Жана Мабильона и представление о письме в французской филологии XVI-XVII веков.....	48
2.1. Нормирование французской орфографии. Проекты реформирования в XVI веке.....	51
2.2. Орфография в философских грамматиках XVII века.....	56
2.3. Мабильон и Конринг об орфографии.....	59
2.4. Краткие выводы.....	68
Глава 3. Мабильон как учёный-рационалист. Эрудиция, рациональная философия и религиозная полемика.....	71
3.1. О понятии «эрудиция».....	71
3.2. Мабильон и картезианство.....	81
3.3. Краткие выводы.....	90
Глава 4. «Дипломатика» Мабильона в контексте издания житий и полемика Жана Мабильона с Даниэлем Папebroхом.....	91
4.1. Проблема определения подлинности документов до Мабильона и Папebroха. <i>Bella diplomatica</i>	96
4.2. Издание житий и критический метод.....	99

4.3 Издание житий ордена болландистов.....	103
4.4 Сопоставление «Дипломатики» Жана Мабильона и «Введения» Даниэля Папebroxa.	106
4.5 Задачи «Propylaeum antiquarium» Папebroxa.....	107
4.6 Повод к написанию «Propylaeum» и метод Папebroxa.....	112
4.7 Полемика с Папebroхом в «Дипломатике» Мабильона.....	125
4.8 Краткие выводы.....	130
Глава 5. «Национальные типы письма» и идеология галликанизма.....	135
5.1 Описание римского письма в «Дипломатике» Жана Мабильона.....	138
А. Капитальное рустичное письмо (Capitalis rustica).....	142
Б. Капитальное квадратное письмо (Capitalis quadrata).....	144
5.2 Готическое письмо у Мабильона и гуманистов.....	147
5.3. Наследие Мабильона в контексте идеологии галликанизма.....	151
5.4. Краткие выводы.....	168
Заключение.....	170
Список литературы.....	175

Введение

Актуальность исследования

Жан Мабильон (1632-1707) – бенедиктинский монах из конгрегации св. Мавра (мавристов), занимавшийся изданием старинных памятников и выработавший новый подход к исследованию средневековых памятников.

Исследование наследия Жана Мабильона обладает в наше время большой актуальностью. В главном труде Жана «Дипломатика» были сформулированы основы метода вспомогательных исторических дисциплин и совершены открытия, которые в дальнейшем повлияли на развитие филологии. «Дипломатика»¹ Жана Мабильона заложила основы метода сразу нескольких дисциплин: дипломатики, палеографии, кодикологии, сфрагистики. С появления «Дипломатики» принято отсчитывать начало наук о письме в их современном виде.

О влиянии Мабильона на развитие палеографии и дипломатики можно судить уже по тому факту, что самые влиятельные палеографы следующего за Мабильоном поколения принадлежали к его школе: Лудовико Антонио Муратори (1672-1750) и один из главных критиков Мабильона Шипионе Маффеи (1675-1755) испытали влияние Мабильона через посредничество

¹Mabillon J. De re diplomatica libri VI, In quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptions ac notas chronologicas ; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam pertinet, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis regum francorum palatiis : veterum scripturarum varia specimena, tabulis LX comprehensa ; nova ducentorum et amplius , monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannes Mabillon. Paris: Ludovicus Billain 1681. В дальнейшем, за исключением специально оговорённых случаев, цитируется по переизданию 1709 года (Mabillon J. De re diplomatica... Parisii, Carolus Robustel, 1709).

Бенедетто Бакини (1651-1721). «Дипломатика» Мабильона является по-настоящему классическим трудом. Мабильону посвящают сборники статей² по палеографии, в его честь называют научные журналы³, частично даже переиздают его труды⁴. «Дипломатика» Мабильона упоминается в любом очерке по истории палеографии и «Дипломатики». Но, несмотря на это, труд Мабильона всё ещё исследован недостаточно.

Б.Ф. Поршневу писал, что изучение XVII века затрудняется оттого, что он считается «классическим»⁵. Мне кажется, что примерно то же можно сказать и о Жане Мабильоне. «Классичность» труда Мабильона закрепляет за «Дипломатикой» особое место в истории развития науки о письме, но мешает взглянуть на наследие Мабильона как на предмет исследования.

«Дипломатика» несомненно, ознаменовала качественно новый этап в науке о языке. Вопрос состоит, во-первых, в том, каким образом предшествующая Мабильону наука подготовила появление «Дипломатики», во-вторых, в том, каковы были объективные предпосылки для появления труда Мабильона. В-третьих, необходимо понять, какие взгляды на письменность и вообще на язык нашли отражение в трудах Мабильона, в-четвёртых, насколько принципы, сформулированные Мабильоном в процессе исследования письменных памятников, оказались новаторскими для филологии. Без ответа на эти вопросы нельзя понять истинное значение «Дипломатики», а между тем эти вопросы практически не были ещё даже поставлены.

² Например, *Mélanges et documents publiés a l' occasion du 2ème centenaire de la mort de Mabillon*. Ligugé, Abbay Saint-Martin, 1908 ; Rück P. (Hsg.) *Mabillons Spur. Zweiundzwanzig Miszellen aus dem Gebiet für Historische Hilfswissenschaften der Phillips Universität Marburg*. Marburg an der Lahn: Institut für Hilfswissenschaften, 1992.

³ *Revue Mabillon* (depuis 1905).

⁴ Hurel O.-D. *Le moine et l' historien dom Mabillon. Oeuvres choisies. Précédées d' une biographie par dom Henri Leclercq*. Paris: R. Laffont, 2007.

⁵ Поршнев Б.Ф. *Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)*. Л.: АН СССР, 1948.

Не будет преувеличением сказать, что не существует трудов, специально посвящённых истории наук дипломатики и палеографии. Впрочем, есть довольно подробные очерки развития научного знания о старинных грамотах, написанные видными палеографами⁶ и совсем недавняя работа, в которой проведена попытка изучения «Дипломатики» как один из этапов развития вспомогательных исторических дисциплин⁷. Исследование дипломатики и палеографии с точки зрения развития теории и метода помогло бы усовершенствовать палеографию и дипломатику как практические дисциплины. Изучение наследия Жана Мабильона может служить в этом отправной точкой. Важно также понять, почему именно в XVII веке происходит такой резкий скачок в развитии методов критики текста и какое значение имеет система Мабильона для дальнейшего развития филологии.

Классификация типов письма в «Дипломатике» оказала значительное влияние на дальнейшее развитие палеографии. Несмотря на то, что в научной литературе встречаются выражения недовольства традиционной терминологией⁸, всё ещё не проделан системный анализ развития методов и понятийного аппарата палеографии. Такой анализ помог бы усовершенствовать как терминологию палеографии, так и её метод.

⁶ Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig: Verlag von Veit & Komp, 1889. S.11-40; Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde. München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909. I Band. S.13-30.

⁷ Dorna M. Mabillon und andere. Die Anfänge der Diplomatik. Aus dem Polnischen übersetzt von Martin Faber. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019.

⁸ Людвиг Траубе предлагал пересмотреть название лангобардского письма (Traube L. Pl. Anzeigen // Neues Archiv der Gesellschaft und für ältere deutsche Geschichtskunde. 1901. №26. S.231), Ганс Форстер – название готического письма (Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. Stuttgart: Anton Hiersemann. 1981. S.196), примеры могут быть умножены. См. также Liefertink G. Pour une nomenclature des écritures livresques de la période dite gothique // Nomenclature des écritures livresques du IXe au XVIe siècle. Colloque internationale de paléographie latine. Paris, 1953. P.15-34.

Исследование трудов Мабильона, который признан как один из влиятельнейших учёных эпохи, помогло бы также расширить наше представление об интеллектуальной жизни того времени.

«Дипломатика» имеет важное значение и для истории языкознания. Идея об изменчивости графики и орфографии, предполагающая изменчивость также и самого языка, ясно выражена у Мабильона. Поэтому можно утверждать, что Мабильон опередил развитие филологии, впервые сформулировав представление о языке как об изменчивой системе на материале письменных памятников.

Исследование достижений Мабильона должно рассматриваться в контексте науки того времени. В то же время, такое исследование может помочь по-новому взглянуть на науку конца XVII — начала XVIII вв. Мабильон представляется многогранной и не до конца осмысленной фигурой, являясь одновременно рационалистом-исследователь, глубоким знатоком средневековья и создателем передового метода.

Таким образом, изучение наследия Мабильона и, главным образом, «Дипломатики» представляется актуальным по нескольким причинам. «Дипломатика» Мабильона является классическим трудом в науке об изучении старинного письма, оказавшим огромное влияние на дипломатику и палеографию. В то же время, этот труд Мабильона исследован всё ещё недостаточно, как в контексте науки XVII века, так и в эволюции способов изучения письменных памятников. В контексте развития филологии «Дипломатика» до сих пор не рассматривалась. А между тем, наше знание о развитии филологии остаётся неполным до тех пор, пока не будет исследован вопрос о том, какое влияние на неё оказала «Дипломатика». Сам предмет изучения – письменные памятники, а также задача датировать и локализовать памятники в зависимости от их характерных черт, не только таких, как материал грамоты, характер письма, но и языковых, дал возможность Мабильону сформулировать такое представление о языке, которое станет

основополагающим для науки значительно позже. Метод Мабильона, который состоял в том, чтобы в совокупности различных характеристик видеть черты определённой эпохи предполагал, что в языке памятника также отражена норма определённого времени. Это значит, что Мабильон совершенно ясно понимал язык как изменчивую систему⁹.

Степень научной разработанности

Наследие Жана Мабильона всё ещё изучено недостаточно. Труд Мабильона так или иначе упоминается в каждом учебнике или исследовании, посвящённом палеографии. Общеизвестным является то, что именно труд Мабильона заложил основы метода палеографии, дипломатики, кодикологии и сфрагистики. Тем не менее, в науке всё ещё нет ясного понимания того, следует ли считать труд Мабильона компиляцией трудов его предшественников или же он является новаторским. О. А. Добиаш-Рождественская, очерк которой о Мабильоне, наверное, пока остаётся самым известным и самым подробным текстом о «Дипломатике» на русском языке, писала, что «система создана была впервые гением Мабильона»¹⁰. В то же время в некоторых современных статьях по палеографии или истории палеографии встречаются беглые замечания о том, что Мабильон не изобрёл ничего принципиально нового¹¹.

⁹ См. Глава 2 п. 3 данной работы.

¹⁰ Добиаш-Рождественская, О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936. С. 90.

¹¹ «В действительности его [Мабильона] трактовка памятников письма осталась в плену у чисто описательной традиции Ренессанса» (Petrucci A. Die beschriebene Schrift // Methoden der Schriftbeschreibung. Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 1999). М. Мерсиовский полагает, что Мабильону удалось создать нечто новое лишь потому, что ему был доступен большой массив эмпирического материала (Mersiowsky M. Ausweitung der Diskurszone um 1700. Der Angriff des Barthélémy Germon auf die Diplomatik Jean Mabillons // Europäische Geschichtskulturen um 1700. Zwischen Gelehrsamkeit, Politik und Konfession. Hsg. von Wallning Th., Peper I., Fiska P.

Такие полярные оценки наследия Мабильона свидетельствуют о том, что место Мабильона в науке ещё не определено. Для того, чтобы понять значение «Дипломатики», необходимо проанализировать выводы и подход Мабильона, сопоставить труд Мабильона с работами его предшественников, изучить труд Мабильона в контексте эпохи. В этой работе я старалась рассмотреть «Дипломатику» Мабильона в контексте французской филологии. Особый интерес представляет то, как изучали письменность до Мабильона. Поскольку в истории французской лингвистической традиции важнейшее значение имеет полемика вокруг нормирования орфографии, я постаралась проследить эволюцию представлений о письме в трудах французских филологов XVI-XVII веков к «Дипломатике» Жана Мабильона. В «Дипломатике» Мабильон подчёркивает, что необходимо обращать внимание на то, насколько язык и орфография памятника соответствуют не нормам латыни вообще, но нормам эпохи и места создания памятника. Возможность определить подлинность и локализовать памятник по таким характеристикам предполагает то, что язык меняется на протяжении времени. Осознание исторической изменчивости языка, которое предполагается подходом Мабильона, является важным этапом в развитии филологии.

Письменность у Мабильона также представлена как исторически изменчивая, хотя изменение средневековой письменности представлено у Мабильона не как эволюция латинского письма (как считает современная палеография), а как последовательная смена так называемых «национальных типов» («римского», «готического», «лангобардского» и т. д.). Таким образом, в Раннее Новое время именно в трудах Мабильона появляется идея об изменчивости письменности и самого языка. Это важное значение труда

München: De Gruyter, 2012 . S. 460). См. схожая идея: Johnson W. Edward Gibbon F.R.S: Early historical sciences, maurist erudition and related scholarship, 17th-20th C.// International Journal of Mechanical Sciences, 1997. №10. P.1080.

Мабильона для развития филологии до сих пор не было сформулировано в истории науки.

Научная новизна

В отечественной научной литературе, как уже было отмечено, очерк О.А. Добиаш-Рождественской остаётся самым подробным рассмотрением труда Мабильона, но его нельзя считать оригинальным исследованием во-первых, из-за жанра книги, а, во-вторых, потому, что он в целом мало отличается от очерка Людвиг Траубе. Таким образом, в отечественной науке наследие Мабильона практически не исследовалось.

Биографии Мабильона начали писать сразу же после его смерти. Но биографы Мабильона, по большей части монахи, интересовались им прежде всего как образцом христианской нравственности, в лучшем случае – как историком церкви и как теологом, а Мабильон-филолог интересовал их гораздо меньше. Есть исследования, посвящённые науке XVII века, но в них, как представляется, трудам Мабильона не было уделено достаточного внимания¹². Сам метод Мабильона вообще не был отдельным предметом исследования, за исключением одной диссертации¹³.

Новизна исследования состоит ещё и в том, что «Дипломатика» Мабильона рассматривается в разных аспектах. Впервые рассматриваются взгляды Мабильона на письмо в контексте эволюции представлений о письме,

¹²Барг М.А. «Эпохи и идеи. Становление историзма» М.,Наука, 1987 Гайденко П.П. Рациональность и философский разум. Москва: Прогресс-Традиция, 2003; Quantin J.-L. Reason and Reasonableness in French Ecclesiastical Scholarship// Huntington Library Quaterly. 2011. №3. P. 401-436.

¹³ Manning, J.The contribution of Dom Jean Mabillon to the science of paleography. Ph. D. Fordham University, 1950.

начиная с полемики об орфографии у французских гуманистов. Впервые в текстах Мабильона прослежено влияние идеологии галликанизма¹⁴. Вопрос о влиянии галликанского восприятия истории на классификацию письма ранее не ставился в научной литературе.

Цели и задачи исследования

Цель исследования – определить роль Мабильона в истории филологии. В «Дипломатике» был сформулирован метод, который позволял системно изучать письменные памятники. Мабильон описывал определённые традиции, отражавшиеся в грамотах. Эти традиции были различны в зависимости от времени и места создания того или иного памятника. Поэтому Мабильон в «Дипломатике», создавая метод датировки, локализации, определения подлинности и описания памятников, разрешал языковедческие вопросы и вопросы общетеоретического свойства, например, о соотношении письменной и звучащей речи, нормы, узуса, исторической изменчивости графики и самого языка. Как отметил А.А. Волков, язык именно в Новое время стал предметом науки, причём не только в собственно лингвистическом аспекте¹⁵.

При этом в исследовании ставятся следующие задачи:

1. Представить труды Мабильона в научном, историческом и идеологическом контексте науки его времени.

¹⁴ Галликанизм в общих чертах представляет собой идеологию, которая ставила цель доказать, что папа не имеет права вмешиваться во внутренние дела Франции. См. Глава 5 п. 3.

¹⁵ Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М: Издательство Московского университета, 1982. С.40-46.

2. Оценить новаторство труда Мабильона «Дипломатика», изучив по возможности труды его предшественников.

Объект и предмет исследования

Предметом исследования является влияние Жана Мабильона на формирование нового метода филологии. Объектом исследования является труд Мабильона «Дипломатика» и другие его работы, а также труды других учёных, его предшественников и современников.

Методология исследования

В первой главе я постаралась кратко обрисовать современную изучения творчества Мабильона. Во второй я постаралась представить основные этапы жизни Мабильона как учёного. В главах 3-5 использовался, в основном, дедуктивный метод, а также метод имманентного анализа, герменевтический и сопоставительный методы.

Во второй главе рассматривается вопрос о том, как развивалось представление об изменчивости письма, начиная от учёных эпохи Возрождения и кончая XVII веком, анализируются проекты реформ орфографии XVI века (труды Пьера Раме, Жоффруа Тори) и труды XVII века, посвящённые теории языка («Риторика» Бернара Лами, «Грамматика» Пор-Рояль Арно и Лансло и прочее). В третьей главе исследуются связи Мабильона с философией рационализма и то, как рационалистический метод отразился в его трудах. В четвёртой главе «Дипломатика» Мабильона рассматривается в контексте изданий житий и полемики Мабильона с Даниэлем Папebroхом. В пятой главе рассматривается вопрос о том, как идеология галликанизма повлияла на филологическую концепцию Мабильона и, в частности, его классификацию типов письма (так называемые «национальные типы письма»). Эта глава

представляет собой попытку взглянуть на творчество Мабильона в социально-историческом контексте, поскольку мне представляется, что «Дипломатика» Мабильона должна, как и любое событие в науке, рассматриваться не только как результат внутренней эволюции научного знания, но и как отражение определённых общественных отношений на конкретном этапе исторического развития.

Таким образом, в этом исследовании текст «Дипломатики» рассматривается в контексте развития филологических методов интерпретации текста, а также прослеживается влияние философских и политических концепций времени Мабильона на его теорию.

Положения, выносимые на защиту

1. Одним из важных достижений Мабильона-филолога является его концепция исторической изменчивости письма, которая по-своему продолжает идеи, сформулированные авторами проектов реформ французской орфографии, а также наблюдения, сделанные его предшественниками в области критики латинских памятников (в частности, Германом Конрингом).

2. Мабильон сознательно и последовательно использовал достижения рационалистической философии, что проявляется как в его методе, так и в понятийном аппарате, который он использует.

3. «Дипломатика» была подготовлена предыдущими спорами относительно подлинности грамот, однако представляет собой качественно новый этап в филологической критике средневековых памятников. Различие между подходом Мабильона и предшествующей традицией обнаруживается через сопоставление «Дипломатики» и «Предисловия» Даниэля Папebroxa.

4. Концепция так называемых «национальных типов письма» у Мабильона в значительной мере обусловлена его восприятием истории и национального прошлого. Это восприятие, в свою очередь, отражает господствовавшую в его время идеологию, а именно идеологию галликанизма.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, обзора источников, пяти глав основной части, заключения и списка литературы.

Глава 1. Обзор литературы и источниковедческий очерк основных трудов Мабильона

1.1. Обзор литературы

1.1.1. Мабильон в зарубежной науке

«Дипломатику» Мабильона считают первым научным трудом по дипломатике и палеографии. Поэтому практически во всех очерках по истории этих дисциплин с разной степенью подробности рассказывается о значении Мабильона и о предпосылках написания этого труда¹⁶.

Первый такой очерк появился уже в XVIII веке¹⁷. Автор очерка, историк Иоганн Людевиг (1668-1743), ввёл в научный обиход понятие *bella diplomatica*. Так и в более поздней литературе называют полемики (в основном, Нового времени) о подлинности грамот¹⁸. Возможно, именно под влиянием Иоганна Людевига в последующих работах, в которых затрагивается вопрос о возникновении дипломатики и палеографии, делают акцент на полемической направленности трактата Мабильона¹⁹.

¹⁶ См. глава 4, сноска 264 данной работы.

¹⁷Ludewig, J. Praefatio de usu et praestantia diplomatum et diplomaticae artis. Porro de bellis diplomaticis, cum in Gallia excitatis, tum in Italia // Reliquiae manuscriptorum omnis aevi diplomatum ac monumentorum, ineditorum adhuc. Tomi tres. Francfurti et Lipsiae: 1720. Tomo I. P.1-156.

¹⁸В качестве примера эпизода *bella diplomatica*, помимо спора Мабильона с Папebroхом о грамотах аббатства Сен-Дени, можно назвать продолжительную полемику между городом Линдау и женским монастырём. Монастырь доказывал подлинность грамоты, гарантировавшей ему привилегии, а город – её поддельность. См. подробнее глава 2 п.3 этой работы.

¹⁹См. глава 4 п. 1 этой работы

Л. Траубе (1861-1907) в своём фундаментальном труде²⁰ рассматривает палеографию и дипломатику как часть филологии и начинает историю этих дисциплин с XVII века, а именно с полемики между Мабильоном и Папebroхом. Л. Траубе начинает историю палеографии с конца XVII века потому, что он определяет предмет палеографии именно как чтение известных алфавитов и типов письма. При этом в конце XVII века не все типы латинского письма были достаточно хорошо изучены: так, Л. Траубе приводит свидетельства о том, что XVII веке грамоту из Равенны не смогли расшифровать²¹. Вслед за И. Людевигом, Л. Траубе рассматривает причины возникновения труда Мабильона в контексте «дипломатических войн» (правда, у Траубе это противостояние представлено ещё и как противостояние между различными религиозными орденами, каждый из которых имел свою науку²²). Как и И. Людевиг, Л. Траубе видит в Мабильоне защитника правды, противостоящего распространённому скептицизму в отношении подлинности средневековых грамот²³. Л. Траубе в общих чертах обрисовывает контекст эпохи Мабильона, говоря о взаимовлиянии эрудитов и философов-рационалистов²⁴.

Интерес представляет то, как Л. Траубе рассматривает терминологию у Мабильона. Прослеживая истоки классификации так называемых «национальных типов письма», он приходит к выводу о том, что только название «меровингское письмо» у Мабильона появляется впервые, а остальные названия встречаются и у гуманистов. Стоит отметить, что уже из примеров, приведённых Л.Траубе, видно, что различные наименования средневекового

²⁰Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde, III Bände. München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909.

²¹ Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde, III Bände. München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909. I Band. S.30.

²² Ibid. S.15.

²³ «Mabillon dagegen ist kein Skeptiker, sondern der Vertiediger einer guten Sache gegen einen übertriebenen Zweifel». Ibid. S.16.

²⁴Ibid. S. 14-16.

письма не употреблялись до Мабильона системно. До «Дипломатики» Мабильона классификации письма не существовало, одни и те же термины могли обозначать совершенно разные типы письма у разных авторов. Незавершенность терминологии и отсутствию сколько-нибудь системных представлений о физических характеристиках грамот до Мабильона можно наблюдать на примере обозначения слова «старый, старинный» (vetus), которое употребляли гуманисты для обозначения грамот, подразумевая, что для старинных грамот использовался исключительно пергамент²⁵.

Г. Бреслау поместил в своём учебнике по дипломатике достаточно подробный очерк развития науки о старинных грамотах. По Г. Бреслау, развитие науки о письменных памятниках было связано прежде всего с необходимостью отличать подлинные грамоты от поддельных (хотя, стоит отметить, что проблема подделок возникает вместе с началом использования письменных свидетельств). Поскольку то, что грамоты подделываются, было очевидно уже в Средние века, и необходимость отличать подлинники от подделок возникала уже тогда, Г. Бреслау начинает историю дипломатики уже со Средних веков²⁶. Далее в очерке кратко обрисовывается критика текста у гуманистов, Силлезууса, Конринга. Г. Бреслау считал, что способ отличения подлинника от подделки через сопоставление сомнительного документа с несомненно подлинными того же происхождения впервые был сформулирован Конрингом. Действительно, Конринг отмечал, что сами по себе ошибки в латыни не свидетельствуют ни о подлинности, ни о поддельности документа и что следует обращать внимание на то, насколько характер этих ошибок соответствует эпохе и месту. Однако Конринг, вопреки утверждению Г.Бреслау, не первым сформулировал этот принцип²⁷. Значение «Дипломатики», согласно Г.Бреслау, заключается в том, что

²⁵Ibid. S.28-29.

²⁶См. главу «mittelalterliche Urkundenkritik». Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig : Verlag von Veit & Komp, 1889. I Band. S. 14.

²⁷См. глава 2 п.3 этой работы.

именно с появлением труда Мабильона дипломатика и палеография становятся научными дисциплинами.

Необходимо иметь в виду, что «Дипломатика» была продолжением трудов Мабильона по собиранию и изданию житий и что критический метод Мабильона был востребован именно в контексте католической эрудиции. Поэтому особый интерес для нас представляют работы, в которых рассматривается труд католических орденов по изданию житий, а также исследованию идеологического и религиозного контекста Франции XVII века. М. Дорна в одной из своих статей исследует «Введение» Папebroха, послужившее поводом для написания «Дипломатики», как продолжение трудов болландистов по изданию житий²⁸. В статье Б. Невё²⁹ хорошо описывается развитие галликанских идей, однако, несмотря на название, в ней почти ничего не говорится об отражении галликанских идей в трудах Мабильона.

Католический эрудитизм не был политически нейтрален³⁰: к прошлому обращались для подкрепления тех или иных политических устремлений. Католические эрудиты главным образом стремились доказать преимущества католической веры перед протестантством³¹, а также обосновать требования независимости галликанской церкви от папского престола. Апелляция к прошлому была важным орудием в этих двух направлениях политической борьбы. До сих пор не было исследовано влияние галликанских идей на

²⁸Dorna M. Von der Hagiographie zur Diplomatie. Daniel Papebrochs Lehre zur Erkennung von frühmittelalterlichen Urkundenfälschungen // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2014. №1. S.165-190. Savilla J.M. Antiquarismus, Hagiographie und Historie im XVII Jahrhundert. Zum Werk der Bollandisten. Ein Wissenschaftshistorischer Versuch. Frühe Neuzeit, Band 131. Walter de Gruyter-Max Niemeyer Verlag, 2009.

²⁹Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane vers 1700 // Erudition et religion aux XVII et XVIII siècles ed. Albin Michel. Paris, 1994. P. 175-233.

³⁰ Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane. P. 191-192.

³¹Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane vers 1700. P. 192-193, 195.

Мабильона. Между тем, идеология галликанизма повлияла на классификацию типов письма у Мабильона и, следовательно, на развитие палеографии в целом.

Чтобы объективно оценить место Мабильона в истории палеографии и дипломатики, совершенно необходимо сопоставить его метод хотя бы с методом тех из его предшественников, с которыми сам Мабильон полемизирует и на которых активно ссылается. Внимания заслуживает влияние идей Конринга³² на Мабильона. Это влияние достаточно хорошо заметно, хотя сам Мабильон подчёркивал, что не разделяет всех идей Конринга. Мабильон развивал в «Дипломатике» идею Конринга о том, что орфография позволяет датировать памятник и определить его подлинность, поскольку характер ошибок отражает состояние языка определённого времени³³. Учёт изменчивости орфографии и связанное с ним осознание изменчивости письма имеют большое значение для метода Мабильона-филолога.

Труд Папebroха³⁴, послуживший непосредственным поводом для написания «Дипломатики», даёт представление о методах интерпретации средневековых памятников до Мабильона. Однако до сих пор никто не предпринял попытки последовательно сопоставить положения Папebroха о средневековых грамотах с теми, которые высказывает Мабильон. Поэтому в науке не может появиться обоснованное суждение относительно того, состоит

³²Conring H. *Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium lindaviense, qua simul res Imperii et Regni Francorum Ecclesiae ac Civiles, seculi cum primis Carolovingici, illustantur.* Helmstadii: ex officina Henrici Mulleri, 1672.

³³ См. глава 2 п. 3.

³⁴ Papebrochius D. *Propylaeum antiquarium, circa veri ac falsi discrimen in vetustis monumentis. De veterum foundationum, donationum, privilegiorum instrumentis discernendis* // Henschenius G.

Papebrochius D. *Acta Sanctorum Aprilis, collecta, digesta illustrata a Godfrido Henschenio et Daniele Papebrochio e Societate Iesu. Tomus II, quo medii XI dies continentur. Proponitur illis Propylaeum antiquarium circa veri falsique discrimen in vetustis monumentis, observandum subiunguntur Acta Graeca, ad eosdem diem pertinentia. Apud Michaellem Cnobarum: Antverpiae, 1675. P. 2-32*

ли заслуга Мабильона в том, что он развил идеи Папebroxa, либо труд последнего не представляет никакой самостоятельной ценности (не считая того, что послужил поводом к написанию «Дипломатики»)³⁵. М. Мерсиовский считает, что главной проблемой, с которой столкнулся Папebrox, был не вопрос метода, но отсутствие у болландиста доступа к эмпирическому материалу³⁶. Но мог ли метод Папebroxa не отличаться от метода Мабильона уже хотя бы в силу того, что у Папebroxa доступа к архиву меровингским грамотам не было, а у Мабильона был? Различия в методе этих двух учёных можно выяснить только путём последовательного сопоставления их трудов.

Монография М. Дорна, опубликованная сначала на польском³⁷, а потом переведённая на немецкий³⁸, является наиболее обширным и наиболее современным исследованием о Мабильоне, поэтому обойти её в обзоре литературы невозможно.

Несомненно, монография является подробным и добросовестным исследованием контекста возникновения «Дипломатики» и некоторых других трудов, важных для развития науки о письме. Однако М. Дорна слишком ограничивается описательным подходом и практически не пытается проследить

³⁵ Подробный разбор существующих на этот счёт мнений можно найти в статье М. Дорна (Dorna M. Von der Hagiographie zur Diplomatik. Daniel Papebrochs Lehre zur Erkennung von frühmittelalterlichen Urkundenfälschungen // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2014. №1. S. 165-190).

³⁶ Mersiowsky M. Ausweitung der Diskurszone um 1700. Der Angriff des Barthélémy Germon auf die Diplomatik Jean Mabillons // Europäische Geschichtskulturen um 1700. Zwischen Gelehrsamkeit, Politik und Konfession. Hsg. von Wallning Th., Peper I., Fiska P. München, 2012. S. 460.

³⁷ Dorna M. Mabillon i inni: rzecz o powstaniu dyplomatyki. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2014.

³⁸ Dorna M. Mabillon und andere. Die Anfänge der Diplomatik. Aus dem Polnischen übersetzt von Martin Faber. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019.

какие-либо закономерности в развитии дипломатики и палеографии. Представляется, что изложение обстоятельств создания тех или иных трудов по дипломатике и палеографии (чем, в основном, занимается М. Дорна в этой работе) не позволяет само по себе ни оценить значение этих трудов для истории науки, ни проследить эволюцию научного знания. Между тем, в монографии М.Дорна рассмотрение конкретных вех в развитии дипломатики и палеографии сводится к чисто событийному изложению внешних причин и предпосылок.

М. Дорна пишет, что до сих пор большинство учёных считали, что новаторство (*das Durchbruchcharakter*) Мабильона состоит именно в методе. М. Дорна считает это утверждение ошибочным по двум причинам: во-первых, по его мнению, сам Мабильон не ставил себе цель сформулировать правила критики памятников, а, во-вторых, Мабильон, как считает М. Дорна, ничего нового не привнёс в методы дипломатики. Далее сам М. Дорна отвечает на вопрос о том, чем «Дипломатика» отличается от трудов предшественников Мабильона: «Здесь речь шла об общем направлении методики в виде указаний (*«methodische Richtlinien im Form von Hinweisen»*) относительно того, как при определении подлинности избегать крайностей или судить об этом не по одному признаку, а по совокупности черт»³⁹. Здесь М. Дорна почти дословно цитирует предисловие самого Мабильона к «Дипломатике»⁴⁰. Остаётся не понятным, чем это новшество Мабильона принципиально отличается от метода. М. Дорна считает, что «*regulae*» Мабильона следует понимать как «характерные черты документов определённого времени». В этом случае, согласно М. Дорна, заслуга Мабильона состоит только в том, что он описал характерные черты грамот меровингской эпохи⁴¹.

Утверждение М. Дорна о том, что будто бы необходимость и возможность определять подлинность документов не вызывала ни у кого

³⁹ Dorna M. Mabillon und andere. S. 140.

⁴⁰ Mabillon J. De re diplomatica. P. 3.

⁴¹ Dorna M. Mabillon und andere. S.141.

сомнения начиная со Средних веков, может быть опровергнуто самой монографией М. Дорна, в которой описывается полемика Мабильона с аббатом Жермоном. Жермон, уже после публикации «Дипломатики», утверждал, что не существует верного способа отличить подлинную грамоту от подделки⁴². Если взгляды, которых придерживался Жермон, были маргинальными, остаётся неясным, зачем с ним стал полемизировать Мабильон и зачем сам М. Дорна останавливается на этой полемике, рассматривая её в контексте эпистемологии⁴³.

М. Дорна почти не останавливается на вопросах развития метода. Мимоходом он отмечает, что подход к изучению грамот изменился тогда, когда грамоты стали воспринимать как исторический источник, а не как юридический документ. Именно тогда (конец XVIII – начало XIX века), по М. Дорна, грамоты утратили свою прежнюю социальную роль, а вопросы подлинности грамот отошли на второй план. Это положение М. Дорна можно опровергнуть, если внимательно прочитать «Propylaeum» Папebroха. Совершенно ясно, что уже в XVII веке для болландистов и для мавристов (и для других монашеских орденов, занимавшихся изданием житий) грамоты имеют значение именно как исторические памятники, а не как юридические документы. На это обратил внимание уже И. Людевиг, первый историк споров относительно подлинности старинных грамот, который определил полемику между Мабильоном и Папebroхом как научную по сути (*literaria*), а не юридическую (*forensis*). Впрочем, предположение о том, что критика памятников, поскольку она развивалась изначально в контексте определения подлинности старинных грамот как юридических документов, должна была уже поэтому в плане подходов и метода отличаться от критики памятников конца XVIII – начала XIX века, заслуживает внимания. Остаётся только сожалеть о том, что М. Дорна

⁴² Dorna M. Mabillon und andere. S.155.

⁴³ Barthélémy Germon und der Streit um die epistemologischen Grundlagen der Diplomatik // Dorna M. Mabillon und andere. S. 147-175.

никак не проследил влияние юридического подхода на критику грамот в исследуемый им период.

Несмотря на концентрацию М. Дорна на событийности, общественно-политический контекст конкретных эпох остаётся за пределами интереса исследователя.

М. Дорна оставляет за бортом также и философские установки тех, кто применял в том или ином виде критический метод в отношении письменных памятников в разные эпохи. Для М. Дорна критика памятников в Средние века и критика памятников в Новое время – явления одного порядка. М. Дорна специально подчёркивает, что поход к определению подлинности в Средневековье ничем не принципиально не отличался от дипломатики раннего Нового времени⁴⁴. В действительности же само понятие подлинности на протяжении времени менялось. В Средневековье подлинность документа определялась тем, насколько он соответствовал распространённым представлениям о мире⁴⁵. Поэтому средневековую критику памятников нельзя ставить в один ряд с той, которая сформировалась под влиянием рационализма в Новое время и для которой важны были установленные эмпирически формальные критерии соответствия эпохе тех или иных физических характеристик сомнительной грамоты. Критика гуманистов также принципиально отличается от критики эрудитов XVII века. Так, Лоренцо Валла, разоблачая так называемый «Константинов дар», говорит об ошибках в реалиях, топонимике и, главным образом, об ошибках в латыни. Для Лоренцо Валлы между ним, императором Константином и изготовителем подделки не было никакой значимой временной дистанции⁴⁶. Само восприятие времени с XVII

⁴⁴ Dorna M. Mabillon und andere. S. 36-39, 100, 140.

⁴⁵ См. главу 4 п. 1 данной работы.

⁴⁶ См. об этом Олейников А.А. Анахронизм и границы истории // ШАГИ / Steps. 2018. № 4 (3). С. 15.

века претерпело изменения, и эти изменения не могли не отразиться на методе исследования средневековых памятников.

По представлениям М. Дорна, появление тех или иных научных трудов объясняется конкретными обстоятельствами, поводами к их написанию (такой-то город попросил такого-то эрудита оспорить подлинность грамоты, дающей привилегии такому-то аббатству и т. д.), а достижения учёных являются результатом того, что эти учёные осознают объективную необходимость науки в решении тех или иных проблем⁴⁷. Наука, по М. Дорна, развивается по своей внутренней логике, стремясь к приращению фактического материала. Представляется, что концепция исторического развития науки о письме лишена у М. Дорна принципа историзма.

Подытоживая обзор монографии М. Дорна, следует подчеркнуть, что изучение истории развития науки не сводится (или, по крайней мере, не должно сводиться) к изложению обстоятельств появления тех или иных важных для этой науки трудов, как изучение истории вообще не должно сводиться к изложению важных событий того или иного периода.

1.1.2. Мабильон в отечественной науке

В отечественной науке наиболее подробный очерк о Мабильоне можно найти в учебнике О.А. Добиаш-Рождественской⁴⁸

О. А. Добиаш-Рождественская считала, что главным недостатком «Дипломатики» была идея о так называемых «национальных типах письма», которые у Мабильона были представлены как изолированные друг от друга. О. А. Добиаш-Рождественская объясняла идею Мабильона тем, что в

⁴⁷См., например: «Es war der Mangel an systematisiertem Wissen über das Urkundenwesen einzelner Länder und Epochen... Und dieser Mangel war es, dem Mabillon vor allem abhelfen wollte...» Dorna M. Mabillon und andere. S. 140.

⁴⁸ Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936.

бenedиктинских архивах не было «переходных» типов письма, которые помогли бы ему сделать вывод об эволюции «варварского» письма из латинского. Однако мне представляется, что концепция Мабильона о «национальных типах письма» в гораздо большей степени была обусловлена его представлениями об истории, чем отсутствием у него эмпирического материала⁴⁹. Если считать, что наличие или отсутствие эмпирического материала в палеографии делает возможным либо невозможным появление теории в том или ином виде, то развитие науки предстаёт как постепенное накопление эмпирического материала и параллельно с ним развивающееся теоретическое знание (в целом видение О.А. Добиаш-Рожественской эволюции научного знания похоже на то, которое это представлено у М. Дорна в монографии, о которой мы говорили выше). Однако наше представление об эволюции палеографии будет совершенно иным, если мы допустим, что Мабильон и Маффеи выводили свои теоретические построения прежде всего из своих историософских и политических установок, а не из собирания и классификации эмпирического материала. Мабильон считал «варварские» племена способными к самостоятельному творчеству потому, что они связаны были для него с зарождением христианства, а также потому, что к ним возводили современные Мабильону национальные государства, которые требовалось легитимировать через обращение к истории. Маффеи, напротив, считал «варваров» неспособными к самостоятельному творчеству (а итальянцев – наследниками римлян), поэтому создал концепцию происхождения средневековых типов письма, опровергающую классификацию Мабильона: все так называемые «национальные типы», по Маффеи, представляют собой не что иное, как эволюцию римского курсива. Найденный Маффеи переходный тип письма для появления его теории, противоречащей идее Мабильона, вряд ли имеет такое же значение, как противоположность идейных установок двух учёных.

⁴⁹См. главу 5 п. 4 данной работы.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе, вопрос о том, как идеология отразилась в трудах Мабильона, практически не рассматривался специально. Поэтому стоит остановиться на анализе, проведенный Е.А. Косминским. Несмотря на то, что мы имеем дело с жанром лекций, который предполагает известную обобщённость, анализ Е.А. Косминского очень важен для нас потому, что это редкая, а то и вовсе единственная попытка рассмотреть наследие Мабильона в социально-политическом контексте. Е. А.Косминский настаивает, что труды мавристов имели «политическую цель», защищали интересы монархии и религии, хотя некоторые из членов конгрегации и верили, что именно нахождение истины для интересов католической веры и ордена бенедиктинцев первостепенны⁵⁰. Однако Е.А. Косминский не прослеживает, как именно эрудитизм мог служить для защиты интересов католичества и в чём на уровне идеологии проявлялась связь между абсолютистской монархией Людовика XIV и католичеством.

Трудно согласиться с Е. А. Косминским, во-первых, в том, что бенедиктинцы в своих трудах якобы возвращались к средневековому восприятию мира, от которого уже отказалось светское Возрождение, а во-вторых, в том, что научный подход Мабильона не был качественно новым этапом по сравнению с подходом гуманистов. Спорным представляется и его утверждение о том, что науку бенедиктинских эрудитов следует воспринимать как простое продолжение накопления эмпирических фактов, начатое в эпоху Возрождения⁵¹.

В области изданий житий мавристы применяли различные методы критического анализа текста, а их труды в области такого консервативного жанра, как агиография, являются новаторскими. Труды католических эрудитов XVII века не могли не быть частью стремительного прогресса знания в эпоху

⁵⁰Косминский Е.А. Историография средних веков. V- середина XIX века. Лекции. М.: Издательство Московского университета, 1963. С.120.

⁵¹Косминский Е.А. Историография средних веков. С.120-121.

рационализма, а в «Дипломатике» Жана Мабильона критический подход к изучению текста приобрёл черты научного метода. Сам интерес мавристов к Средневековью был связан с их представлением об этом периоде как о золотом веке христианства. В то же время, для эрудитов XVII века средневековые памятники были именно предметом изучения, по отношению к которому критический подход гарантировал определенную беспристрастность (несмотря на то, что их исследования и нельзя считать совершенно не ангажированными).

Значение науки мавристов, вопреки мнению Е.А. Косминского, вряд ли стоит сводить к защите классовых интересов монашества, апологетике монархии и католической церкви. Труды Мабильона и других мавристов были довольно прогрессивным явлением не только для католической науки⁵², но и вообще для истории и филологии его времени. Помимо религиозной доктрины, на Мабильона оказала также влияние и рационалистическая философия. Монашеские ордена (и орден мавристов в частности) развили методы критики текста так, что значение их науки вышло далеко за пределы апологетики католичества.

С точки зрения изучения «Дипломатики» в контексте развития филологии несомненный интерес представляет монография А.А. Волкова⁵³. В этой монографии палеографии и дипломатика рассматриваются в контексте развития знаний о письменных знаках, грамматологии как части семиотики. Соответственно, история дипломатики и палеографии у А.А. Волкова рассматривается в сопоставлении с развитием филологии, дешифровкой неизвестных письменностей и с развитием представлений об орфографии. А.А. Волков отмечает, что в XVII веке для прогресса филологии важную роль играла философия, которая согласовывала между собой и обобщала методы частных

⁵²что можно видеть уже из полемики Мабильона с Рансе (см. главу 1 п. которые считали, что монаху прежде всего следует изучать священное писание см главу 1 п. 2. 5 этой работы).

⁵³Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М: Издательство Московского университета, 1982.

наук. Появление грамматики Пор-Рояль и «Дипломатики» Жана Мабильона было подготовлено рационалистической философией. Письменность и язык вообще стали рассматриваться с точки зрения соответствия универсальной логике. На развитие взглядов на письмо во Франции также оказали влияние другие факторы. Во-первых, в связи с распространением книгопечатания появилась необходимость в стандартизации письма⁵⁴ (отсюда проекты реформы орфографии у французских гуманистов). Во-вторых, систематизация представлений о грамотах была необходима в связи с процессом централизации, государственной организацией управления архивами⁵⁵. Эта взаимосвязь между централизацией бюрократии и систематизацией знаний о документах может стать предметом отдельного исследования.

Действительно, как отмечает А.А. Волков, подход Мабильона заключался в систематическом учёте «физических характеристик письменных знаков и текстов в целом», а также в «построении на материале датированных текстов представления о традиции в области графических, орфографических принципов и формуляров документов»⁵⁶. Для датировки и определения подлинности документов традиция определённой канцелярии имеет у Мабильона большое значение.

Изучение «Дипломатики» необходимо продолжить сразу по нескольким направлениям, которые были ещё только в общих чертах намечены предшествующими исследователями. Во-первых, в контексте изучения письменных знаков, как часть развития грамматики. Здесь было бы уместно сопоставить взгляд на письменность в широком смысле у Мабильона, у французских гуманистов, занимавшихся проектами реформы орфографии, а также рациональными грамматиками. Во-вторых, требуется проследить, в какой степени рационалистическая философия подготовила появление систематизации

⁵⁴Волков А.А. Грамматология. С. 31.

⁵⁵Там же. С. 31.

⁵⁶ Там же. С. 51.

знаний о письменных памятниках и можно ли увидеть их непосредственное влияние на труды Мабильона. В-третьих, необходимо рассмотреть «Дипломатику» в сопоставлении с трудами предшественников Мабильона⁵⁷. В-четвёртых, представляется очень важным проследить влияние общеполитического контекста на Мабильона. Такие исследования, насколько я знаю, до сих пор проведены не были, а между тем влияние господствовавших во Франции XVII века доктрин в трудах Мабильона прослеживается и иногда даже отражается в теоретических построениях «Дипломатики».

Без углублённого изучения «Дипломатики» в этих основных направлениях невозможно оценить подлинное значение труда Мабильона. Поскольку «Дипломатика» является важной вехой в развитии филологии, то и история филологии без расширенного знания о значении труда Мабильона остаётся неполной.

«Дипломатику» необходимо рассматривать не только в контексте эволюции Мабильона или этап определённой стадии развития знаний о средневековых памятниках, но также и как научный труд, появившийся во Франции конца XVII века. Если исходить из соображения о том, что в науке находит отражение социальное и экономическое устройство определённого общества в определённом периоде времени, то становится возможным ответить на вопрос о том, почему совокупность тех или иных проблем занимает тех или иных учёных⁵⁸. Необходимо попытаться сформулировать общие социально-политические предпосылки, которые сделали такими востребованными

⁵⁷ Хотя эта задача едва ли выполнима в рамках одной диссертации, для начала можно ограничиться сопоставлением с теми трудами, на которых Мабильон ссылается и с которыми полемизирует. Поскольку интертекстуальные связи «Дипломатики», как и любого другого труда XVII века, очень обширны, я ограничусь самыми, на мой взгляд, важными из них (Конринг, Папebroх).

⁵⁸ См., например Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. Л.: ОНТИ, 1934.

датирование и локализацию средневековых во Франции конца XVII века. Без этого нельзя понять значение Мабильона для развития филологии.

1.2. Источниковедческий очерк основных трудов Мабильона

Биографии Мабильона являются, пожалуй, самым распространённым жанром трудов о нём.

Первый труд о жизни и трудах Мабильона был написан его учеником Тьерри Руинаром и издан сначала по-французски⁵⁹, а затем в переводе на латинский язык⁶⁰. Биографии Мабильона писали и впоследствии⁶¹. Многие из авторов биографий Мабильона были монахами. Для них Мабильон был интересен не только как учёный, но и как этический идеал. В некоторых биографиях Мабильона приводятся эпизоды, близкие к житийным⁶². Соответственно, труды Мабильона многие его биографы воспринимали в контексте религиозного служения⁶³. Возможно поэтому один из более современных исследователей выразил сожаление о том, что не написана

⁵⁹ Ruinart Th. *Abrégé de la vie de D. Jean Mabillon*. Paris: Muguet et Robustel, 1709.

⁶⁰ Ruinart Th. *Vita Johannis Mabilloni presbyteri ac Congregationis S.Mauri a Theodorico Ruinart ejus socio olim gallice scripto, nunc vero ab alio ejusdem Congregationis monacho in latinum sermonem translata, rerumque nova accessione aucta*. Patavii ex typogr. Seminarii (Manfré), 1714.

⁶¹ Библиографию до конца XIX века см. Bäumer S. *Johannes Mabillon. Ein Lebens- und Literaturbild aus dem XVII und XVIII Jahrhundert*. Augsburg, 1892, до начала XX – Stein H. *Bibliographie chronologique des ouvrages relatifs à Mabillon (1707-1907) // Mélanges et documents publiés à l'occasion du deuxième centenaire de la mort de Jean Mabillon Ligugé - Paris, 1908*.

⁶² «Легенда гласит, что двухмесячный младенец на руках матери, когда пролетал белый голубь, сказал: «Смотри, мама, какой красивый голубь!» До двух лет он больше не говорил». Bäumer S. *Johannes Mabillon. Ein Lebens- und Literaturbild aus dem XVII und XVIII Jahrhundert*. Augsburg; Huttler, 1892. S.2.

⁶³ «Если он старался преуспеть в науке, то это только руководствуясь благородным мотивом лучше служить богу, защитить церковь и быть полезным ближним». Ibid. S.13.

современная научная биография Мабильона⁶⁴. Представляется, что недостатком многих работ о Мабильоне можно считать именно сосредоточенность на его религиозности. Хотя имя Мабильона в истории науки связано прежде всего с его вкладом в развитие палеографии и дипломатики, биографов он интересовал прежде всего как теолог или историк церкви.

В XX-XXI веках о Мабильоне практически не пишут отдельные монографии. Счастливым исключением является книга Б. Баррет-Кригель, которая посвятила Мабильону отдельный том в своём сборнике биографий эрудитов⁶⁵. Для Б. Баррет-Кригель было интересно развитие эрудитизма в рамках научных институций. Большое внимание исследовательница уделила общему контексту эрудиции мавристов. В монографии подробно рассматривается полемика Мабильона и Рансе, в которой сталкиваются два типа эрудитизма: критического (Мабильон) и религиозного, основывающейся на роли авторитета (Рансе).

Интерес представляет то, каким образом «Дипломатика» была связана с другими трудами Мабильона и в какой степени можно рассматривать этот труд как результат развития собственного метода Мабильона, если учитывать то, что в других его трактатах проявляется критический подход. Поэтому я постараюсь дать краткий очерк основных трудов Мабильона, по возможности останавливаясь на проявлениях в них критического метода, параллельно приводя некоторые важнейшие сведения из его биографии.

1.2.1 Ранние годы Мабильона и начало трудов в ордене бенедиктинцев

Мабильон родился 23 ноября 1632 года в Пьермоне (Шампань). Начатки знаний Мабильон получил благодаря своему дяде, сельскому кюре. В возрасте

⁶⁴ Knowles M.D. Jean Mabillon // The Journal of ecclesiastical history. 1959. Vol. 10. P. 153.

⁶⁵ Barret-Kriegel B. Jean Mabillon, Les historiens et la monarchie. Paris : PUF, 1988.

десяти лет он отправился в Реймс, чтобы учиться в «Collège de bons enfants». Эта школа относилась к университету, основанному в 1567 году после Тридентского собора. Проучившись там шесть лет, он в 1650 году поступает в семинарию при университете в Реймсе. В 1652 он стал новицием, а в 1653 году принял постриг в аббатстве Сен-Реми, находившемся неподалеку от семинарии. После непродолжительного пребывания в Ножене, Мабильон в 1658 году приезжает в аббатство Корби, славившееся своей богатой библиотекой. В 1663 году Мабильон отправляется в Сен-Дени, где его назначают хранителем древних ценностей аббатства. В 1664 году Мабильон прибывает в аббатство Сен-Жермен-де-Пре и становится помощником Люка д'Ашери его работе над собиранием материала для истории аббатства⁶⁶.

Орден бенедиктинцев⁶⁷ благодаря своему устройству (разделение труда, обязательное время на чтение и интеллектуальные занятия) благоприятствовал тому, чтобы монахи занимались наукой. Сам устав ордена, написанный св. Бенедиктом незадолго до его смерти в 543 году в Монтекассино, предписывал монахам посвящать время чтению священных текстов. Кроме того, место в иерархии ордена определялось по уставу бенедиктинцев не только праведностью жизни, но и знаниями⁶⁸.

В начале XVII века происходит реформа бенедиктинского ордена, которая окончится появлением ордена мавристов. В 1601 году были объединены два монастыря – в Вердене и Мойенмуатье. В 1604 году папа Клемент VIII дал этой конгрегации имя Сен-Ван-и-Сен-Хидульф. Впоследствии к конгрегации присоединились сорок монастырей. А впоследствии их количество возрастало.

⁶⁶ Ruinart T. Abrégé de la vie de D. Jean Mabillon. Paris : Muguet, 1709. P. 7-23.

⁶⁷ Об ордене св. Бенедикта см., например, Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М.: «Ломоносовъ», 2012.

⁶⁸ Heurtebize B. Bénédictins // Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique; leurs preuves et leur histoire. Tome deuxième. Paris: Librairie Leutouzey et Ané, 1905. P. 602; Chavin de Malan E. Histoire de dom Jean Mabillon et de la congrégation de Saint-Maur. Paris: Debécourt, 1843. P.23-35.

Когда монастырь в Лотарингии, не принадлежавшей тогда Франции, решили присоединить к этой конгрегации, то конгрегация была названа в честь св. Мавра, ученика св. Бенедикта. Главой конгрегации становится Мартен Теньер, а затем – Грегуар Тарисс, который проводит новую реформу монастырей и делает центром конгрегации аббатство Сен-Жермен-де-Пре⁶⁹. Реформа Грегуара Тарисса дополнительно усилила позиции научных занятий в ордене⁷⁰.

К концу семнадцатого века конгрегация святого Мавра насчитывала 180 монастырей на территории Франции и около двух тысяч монахов. Монахи принадлежали не только к конкретному монастырю, но и к конгрегации целиком, поэтому могли перемещаться из одного монастыря конгрегации в другой, если в этом была необходимость. Это позволяло затребовать специалиста в какой-либо области из одного монастыря в другой, если в ходе работы, например, с архивом, возникала такая необходимость. Конгрегация мавристов постепенно присоединила к себе почти все французские бенедиктинские монастыри, в результате чего в распоряжении конгрегации оказалось множество рукописей и старинных грамот.

Аббатство славилось своими знатоками христианских древностей⁷¹. Там регулярно проходили собрания эрудитов. Члены аббатства активно

⁶⁹ Hurel O.-D. Dom Jean Mabillon, moine bénédictin et acteur de la république des lettres dans l'Europe de Louis XIV // *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*, 2008. №1. P. 4-6; Baudot J. Mauristes // *Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique; leurs preuves et leur histoire*. Tome neuvième, deuxième partie. Paris: Librairie Leutouzey et Ané, 1927. P. 406; Batiffol P. Une réforme de bénédictins sous Louis XIII // *Revue de Paris*. 1903. №5. P. 57-89.

⁷⁰ Joassart B. Les mauristes et les bollandistes. Une même approche de l'érudition? // Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. Paris, 2007. P. 574.

⁷¹ Neveu B. Paris capitale de la république des lettres et le "De re diplomatica" de Jean Mabillon 1681 // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*. 1981. №1. P. 37-39.

переписывались с бенедиктинскими монахами по всей Европе, поддерживали связи с эрудитами того времени (Боссюэ, Дю Канж, Балюз, Ренодо и др.)⁷².

1.2.2. Издание памятников, связанных с Бернардом Клервосским

Аббатство Сен-Дени активно занималось изданием теологической литературы, главным образом используя для этого свои богатые архивы⁷³. В 1664 году аббатство Сен-Дени начало новое издание трудов Св. Бернарда, в котором учитывались те свидетельства, которые не были известны предыдущему издателю, Якобу Хорсту. Мабильон приступил к работе над этим новым изданием сразу по прибытии в аббатство, и уже в 1667 появились два тома in-folio и девять томов in-octavo: – «Полное собрание трудов Бернарда Клервосского, исправленное после первого издания Хорста»⁷⁴.

Мабильон расположил труды святого Бернарда сначала по предмету, а потом в соответствии с временем написания. Он также обратил внимание на те текстологические ошибки, которые ускользнули от внимания Якоба Хорста. Подлинные труды св. Бернарда были отделены от ошибочно приписываемых ему. Письма и трактаты, ранее не публиковавшиеся, были включены в издание и снабжены комментариями. В первом томе Мабильон поместил календарь с важнейшими событиями жизни святого Бернарда, каждый из томов был снабжён

⁷² Tassin, dom. Histoire littéraire de la congrégation de Saint-Maur. Paris: Humblot, 1770; Bergkamp U. Dom Jean Mabillon and the benedictine historical school of Saint-Maur. Washington: Catholic University of America, 1928. P. 6-21; Chavin de Malan E. Histoire de dom Jean Mabillon et de la congrégation de Saint-Maur. Paris: Debécourt, 1843. P. 279-286.

⁷³ О работе с архивами в Сен-Дени см. Gyotjeannin O. La science des archives à Saint-Denis (fin du XIII- début du XVI siècle) // Saint-Denis et la Royauté. Etudes offertes à Bernard Guenée. Ed. par Autrand F., Gauvard C. et Moeglin J-M. Paris, 1999. P. 339-353.

⁷⁴ Mabillon J. S. Bernardi Abbatis primi Clarevallensis opera omnia post Horstium denuo recognita, aucta, et in meliorem ordinem digesta, nec non novis praefationibus, notis et observationibus, indicibusque copiosissimis locupletata et illustrata. Paris, 1667.- 2 vol. in Fol. et 9 vol. in 8.

предисловием, в котором говорилось о новых источниках и ранее не известных фактах.

Издание трудов святого Бернарда отличалось новым для своего времени критическим подходом и заслужило признание эрудитов того времени. В 1690 г. они были изданы во второй раз. Третье издание появилось в 1719 году, уже после смерти Мабильона.

1.2.3 Издание житий святых ордена святого Бенедикта

Вместе с Люком д'Ашери Мабильон занимался изданием житий святых-бенедиктинцев⁷⁵. Первая книга издания появилась уже в 1668 году⁷⁶. Последняя девятая книга была опубликована в 1702 году. В этом издании авторству Мабильона принадлежат предисловия и примечания, посвящённые самым различным вопросам истории, хронологии, географии и теологии⁷⁷.

В предисловии к первому тому⁷⁸ Мабильон рассказывает о возникновении и распространении монашеских орденов на территории Европы до святого Бенедикта. Собрал и проанализировав доступные факты, Мабильон впервые точно датирует кончину святого Бенедикта (21 марта 543 года). В этом предисловии повествуется также о том, как устав бенедиктинцев был перенесён в Италию святым Плацидом (St. Placidus), в Галлию – святым Мавром, в

⁷⁵Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Vol. 1-9. Parisii. 1668-1702 (6 t. in 9 vol).

⁷⁶ Mabillon J. Hymni in laudem Sancti Adhalardi, Sanctae Bathildis Reginae. Officia ecclesiae corbeiensi propria, vel nova edita, vel vetera emendata ; quae omnia in unum collecta typis vulgata sunt ad ejusdem ecclesiae usum. In 8. Paris, 1667.

⁷⁷Smith W. Dom Mabillon. Vir maxime doctus et minime superbus // English benedictine history. 2007. № 33. P. 12.

⁷⁸ Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Parisii: Apud Ludovicum Billaine, 1668. P. 1-63.

Испанию – святым Донатом. В этом же предисловии Мабильон рассматривает некоторые церковные обычаи и обряды.

В предисловии ко второму тому⁷⁹, опубликованному в 1669 году, Мабильон излагает историю святого Колумбана и распространение устава бенедиктинцев на территории современной Бельгии. Также в этом предисловии приводятся рассуждения о том, как следует служить мессе.

Следующий том был разделён на две части. Первая часть была опубликована в 1677 году, вторая — в 1680. При их издании Мабильону помогал Мишель Жермэн, оба предисловия написаны Мабильоном.

В предисловии к первой части этого тома⁸⁰ Мабильон рассматривает вопрос о возникновении ересей, затем переходит к истории монашества, рассказывая о его ослаблении при Карле Великом и расцвете при Людовике XIII, когда устав бенедиктинцев стал активно распространяться по Европе.

В предисловии ко второй части⁸¹ рассматривается спор относительно таинства причастия, возникший между Пассиусом Робертом, аббатом Корби, и неким монахом. Спор касался пресуществления тела Христа во время причастия: было ли это то же тело, которое было рождено Святой Марией, или нет? Мабильон приводит рассуждения по этому вопросу Блаженного Августина, Святого Мученика Игнатия, Иоанна Скотта Эриугены и др. Затем Мабильон касается истории разделения церквей. В конце Мабильон рассматривает некоторые монашеские обычаи.

Том, посвящённый десятому веку (тома разбиты на периоды жизни бенедиктинского ордена), был опубликован в 1685 году. Мабильон освещает

⁷⁹Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Parisii: Carolum Savreux, 1669. P.1-48.

⁸⁰Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Parisii: Apud Ludovicum Billaine, 1677. P. 5-154.

⁸¹Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Parisii: Apud Ludovicum Billaine, 1680. P. 3-119.

историю монашества этого века в Италии, затем переходит к другим странам, подробно рассматривает историю Клунийского аббатства, основанного в 910 году. Затем Мабильон выделяет три основных подхода к канонизации святых, характерных для разных периодов времени. После этого он рассматривает проблему индульгенций⁸².

Первая часть тома, посвящённая одиннадцатому веку, вышла в 1701 году. К работе над этим томом присоединился Тьерри Руинар. Первый том предваряет картина процветания аббатства в одиннадцатом веке. Мабильон говорит о распространении устава в другие области и о реформах в английских монастырях. В конце предисловия он рассматривает некоторые вопросы хронологии и предлагает датировать смерть Гуго Капета 996 годом⁸³.

Предисловие ко второй части, посвящённой одиннадцатому веку⁸⁴, разделено на двенадцать частей. Первая часть посвящена углублению раскола церквей. Затем Мабильон переходит к ереси Беренгария и к роли Папы Григория VII в искоренении симонии и в возвращении к монашескому celibату. Вслед за этим Мабильон намечает историю возникновения других конгрегаций, прослеживает возникновение новых институций, таких как конверзы, а также обычая, требовавшего, чтобы Папа вместе с саном получал новое имя.

Издание охватило шесть веков существования бенедиктинского ордена и было прервано со смертью Тьерри Руинара в 1709 году.

Итак, издание, посвящённое святым-бенедиктинцам, над которым Мабильон работал сначала с Люком д'Ашери, а затем с Тьерри Руинаром, отличалось критическим подходом. Мабильон работал над этим изданием на

⁸²Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Vol. 1. Parisii: Apud Ludovicum Billaine, 1685. P. 3-87.

⁸³Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Parisii: sumptibus Caroli Robustel, 1701. P. 1-32.

⁸⁴Achery L. Mabillon J. Ruinart Th. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa. Ventii: apud Sebastianum Coleti et Josephum Bettinelli, 1733. P. 1-44.

протяжении почти всей своей жизни. Примечания Мабильона предполагали большой объём работы в области источниковедения, хронологии, географии и т. п. Мабильону приходилось в ходе этой работы датировать письменные памятники и отделять достоверные источники от недостоверных. Издание бенедиктинцев и подход Мабильона были далеки от воспроизводства житийных сюжетов, признанных традицией. Иногда это это приводило к конфликту с традиционными представлениями: так, Мабильон не упомянул некоторых святых, ранее считавшихся бенедиктинцами, потому, что нашёл свидетельства о них недостаточно достоверными. Мабильон ставил достоверность источника выше традиционных представлений⁸⁵.

1.2.4. Дорожные заметки («itiner») Мабильона

Во времена Мабильона практически не существовало систематических каталогов, а необходимые для изучения истории памятники и документы были рассеяны по многочисленным монастырским и частным библиотекам. Это обстоятельство вызывало необходимость в частых путешествиях. Одними из первых такие путешествия стали предпринимать болландисты (орден иезуитов). Мабильон впервые отправился в путешествие по библиотекам и архивам в 1672 году, посетив Фландрию. Его целью было собрать материал для «Acta sanctorum». Те памятники, которые не вошли в издание житий, но были значимы для Мабильона, он издал отдельно⁸⁶.

В путешествиях Мабильон уделял внимание собиранию и описанию раннехристианских древностей и источников по истории церкви.

⁸⁵ Broglie E. Mabillon et la société de l'abbaye de Saint-Germain de Près (en deux volumes). Paris: Librairie Plon, 1888. Vol. I. P. 51-59.

⁸⁶ Mabillon J. Vetera analecta, sive collectio veterum aliquot operum et opusculorum omnis generis. Vol. 1-4. Paris, 1675-1685.

О некоторых из путешествий (в Бургундию (1682), Германию (1683), Италию (1685)) Мабильон оставил воспоминания с описаниями наиболее интересных памятников и артефактов.

Записки Мабильона о его совместном с Мишеле Жерменом путешествии в Бургундию («*Itinerarium burgundicum*») были опубликованы в посмертном издании его трудов⁸⁷, как и материалы путешествия по Германии («*Iter Germanicum*»)⁸⁸.

Путешествие в Италию было для Мабильона самым длинным и, наверное, самым важным. Туда Мабильон отправился с двумя другими монахами конгрегации – Тьерри Руинаром и Мишелем Жерменом. Главной целью путешествия было пополнение королевской библиотеки. Монахи покинули Париж первого апреля 1685 года. Через пять дней они были в Лионе, а оттуда через Альпы отправились в Турин и далее: в Рим, Флоренцию, Милан, Верону, Падую, Венецию, Равенну, Феррару и Лорето. Путешествие заняло пятнадцать месяцев.

С собой они привезли не только множество книг для королевской библиотеки (около 400 томов), но также копии манускриптов и некоторые ценные заметки и описания⁸⁹.

Спустя немного времени после своего возвращения, Мабильон издаёт первый том «*Museum Italicum...*», повествующий о его путешествии. В этом

⁸⁷Mabillon J., Ruinart Th. *Ouvrages posthumes*. Tome II. Paris: chez Babuty F., Josse J.-F., Jombert, 1724. P.1-43.

⁸⁸ Mabillon J. *Iter Germanicum* // Io. Mabilloni *Iter germanicum* et Io. Launoi *De scholis celebribus*. Hamburgi: Ch. Liebezeit, 1717. P. 1-103. О путешествии Мабильона в Германию см. Вацкнер А. *Mabillons Reise durch Bayern im Jahre 1683*. Diss. München, 1910. McDonald P. *Mabillon's Iter germanicum of 1683* // *The Downside Review*. 1973. №1. P. 1-12.

⁸⁹ Omont H. *M.H. Mabillon et la bibliothèque du Roi à la fin du XVII siècle* // *Mélanges et documents publiés à l'occasion du deuxième centenaire de la mort de Jean Mabillon*. Ligugé-Paris, 1908.. P. 107.

трактате Мабильон опубликовал памятники, которые могли бы быть источником о раннехристианском богослужении, в двух томах («Museum italicum»).

В первой части первого тома Мабильон описывает архивы и библиотеки, эпитафии и архитектуру. Во второй части помещён текст старого sacramентария под заглавием «Liber Sacramentorum Ecclesiae Gallicanae»⁹⁰. Мабильон считал, что sacramентарий был создан в седьмом веке в Безансоне или, возможно, в Люкsee и описывает порядок службы, характерный для Галлии.

Во втором томе «Museum Italicum», опубликованном в 1689 году, Мабильон помещает другую свою находку – «Ordines Romani», пятнадцать литургических книг, описывающих римское богослужение в ранние века существования христианской церкви⁹¹. Тексту предпослано подробное введение о старых базиликах, о духовенстве, о причастии и пр.

Во время посещения раннехристианских катакомб Мабильон сделал наблюдения о канонизации останков, которые извлекались из захоронений. Например, при канонизации покойников из катакомб пальмовую ветвь интерпретировали как знак святости. Мабильон указал на то, что пальмовая ветвь обозначала вероисповедание, но не обязательно святость умершего⁹². Критический подход Мабильона ставил под вопрос устоявшиеся практики канонизации. Возможно, отчасти этим объясняется то, что труд Мабильона, в котором рассматривался этот вопрос⁹³, был опубликован не сразу.

⁹⁰Mabillon J. Germain M. *Iter italicum litterarium seu collectio veterum scriptorum ex bibliothecis italicis. Tomus primus in duas partes distinctus. Prima pars complectitur eorumdem iter Italicum litterarium: altera vero varia Patrum opuscula et vetera monumenta, cum Sacramentario et Poenitentiali Gallicano.* Lutetiae-Parisiorum: Apud Martin E., Boudot J., Martin S., 1687. P. 273-397.

⁹¹ Mabillon J. Germain M. *Musei Italici tomus secundus, complectens antiquos libros ritualis sanctae Romanae Ecclesiae, cum commentario praevio in ordinem Romanum.* Lutetiae-Parisiorum: Apud Martin E., Boudot J., Martin S., 1689.

⁹²Bergkamp U. *Dom Jean Mabillon and the benedictine historical school of saint-Maur.* P. 85-87.

1.2.5 Полемика Мабильона и Рансе

Мабильон активно выступал против антиинтеллектуалистских настроений в католичестве. Он вступил в полемику с цистерцианцем де Рансе, который считал, что изучение наук в монастырях противоречит религиозному смирению. В ответ на трактат де Рансе⁹⁴ Мабильон опубликовал своё сочинение⁹⁵, в котором обосновывал необходимость занятий наукой в монастырях. Трактат Мабильона замечателен тем, что из него мы узнаём круг чтения самого Мабильона, а также тем, что в этом трактате он суммирует свои представления об истории и о методе работы с памятниками.

В VIII главе второй части⁹⁶ Мабильон формулирует свой метод работы с источником. Он пишет, что, во-первых, исследователю необходимо понимать, на чем основывается автор памятника: является ли он свидетелем описываемых событий, или же был знаком с теми документами, которые позднее были утрачены. При этом автор, в трудах которого содержится большое количество ошибок, всё же может быть полезен, если подойти к сообщённым фактам критически⁹⁷. Мабильон говорит о пользе для монаха и других наук, таких как физика или философия. Изучение словесности (*belles lettres*) Мабильон сводит к чтению Писания и Отцов церкви, а также искусству красиво говорить и писать (там же приводятся некоторые интересные замечания о правильном произношении).

⁹³ Mabillon J. Eusebii Romani ad Theophilum Gallum epistola de cultu sanctorum ignotorum. Paris : de Bats, 1698.

⁹⁴ Rancé A.-J. De la sainteté et des devoirs de la vie monastique. En II volumes. Paris: Chez Muguet, 1683.

⁹⁵ Mabillon J. Traité des études monastiques divisé en trois parties Paris : chez Charles Robustel , 1691.

⁹⁶ Mabillon J. Traité des études monastiques. P. 224-242.

⁹⁷ Mabillon J. Traité des études monastiques. P. 137.

Если одиннадцатая глава⁹⁸ посвящена изучению словесности, то двенадцатая – изучению «манускриптов, надписей и медалей». В ней содержится краткое изложение его метода работы с манускриптами. Ниже мы помещаем наш перевод фрагментов правил работы со старинными памятниками, сформулированных Мабильоном⁹⁹. Эти правила представляют особый интерес, поскольку суммируют некоторые положения «Дипломатики» и дают представление о том, как в работе со старинными манускриптами Мабильон применял текстологические методы.

«1. Чем старше манускрипты, тем больше они заслуживают доверия. Конечно, если они написаны добросовестным писарем; если они ближе к источнику, то они более аутентичные (*purs*), чем те, которые много раз переписывались.

2. Древность манускрипта оценивается по форме письма и по самому манускрипту. Не все старинные манускрипты имеют квадратную форму: консульские таблички продолговатые. Однако большая часть манускриптов квадратной формы древние. Что касается видов письма, читатель может справиться с «Дипломатикой», где виды письма разных веков приведены в гравюрах.

3. Древности манускрипта иногда недостаточно, чтобы судить о сомнительном тексте. В некоторых старинных манускриптах слишком много ошибок, и потому приходится обращаться к более поздним спискам, которые лучше выполнены, то есть точнее.

4. Хотя авторитетности манускрипта иногда достаточно, чтобы исправить тот или иной текст, лучше просмотреть несколько, не пренебрегая даже теми, в которых есть ошибки. Как не существует хороших манускриптов, в которых не было бы ошибок, так и не существует плохих, в которых нельзя было бы найти что-то полезное.

5. Тексты одного автора, которые хранятся в аббатствах одной провинции, как

⁹⁸ Ibid. P. 248-279.

⁹⁹ Ibid. P. 266-280.

правило совпадают, учитывая, что они часто бывают одновременно продиктованы писцам одним и тем же чтецом, или же одни из них скопированы с других. В этом случае их следует рассматривать как единый [манускрипт].

6. Предположения, не основанные на конкретном манускрипте, должны делаться очень осторожно и и предусмотрительно, только в том случае, если они настолько очевидны, что сами напрашиваются. Но, если быть до конца честным, то следует вовсе воздержаться от них, даже если они кажутся уместными и новизна мысли льстит воображению. Можно оставить замечание в примечании как не более чем замечание. Но делать какие-то смелые выводы, основываясь на одном замечании – значит делать возможным и почти неизбежным неправильное понимание текста.

7. Что касается печати манускриптов, следует обращать внимание на орфографию, различные написания букв и способы сокращений слов или слогов, отличать, например, «рег» от «рго», «qui» от «quam» или «quoniam» и других похожих слов. В этом нетрудно ошибиться, когда не хватает опыта [...].

8. Не менее важно помнить о том, что, когда несколько человек участвуют в подготовке [текста] одного автора, тот, кто держит напечатанный текст, отчётливо произносил слова, и может появиться нечто, сходное по звучанию, но далёкое по смыслу. Необходимо, чтобы все слоги и придыхательные произносились отчётливо, ведь иногда бывает трудно отличить «indiga» от «indigna», с «lumine» от «limine», «aure» от «ог» и так далее. Писцы в манускриптах делали похожие ошибки, когда им диктовали то, что они должны были писать.

9. Те, кто сравнивает манускрипт с печатным текстом, должны отметить страницу и номер строки печатного текста, где нужно внести исправление, или рубрику. Чтобы не приходилось каждый раз отсчитывать строку, можно отметить предполагаемый интервал между строк, чтобы можно было узнать номер строки, приложив к тексту этот картон.

10. Нужно отметить все расхождения, какими бы они ни были, и сделать выбор, основываясь на изучении.

11. Чтобы сделать правильный выбор, нужно изучить все разночтения и отобрать те варианты, которые наиболее созвучны намерениям автора. Если место остаётся неясным, то нужно сделать сноску, указав на различия. Коротко говоря, прежде всего следует делать выбор сознательно. Благодаря этому можно извлечь пользу из изучения манускриптов...¹⁰⁰

¹⁰⁰Переводы цитат здесь и далее мои, за исключением специально отмеченных случаев.

“1. *Les plus anciens manuscrits sont d’ordinaire les meilleurs, sur tout lors qu’ils ont esté écrits par un bon copiste. Car comme ils sont plus prés (орфография оригинала здесь и далее по возможности сохраняется) de la source, il sont aussi plus purs que ceux qui ont passé par les mains de plusieurs écrivains.*

2. *On distingue l’antiquité des manuscrits par la forme du caractere et du manuscrit mesme. Tous les manuscrits anciens ne sont pas quarrés, il a des tablettes consulaires qui sont longues; mais la plupart des manuscrits quarrés sont anciens. Pour ce qui est des caracteres, on peut voir la Diplomatique, ou l’on a représenté les écritures des differens siecles sur des planches gravées.*

3. *La seule antiquité d’un manuscrit ne suffit pas toujours pour décider d’un texte douteux d’un auteur. Il y a des manuscrits anciens qui sont fort defectueux, et on leur doit quelquefois preferer des manuscrits mesme plus recens, qui sont écrits d’une bonne main, c’est-à-dire par un homme exact.*

4. *Quoique l’autorité d’un seul manuscrit puisse quelquefois suffire pour corriger le texte d’un auteur, il est toutefois plus sûr d’un consulter plusieurs, sans negliger ceux-mesmes qui ne sont pas si corrects. Car comme il n’y a point de si bons manuscrits qui n’ait quelques fautes, il n’y en a point aussi de si méchans qui n’ait de bonne choses.*

5. *Les manuscrits d’un auteur, qui se sont conservez dans les abbayes d’une mesme province, sont assez souvent conformes, d’autant qu’ils ont esté écrits peut-estre tous ensemble sous un mesme lecteur qui dictoit à plusieurs copistes, ou qu’ils ont esté copiez les uns sur les autres. En ce cas il ne doivent estre contez d’ordinaire que pour un.*

6. *Les conjectures qui ne sont pas appuyées d’aucun manuscrit, doivent estre employées avec beaucoup de retenue et de circonspection, et il ne s’en faut servir que lorsque les choses sont si claires, que l’on n’en peut raisonablement douter. Quoy qu’à dire le vray, il vaut encore mieux se défier de celles mesmes qui paroissent claires à celui qui en est l’auteur, n’y ayant rien de plus ordinaire que de se laisser emporter à la nouveauté d’une pensée, qui flatte nôtre imagination. On*

Первое издание этого трактата появилось в 1691, второе – уже через год. Труд знали в Европе: в Германии и Швейцарии вышло два перевода на латинский, а в Италии была опубликована вторая часть в итальянском переводе¹⁰¹.

Несмотря на всеобщее признание труда Мабильона, де Рансе меньше чем через год опубликовал возражение «Réponse au traité des études monastiques» – «Ответ

peut mettre sa conjecture comme conjecture dans une Note: mais de prononcer hardiment sur une simple conjecture, c'est exposer les auteurs aux dangers d'une corruption presque inévitable.

7. *Une des premiers choses que doivent apprendre ceux qui conferent les manuscrits avec les imprimez, est de sçavoir distinguer les differentes ortographes des anciens, les changemens des lettres, et les diverses manieres d'abreger les mots ou les syllabes, pour ne pas prendre un per pour un pro, un qui pour un quam, ou pour quoniam, et autres semblables, où l'on a coutume de se tromper faute d'experience. Pour ce qui est de l'orthographe, on peut voir ce qu'en a écrit Cassiodaure, outre Dausquius, Vossius, et Scoppius, comme aussi le Père Sirmond dans ses remarques sur la Columna rostrata*

8. *Une autre chose qui n'est gueres moins importante, est lorsque plusieurs font ensemble la revue d'un auteur sur plusieurs manuscrits, il est necessaire que celui qui tient l'imprimé, prononce tres-distinctement les mots, les aspirations et les syllabes dont le son est approchant de quelques autres, quoique le sens en soit fort different. Si l'on y manque, on ne distinguera pas indiga d'indigna, lumine de limine, aure d'or, homine d'omine, et beaucoup d'autres mots semblables. Les copistes mesmes des manuscrits ont quelquefois commis de pareilles fautes, lors qu'on leur dictoit ce qu'ils devoient écrire.*

9. *Ceux qui conferent les manuscrits avec un imprimé doivent, pour la facilité de ceux qui s'en serviront, marquer la page et le nombre de la ligne de l'imprimé, ou tombe la correction ou la diverse leçon. Et afin qu'ils ne soient pas obligez de conter à chaque fois les lignes, ils pourront faire une échelle de carton ou de papier, sur laquelle ils marqueront le nombre des lignes dans la mesme distance qu'elles font dans l'imprimé, où tombe la correction.*

10. *Il faut marquer toutes les diversitez, bonnes et mauvaises, et se reserver à en faire le choix et le discernement par une étude particuliere.*

11. *Pour réussir dans ce choix, il faut peser avec beaucoup de soin toutes les diversitez, et preferer celle qui paroist plus conforme au sens de l'auteur. Mais lorsque la chose soit tant foit peu douteuse, il faut mettre en Note cette diversité. En un mot, le jugement doit sur tout presider dans*

на трактат о науке в монастырях»¹⁰². В 1692 году Мабильон опубликовал «Réflexions sur la réponse de M l'abbé de la Trappe au Traité des études monastiques» - «Размышления по поводу ответа аббата Де ла Трапп на трактат о науке в монастырях»¹⁰³.

1.3 Краткие выводы

Хотя словесность (*belles lettres*) Мабильон понимал как чтение отцов церкви и священных текстов, именно в этой области он создал и применил метод интерпретации текста, который будет иметь большое значение для филологии.

Католические монастыри располагали обширными архивами. Работа со средневековыми памятниками имела важное значение для собирания и издания житий и трудов по истории церкви. В бенедиктинских монастырях научные занятия предписывались уставом.

В монастыре Сен-Дени Мабильон был занят преимущественно работой по собиранию и публикации материалов, связанных с историей церкви и бенедиктинского ордена. Мабильон занимался историческими и филологическими исследованиями, отбирая и датируя памятники, составляя подробные комментарии и примечания к публикуемым материалам.

В работе Мабильона проявился новый подход к источникам. В изданиях бенедиктинцев и, в особенности, в работах Мабильона историческая

ce choix, d'où dépend toute l'utilité que l'on peut tirer de la revue des anciens manuscrits.

¹⁰¹ Bergkamp U. Dom Jean Mabillon and the benedictine historical school of saint-Maur. P. 87.

¹⁰² Ransé dom. Réponse au traité des études monastiques. Paris, 1692.

¹⁰³ Mabillon J. Réflexions sur la réponse de M l'abbé de la Trappe au Traité des études monastiques. Paris, 1692 (имеется в виду аббат де Рансе).

достоверность стала иметь большее значение, чем место того или иного текста или памятника в традиционной иерархии текстов.

В научной деятельности Мабильона в области истории церкви и теологии было отражено сознание человека Нового времени. В «Трактате о науках в монастырях» Мабильон критиковал схоластическую философию, но заявлял о необходимости изучения физики и математики.

Работа Мабильона над трудами по истории церкви требовала описания, датировки, определения подлинности и интерпретации памятников. Большое значение Мабильон придавал учёту и обобщению эмпирических фактов, а именно черт памятников определенной эпохи. Мабильон обобщил и развил свои наблюдения в «Дипломатике».

Глава 2. Орфография как отражение изменчивости языка в «Дипломатике» Жана Мабильона и представление о письме в французской филологии XVI-XVII веков

В «Дипломатике» Мабильон использовал метод, в соответствии с которым делать заключение о подлинности, месте и времени создания памятника следовало только после того, как все черты будут памятника были внимательно рассмотрены («Не только по письму и не только по печати, но по совокупности [признаков] следует судить о старинных грамотах»¹⁰⁴). Грамоты определённой эпохи и канцелярии обладали, по Мабильону, своими отличительными признаками (материал, печать, формульные выражения и язык).

Мабильон в оценке грамоты учитывал, насколько её язык соответствовал тому, что было принято в той или иной эпохе. Это касалось в первую очередь формульных выражений, которые подчинялись узусу определённой канцелярии больше, чем нормам языка. Мабильон также настаивал, что язык той или иной грамоты стоит оценивать с точки зрения соответствия не норме классической латыни, но предполагаемой эпохе и месту её создания. Важную роль при этом играла орфография грамоты. Мабильон писал, что орфография памятника может отражать способ его создания (например, определённые ошибки могут появляться при записи под диктовку, другие – при переписывании), а также характерные черты произношения. Именно по характеру ошибок в латыни

¹⁰⁴«*Non ex sola scriptura, neque ex uno solo characterismo, sed ex omnibus simul de vetustis chartis pronuntiandum*» (Mabillon J. De re diplomatica. 1641. P. 241).

(несоответствий классическому языку) Мабильон предлагал определять эпоху и канцелярию.

Таким образом, согласно концепции Мабильона, орфография могла использоваться для датировки, локализации и определения подлинности грамоты потому, что менялась на протяжении времени.

Идея Мабильона об изменчивости письма была подготовлена предшествующей филологической традицией.

Представление о письменности как об исторически изменчивой системе слабо отражено в трудах, специально посвящённых истории письма. Представляется, что зарождения понятия об изменчивости письма возникает не в трактатах, в которых специально рассматриваются разные типы письма¹⁰⁵. Идея о изменчивости письма появилась из практического применения методов филологии: во-первых, острой необходимости нормирования орфографии европейских языков, во-вторых, установления юридической подлинности документов, отбора и критики текстов для издания (в основном, житий и трудов по истории церкви).

Идея об изменчивости языка появляется в процессе теоретического осмысления французской графики в XVI-XVII веках. Это осмысление, в свою очередь, было вызвано практической необходимостью.

К XVI веку во французской орфографии накопилось значительное количество несоответствий между изменившимся произношением и графическим обликом слова. Эти несоответствия были вызваны сохранением в написании следов произношения, характерных для предыдущих эпох, а также частыми отсылками к латинской этимологии с помощью графического облика

¹⁰⁵Подробную библиографию трактатов о письме XVI-XVIII века можно найти Huch F.-A. Versuch einer Litteratur de Diplomatik. 2 Bände. Erlangen: Iohann Jakob Palm, 1792; Namur P. Bibliographie paléographico-diplomatico-bibliologique générale. En 2 volumes. Liège: P.-J. Collardin, 1838.

слова¹⁰⁶. Соответственно, в проектах по улучшению орфографии наблюдалось два разнонаправленных, но не всегда взаимоисключающих подхода: 1) сохранение этимологии слова 2) приближение графического облика слова к его произношению¹⁰⁷.

Также идея об изменчивости языка и графики была высказана до Мабильона на материале латинского языка.

Мысль о том, что по по ошибкам, характер которых зависел от времени и места, можно датировать памятники, встречается у немецкого эрудита Германа Конринга (1606-1681) в его известном трактате о грамоте из Линдау¹⁰⁸. Наряду с «Дипломатикой» трактат Конринга, в котором он доказывал поддельность грамоты, гарантировавшей ряд привилегий женскому монастырю в Линдау, считается основополагающим для развития палеографии. Мабильон не только был знаком с этим трактатом Конринга, но и неоднократно упоминал его. В «Дипломатике» Мабильон развил и дополнил Конринга в том, что касается датировки грамот по особенностям орфографии.

В этой главе постараемся проследить зарождение и развитие идеи об изменчивости письма. Для этого рассмотрим, во-первых, как представление об исторической изменчивости письма появилось в трудах французских гуманистов, во-вторых, как данные орфографии использовались Германом Конрингом в ходе полемики о подлинности грамоты из Линдау и, в третьих, как сам Мабильон предлагал использовать данные орфографии для датировки и определения подлинности грамоты.

¹⁰⁶ Такого же типа что и, например, написание непроизносимого «h» в совр.франц. «homme» (от «hominus»).

¹⁰⁷ Louis Meigret называл приверженцев первого подхода «les latins», а приверженцев второго – «les modernes». См. Краткую справку об этом URL: <http://base-agon.paris-sorbonne.fr/querelles/querelle-de-l-orthographe> (дата последнего обращения: 20.01.2019).

¹⁰⁸ Conring H. Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium lindaviense, qua simul res Imperii et Regni Francorum Ecclesiae ac Civiles, seculi cum primis Carolovingici, illustantur. Helmstadii: ex officina Henrici Mulleri, 1672.

2.1. Нормирование французской орфографии. Проекты реформирования в XVI веке

Интерес к письму в XVI веке объясняется не только развитием книгопечатания¹⁰⁹, но и постепенным расширением функций французского языка и вытеснения им латыни.

В 1539 году Ордонанс Вилер-Котре закрепил статус французского языка (парижский диалект) в качестве государственного. Многие авторы предлагали свои преобразования французской системы письма. Необходимость реформы была также вызвана изменением фонетического строя французского языка. Несоответствие между графикой и фонетикой существовало уже в средневековую эпоху, когда латинский алфавит стал использоваться для фиксации звуков, не существовавших в фонетике латинского языка. Фонетический строй французского языка продолжал изменяться, но при этом в графике XVI века сохранялись многие следы произношения периода Средневековья. К тому же французская орфография периодически подвергалась релатинизации. Диалектная раздробленность французского языка и отсутствие чёткой литературной нормы только усугубляли ситуацию¹¹⁰. Все эти противоречия в период распространения книгопечатания нуждались в разрешении.

¹⁰⁹ Волков А.А. «Грамматология. С. 47; Зимонт Е.С. Проблема передачи согласных на письме: реформирование французской орфографии в XVI веке. Дипломная работа, защищённая на кафедре французского языкознания. М, 2012. С. 5; Baddeley S. L'orthographe de la première moitié du XVI siècle: variation et changement // L'Information grammaticale. 1997. №74. P. 24-31.

¹¹⁰ Следует отметить, что некоторые изменения в тот период предлагались и для латинской орфографии: так, Анри Эстьен предлагал **â** вместо диграфа **æ** (Baddeley S. Op. cit. P. 26).

В этом положении нормирование орфографии могло идти двумя разными путями: сохранять в написании некоторые следы старофранцузского и латыни или же приближать письмо к актуальному фонетическому строю. Соответственно, наметились две конкурирующие линии проектов орфографии: традиционная и реформистская¹¹¹.

Рассмотрим кратко главные проекты французских гуманистов по улучшению французской орфографии.

Французский учёный гуманист Жоффруа Тори (1480-1533) занимался книгопечатанием и стремился улучшить графический облик печатного французского текста, взяв за образец итальянскую графику¹¹². Предложения Жоффруа Тори по улучшению французской графики и орфографии изложены в двух его трудах: «Le champ fleury» (1529) и «Reigles generales de Lorthographe du langaige francoys»¹¹³ (упоминаются в 1529, не опубликованы). Жоффруа Тори, по всей видимости, первым предложил использовать диакритики во французском (accent, cédille, apostrophe). Он применил предложенные им улучшения, опубликовав в 1533 году «Отрочество Клемана» (L'adolescence Clémentine) Клемана Маро.

Вслед за Жоффруа Тори Книгоиздатель Жак Дюбуа (1480-1533) исходил из необходимости упростить орфографию французского языка и приблизить её к произношению¹¹⁴, но при этом фиксировать латинское происхождение французских слов. Для этого он предложил новую систему письма, которая заключалась в следующем: над словом, записанном в приближенной к французскому произношению орфографии, записывался латинский этимон.

¹¹¹ Зимонт Е.С. Проблема передачи согласных на письме. С. 12; Catach N. Histoire de l'orthographe française. Paris: Honoré Champion, 2001. P. 74-76.

¹¹² Catach N. Op. cit. P. 106-107.

¹¹³ При цитировании здесь и далее по возможности сохраняется орфография оригинала.

¹¹⁴ Silvius J. In linguam gallicam isagoge, una cum ejusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis et latinis authoribus. Parisii: ex officina Roberti Stephani, 1531.

Таким образом, Жак Дюбуа фактически предлагал писать на двух языках одновременно¹¹⁵. Некоторые предложения Жака Дюбуа прижились (например, апостроф в той функции, в которой он используется во французском языке и сегодня, а также *accent aigu* для обозначения закрытости гласного).

Французский учёный-гуманист Пьер Раме¹¹⁶, (1515-1572) издал в 1527 году «Грамматику» с изложением его собственной системы орфографии¹¹⁷ (Раме считал, свойствами букв должна заниматься этимология, которая в свою очередь является частью грамматики). Пьер Раме использует понятие буквы для рассуждения не только о графике, но и о фонетике языка. Термин «буква» выступает в значении «единица членораздельной речи». Пьер Раме писал: «Что такое буква (*lettre*)? Это неделимый звук (*son indivisible*), например, в слове «*bon*» три буквы «*b,o,n*»¹¹⁸. И далее: «Согласная буква (*lettre*) не может создавать цельный звук (*ung son entier*), поэтому во всех названиях [согласных] есть гласный»¹¹⁹.

Для Пьера Раме совершенно очевидно, что язык меняется на протяжении времени. При этом он убеждён, что графика должна отражать звучащую речь. Изменения в речи должны сопровождаться изменениями в орфографии¹²⁰.

Необходимость верно отражать звучащую речь на письме Пьер Раме выводит из функции письма, определение которой он почти дословно заимствует у Аристотеля: «письмо передаёт звуки, которые в свою очередь

¹¹⁵ Brunot F. Histoire de la langue française. Vol.II: le seizième siècle. Paris: Colin, 1927. P. 93-94.

¹¹⁶ О Пьере Раме см. Graves F. Peter Ramus and the educational reformation of the sixteenth century. New Yourk: the Macmillan company, 1912.

¹¹⁷О влиянии Луи Меррэ на Пьера Раме см. Brunot F. Histoire de la langue française. Vol.II: le seizième siècle. Paris: Colin, 1927. P.151.

¹¹⁸ Ramée P. Grammaire. Paris, 1572. P.3.

¹¹⁹ Ramée P. Grammaire. P. 18.

¹²⁰ Ramée P. Grammaire. P.17.

передают мысли»¹²¹. Цель его предприятия – выправить письмо и упорядочить орфографию, присвоив каждому звуку свой знак («redresser nostre escripture et nous reigler une orthographe [...] en attribuant a chacune voyelle son caractere»).

Пьер Раме выступал против конвенциональных сочетаний типа ille -[ij] , ch -[ʃ], нечитаемых букв (как «l» в «oultre»). Он стремился к точному соответствию между звуком и знаком как для согласных, так и для гласных и дифтонгов. В целом можно сказать, что Пьер Раме был последовательным теоретиком графически правильной орфографии¹²². Недостатком предложенной Пьером Раме орфографии можно считать большое количество диакритических знаков, которые служили для дифференциации звуков.

Другим видным реформатором орфографии был Луи Мегрэ (1510-1558), который считается также автором первого грамматического описания французского языка¹²³. Мегрэ писал, что буквы – специальные значки (notes), которые фиксируют трещь. Вслед за античными грамматиками он вводит понятие элемента (elemens de prononciation), который, как кажется, тождественен понятию звука (voix). Для описания фонетики Мегрэ также использует понятие буквы: «La letre est dōcques la moindre partie de la voix cōposée». Буквы, по Мегрэ, должны передавать речь так же, как это делают звуки (les voix). Мегрэ даёт такое определение: «Буква- это обозначение элемента (note de l'element) и

¹²¹ «Touchant vostre seconde demande qu'il faille escrire comme lon parle cest le jumēt des Grecs & Latins fonde sur la cause finale de l'escripture qui est messagere & truchemande de la voix comme la voix est de la pensee». Ramée P. Grammaire. P. 16. Ср. У Аристотеля «То, что в звукосочетаниях – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звукосочетаниях.» (Ἀριστοτέλης De interpretatione (Περὶ ἑρμηνείας), 16a,1-6, перевод Э.Л. Радлова).

¹²²Имеется в виду графически правильное написание в определении А.А.Зализняка. При таком написании цепочка фонем, преобразованная сначала в цепочку графем, без искажений трансформируется обратно в цепочку фонем (например, «марос» – графически правильное написание слова «мороз» (Зализняк А.А. О понятии графемы. С. 149).

¹²³ Meigret L. Le tretté de la grammère françoise. Paris: Chez Wechel, 1550.

как бы образ произнесённого» (*image d'une voix formée*). Как звуки (*les voix*) составляют слово (*vocable*) при говорении, так буквы должны отражать его на письме. Поэтому порочно то написание, которое не отражает произношение»¹²⁴. Луи Мегрэ считал ненужным фиксировать на письме этимологию слова («они [защитники существующей орфографии] стараются оправдать ненужные буквы необходимостью указывать на происхождение слова, как будто боясь упреков в неблагодарности»¹²⁵).

Основными недостатками существующего письма Луи Мегре считал недостаточность (звуков больше, чем букв), избыточность (букв больше, чем звуков), использование одной буквы вместо другой (т. е. несоответствие между буквой и звуком). Причём последние два недостатка он считал более распространёнными и, следовательно, более серьёзными, чем первый.

Мегрэ призывал никогда не использовать те буквы, которые не читаются. В отражении происхождения слова на письме, по его мнению, не было никакой необходимости, этим должна заниматься этимология. Для различения омографов в лишних буквах также нет необходимости: их мы можем различать так же, как различаем омофоны в речи.¹²⁶ Орфография, настаивал Мегрэ, должна меняться вслед за произношением. Мегрэ предложил три направления изменения орфографии:

1. убрать ненужные буквы

¹²⁴ Meigret L. *Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise*. Paris, 1542, A v. В чём-то похожие рассуждения можно найти у античных грамматиков, которые делили слово на элементы (*elementum, στοιχεῖον*). Понятие элемента использовалось для обозначения минимальной единицы звучащей речи. О понятии элемента у античных грамматиков см. Белов А. М. Латинское ударение. Проблемы реконструкции. Москва: Academia, 2009. С. 187-204.

¹²⁵ Meigret L. *Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise*. В.

¹²⁶ Meigret L. *Traité touchant le commun usage de l'écriture françoise*. Biii, Bv; Brunot F. *Op. cit.* Vol. II. P.100.

2. перестать использовать «одну букву вместо другой», в т. ч. перестать сохранять в написании слившиеся дифтонги
3. ввести различия для качества звука (*distinction nouvelle des lettres*)¹²⁷.

2.2. Орфография в философских грамматиках XVII века

Отголоски споров о реформировании французской орфографии можно найти в XVII веке. Однако интерес теперь смещается к поиску общих закономерностей письменности и языка, к общим принципам построения письменности¹²⁸.

Наиболее ярким примером нового рационалистического подхода к языку может служить «Грамматика Пор-Рояля»¹²⁹. В «Грамматике» рассуждение о фонетике и графике переплетены между собой. Письмо здесь, как и у гуманистов, предлагавших свои проекты реформ орфографии, трактуется в аристотелевском ключе: «звуки были использованы людьми в качестве знаков (*signes*) мыслей [...], и [...] затем были изобретены фигуры значения для этих звуков [...]. Знаки письма могут рассматриваться двояко: либо как означающие просто звук, либо как помогающие нам представить то, что обозначает сам данный звук»¹³⁰.

¹²⁷ Так, например, Мегрэ предлагает ввести *accent* в его современном виде для обозначения [e] закрытого (Brunot F. *Op. Cit.* Vol. II. P. 103-104).

¹²⁸ Волков А.А. Грамматология. С. 31, 49.

¹²⁹ Arnauld A. Lancelot C. *Grammaire générale et raisonnée contenant les fondemens de l'art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle.* Paris: Le Petit, 1660. Далее цитируется по изданию: Арно А. Лансло К. Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс, 1990. Подробнее о «Грамматике Пор-Рояля» см. Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). Санкт-Петербург: Санкт-Петербург – XXI век, 1996. С. 11-47.

¹³⁰ Арно А., Лансло К. Грамматика. С. 82.

А. Арно и К. Лансло описывали звуки и буквы как явления одного порядка, но при этом разграничивали их материальную сторону и символическую: «Речевые знаки могут быть рассмотрены с двух сторон. Первая - то, чем они являются по своей природе, а именно как звуки и буквы. Вторая-их значение, а именно то, как люди используют их для означения своих мыслей»¹³¹.

Согласно «Грамматике» графический облик слова отсылает уже не к акустическому облику, а к понятию. Хотя для графемы (*caractère*) выдвигаются в «Грамматике» требование однозначности, экономно (один звук = одна графема) и единообразно передавать конкретный звук языка, это требование вступает в противоречие с тем, что одинаково произносимые слова должны различаться на письме. Поэтому А. Арно и К. Лансло, авторы грамматики Пор-Рояля, считают законным с помощью графики указывать на этимологию слов, сохраняя произносимые буквы¹³², и сохранять другие черты узуса, которые противоречат рационалистским требованиям.

Видным последователем А. Арно и К. Лансло был философ Бернар Лами (1640-1715)¹³³. Свои взгляды на язык Б. Лами изложил в «Риторике»¹³⁴. Б. Лами испытал влияние не только «Грамматики Пор-Рояля»¹³⁵, но и учения Рене Декарта, за распространение которого среди своих студентов он был сослан из Парижа¹³⁶.

¹³¹ Арно А., Лансло К. Грамматика. С. 71.

¹³² Там же. С. 83.

¹³³ О Лами см. Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). Санкт-Петербург: Санкт-Петербург – XXI век, 1996. С. 51-56, а также предисловие к русскому переводу «Риторике»: Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии». М.: Языки славянской культуры, 2002). С.13-37.

¹³⁴ Lamy B. La rhétorique ou l'art de parler. Paris; Chez Pralard, 1675. Далее цитируется по переводу Е.Л. Пастернак (Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М.: Языки славянской культуры, 2002).

¹³⁵ Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. С. 13.

¹³⁶ Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. С. 37.

Если авторы «Грамматики Пор-Рояля» понимали язык как конвенциональную систему¹³⁷, то Б. Лами определял его в религиозном ключе «речь не является произведением человека, и его умение говорить с лёгкостью доказывает мудрость Создателя»¹³⁸.

«Риторика» отмечена большим вниманием к фонетике и анатомически точному описанию звукоизвлечения¹³⁹.

Язык, по Лами, прежде всего должен удовлетворять некоторым эстетическим критериям. То есть эстетика и является предпосылкой к совершенствованию языка у «разумных» народов¹⁴⁰. Его интересуют явления, связанные с стремлением к «лёгкости произношения». Некоторые явления синтаксиса Лами также связывает с ритмическими соображениями, и небезосновательно (объясняя, например, такие явления как порядок слов в сочетаниях типа *une blanche robe* и запрет на *une robe blanche*).

У Лами можно увидеть даже зачатки представлений о закономерных фонетических переходах в заимствованных словах или связанные с историческими изменениями языка, которые он интерпретирует, также опираясь на свои знания о звукообразовании¹⁴¹.

Б. Лами мало интересуется вопросом о соотношении фонетики и графики потому, что считает идеальную графику неразрешимой задачей: «...Органы речи способны так разнообразить произношение разных звуков, что потребовалось бы бесчисленное количество букв и целых алфавитов для их обозначения». Отчасти это объясняется тем, что Б. Лами уже не воспринимает язык как

¹³⁷ «Говорить – значит объяснять свои мысли при помощи знаков, изобретённых людьми для этой цели» Арно А., Лансло К. Грамматика. С.7 1.

¹³⁸ Лами Б. Риторика. С. 163.

¹³⁹ Там же. С. 59-62, 160-173.

¹⁴⁰ Там же. С.170.

¹⁴¹ Там же. С.170.

результат договора между людьми и, следовательно, не считает возможным воздействовать на язык в соответствии с рационалистскими установками.

2.3. Мабильон и Конринг об орфографии

XVII век отмечен многочисленными полемиками относительно подлинности грамот. Стараясь доказать или оспорить подлинность, эрудиты обращали внимание не только на характер письма, материал, печать и пр, но и на языковые особенности грамоты.

Считается, что Герман Конринг одним из первых при определении подлинности стал системно учитывать черты соответствия или несоответствия той или иной грамоты традиции определённой канцелярии¹⁴². Одним из важных для Конринга был язык грамоты.

Герман Конринг (1606-1681) был превосходным знатоком латыни, медицины, юристом, историком права и теологом. В 1620 году, в возрасте 14 лет, он пишет своё первое сочинение на латинском – «Somnium seu Satyra Menippaеа». В том же году Конринг поступает в Гельмштадский Университет. Там он изучает филологию и медицину и подпадает под влияние аристотелизма. В 1636 году Конринг стал профессором медицины. Конринг был также автором исторических сочинений¹⁴³.

¹⁴² Meyer von Knonau G. Das bellum diplomaticum lindaviense // Historische Zeitschrift. 1871. Vol. 26. S.104.

¹⁴³ Conringus H. Exercitatio de germanici imperii civibus. Helamaestadi: Typis Henningi Mulleri, 1641; Conringus H. De Origine Juris Germanici. Commentarius Historicus. Helmstadii: Ex officina Henningi Mulleri, 1643.

В 1672 Конринг публикует свой труд, посвящённый грамоте из Линдау¹⁴⁴. Грамота из монастыря Линдау датирована 866 годом, но в действительности, как установили позднее, представляет собой компиляцию из двух подлинных и трёх поддельных фрагментов. Поддельные части содержат «подтверждение» особых привилегий монастыря¹⁴⁵. Конринг был не первым из тех, у кого вопрос о подлинности грамоты из Линдау вызывал интерес. Между городом и монастырём постоянно возникали юридические споры (например, о том, имеет ли право настоятельница монастыря миловать приговорённых к смерти, и пр.). Грамота, о которой писал Конринг, давала монастырю от Константинопольского патриарха, в частности, право самостоятельно выбирать настоятельница. До Конринга уже появлялись труды, доказывавшие подлинность¹⁴⁶ или поддельность¹⁴⁷ грамоты¹⁴⁸. Конринг в этом споре выступал на стороне города и доказывал поддельность грамоты.

В первой главе, в которой содержится обзор предшественников Конринга, перечислены знаменитые фальшивки, долгое время считавшиеся подлинниками¹⁴⁹. Эти упоминания примечательны, поскольку в труде самого

¹⁴⁴ Conring H. *Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium lindaviense, qua simul res Imperii et Regni Francorum Ecclesiae ac Civiles, seculi cum primis Carolovingici, illustantur.* Helmstadii: ex officina Henrici Mulleri, 1672.

¹⁴⁵ Ott M. (bearb.) *Historischer Atlas von Bayern. Teil Schwaben. Heft 5.* München: Kommission für Landesgeschichte, 1968. S.99.

¹⁴⁶ Wangnereck H. *Standhafte Rettung des Klosters contra acta Lindaviensia.* Embsii ad Rhen, 1646.

¹⁴⁷ Heider D. *Gründliche Außführung, wessen sich deß H. Reichs Stadt Lindaw, wegen einer Ihro in anno 1628 ohnversehens abgelöster, und dem Herrn Grafen von Monfort administratorio nomine, sampt mitergriffenen vier Dörffern, überlassner; Folgends in anno 1638 der Ertzhertzogin in Claudiae Fürstl. Durchleucht. pendente lite cedirter Reichs-Pfandschafft, beedes in possessorio in peditorio wider menniglich zu halten, zu behelfen und zu getrösten hab.* Nürnberg: Endter, 1643.

¹⁴⁸ См. разбор трудов предшественников Конринга в его трактате: Conringus H. *Censura diplomatis.* P. 1-11, 335-352.

¹⁴⁹ Conringus H. *Censura diplomatis.* P. 4-6.

Конринга отражается принципиально новое понимание подлинности памятника. На протяжении Средних веков подлинным считалось то, что соответствовало распространённой картине мира¹⁵⁰. Например, авторитет «Лжеисидоровых декреталий», упоминаемых Конрингом¹⁵¹ был столь высок, что даже после обоснования их неподлинности они продолжали использоваться католиками в полемике против протестантов. Учёные XVII века, во многом благодаря опыту критики текста, накопленному гуманистами, стали воспринимать подлинность как соответствие конкретного памятника месту или эпохе¹⁵².

Главной трудностью, с которой столкнулся Конринг, был недостаток эмпирического материала. Грамоты девятого века были ему доступны преимущественно в тех отрывках, которые были опубликованы (Конринг использовал материал, изданный Хайдером и Вангенреком, а также некоторые другие издания¹⁵³). Из двух доступных ему оригиналов грамот одна была поддельной. Из-за недостатка эмпирического материала Конринг мог иметь лишь неполные представления о том, как выглядели подлинные грамоты девятого века¹⁵⁴.

Конринг считал, что грамота из Линдау – подделка, изготовленная в XII-XIII веке, когда расцвет города мог вызвать зависть монастыря. При этом изготовитель подделки, имитируя грамоту IX века, по Конрингу, имитировал гораздо более поздний образец, (XI-XII века)¹⁵⁵. Таким образом, перед Конрингом стояла задача реконструировать, во-первых, черты подлинных

¹⁵⁰ Fuhrman H. Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // Historische Zeitschrift. 1963. №197. S.544.

¹⁵¹ Conringus H. Censura diplomatis. P.7.

¹⁵² Savilla J. M. Antiquarismus, Hagiographie und Historie im 17 Jahrhundert. Zum Werk der Bollandisten. Ein Wissenschaftshistorischer Versuch. Tübingen: Walter de Gruyter-Max

Niemeyer

Verlag, 2009.

¹⁵³ См. о использованных Конрингом изданиях Conringus H. Censura diplomatis. P. 30, 104.

¹⁵⁴ Meyer von Knopau G. Das bellum diplomaticum lindaviense. P.116.

грамот той эпохи, на которую ориентировался изготовитель подделки, а с другой – той эпохи, которой датировалась грамота.

Метод Конринга отчасти был обусловлен недостатком эмпирического материала. Большое внимание Конринг уделял хронологии, фактическим несоответствиям и т.п. Важным аргументом неподлинности для Конринга, как впоследствии и для Папebroxa, являются факты несоответствия между историческими событиями и тем, как они отражены в грамоте¹⁵⁶. Рассматривая письмо грамоты, Конринг не ограничивается тем материалом, который можно извлечь из собственно грамот, но также использует в качестве источника надписи капеллы Линдау¹⁵⁷. Это отчасти продиктовано отсутствием доступа к архиву, а отчасти тем, что разделения на эпиграфику и палеографию к моменту создания труда Конринга ещё не существовало, и предмет изучения исследователя, который рассматривал вопрос о подлинности письма определённой грамоты, не был чётко очерчен. Конринг в определении подлинности учитывает различные характеристики, например, подпись (*subscriptio*) грамоты¹⁵⁸, использование цифр¹⁵⁹ лексику, реалии¹⁶⁰, много внимания уделяет письму. Так, например, он отмечает, что дата «866» приписана позже и написана другой рукой и что тип письма в грамоте неоднороден

¹⁵⁵ Позже Даниэль Папebrox, чьё «Предисловие» («*Proprylaeum antiquarium*») послужило поводом к написанию «Дипломатики», рассуждал похожим способом. Папebrox стремился вывести причины несоответствия между поддельной, по его мнению, грамотой и подлинными грамотами той эпохи, которой грамота была датирована. Он доказывал, что причины несоответствия состоят в том, что изготовитель подделки ориентировался на образец более поздний, чем ему следовало (см. подробнее об этом в главе 4.6 этой работы).

¹⁵⁶Conringus H. *Censura diplomatis*. P. 79, 150.

¹⁵⁷Ibid. P. 132-145.

¹⁵⁸Ibid. P. 91.

¹⁵⁹Ibid. P. 22, 316.

¹⁶⁰Ibid. P. 7, 22, 91, 189.

(«*diversitas caractere*»)¹⁶¹. В XVII главе своего труда Конринг, опираясь на формальные критерии, такие как вид письма («*forma litterarum*»), цифры и датировку, доказывает, что грамота из Линдау была изготовлена гораздо позднее IX века¹⁶². В анализе данных орфографии памятников у Конринга отчётливо проявляется принцип историзма. Так, Конринг отмечал, что сами по себе ошибки в орфографии и языке, как и их отсутствие, не могут говорить ничего о подлинности. Важно то, есть ли соответствия между орфографией и языком конкретного документа и тем, что обычно наблюдается в документах данной канцелярии. Однако, вопреки утверждению Гарри Бреслау¹⁶³, эта идея не принадлежит Конрингу: сам Конринг пишет, что этот принцип был до него сформулирован Менохио и Хайдером¹⁶⁴.

По Конрингу, лигатура «*ae*» (*aeclesia, aestate*) не соответствует принятому в IX веке написанию (тогда, согласно Конрингу, писали просто «*e*») и служит одним из доказательств неподлинности грамоты из Линдау¹⁶⁵. Это и есть его аргумент против подлинности грамоты из Линдау из области орфографии.

Затем Конринг обращает внимание на характер письма. По Конрингу, написание «*E*» с наклоном также позволяет говорить о поддельности грамоты. Что касается общетеоретических построений, то в самом начале своего труда Конринг формулирует важный принцип различения подлинных документов: сомнительную грамоту нужно сравнить с несомненно подлинными, которые принадлежат к тому же времени («*petita alia quoque nonnulla & quidem de quibus dubitari non potest esse genuina*»)¹⁶⁶. Далее Конринг дополнительно ограничивает

¹⁶¹Ibid. P.30.

¹⁶²Ibid. Pp.296-315.

¹⁶³ Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien: I Band. Leipzig: Verlag von Veit & Comp., 1889. S. 20-21.

¹⁶⁴Conringus H. Censura diplomatis. P.317.

¹⁶⁵Ibid. P. 316.

¹⁶⁶Ibid. P.11.

область исследования, говоря, что, чтобы определить подлинность конкретной грамоты из Линдау, нужно рассмотреть похожие по функции грамоты (дарения либо подтверждения дарения). Позже Конринг возвращается к этому принципу¹⁶⁷.

Метод Конринга, а именно системный учёт всех признаков грамоты, сопоставление сомнительных грамот с несомненно подлинными, был развит и дополнен Мабильоном.

Если мы хотим проследить влияние Конринга на Мабильона, то нам следует прежде всего рассмотреть, как сам Мабильон оценивал выводы Конринга относительно грамоты из Линдау.

Мабильону не был доступен подлинник грамоты из Линдау. Он был знаком с грамотой только благодаря копии в трактате Конринга. В вопросе о подлинности грамоты из Линдау Мабильон скорее согласился с Конрингом. Подробный ответ Мабильон на вопрос о том, можно ли считать грамоту из Линдау подлинной, приводит его современник Тенцель (Tentzel)¹⁶⁸. В своём письме к Тенцелю Мабильон настаивает на поддельности грамоты и говорит, что согласен в этом с Конрингом, хотя не все его положения считает правильными («quamquam ejus regulas non approbo omnes»)¹⁶⁹. Для Мабильона главным доводом в пользу поддельности грамоты служат несоответствия текста грамоты историческим фактам главной причиной, по которой грамоту из Линдау следует считать подделкой. При этом в том же письме, которое приводит Тенцель, перечисляет и некоторые черты, позволяющие считать грамоту подлинной грамоты (например, монограмма, датировка (за исключением даты от рождества) и т. п.). Мабильон заключает поэтому, что грамота из Линдау могла быть скомпилирована.

¹⁶⁷Ibid. P.90.

¹⁶⁸ Tentzelius W.E. *Historicae Vindiciae pro Hermanni Conringii censura in diploma foundationis fictium lindaviense oppositae justae difensioni ab ipso Coenobio in favorem praedicti diplomatis anni 1681 Constantiae typis evulgato*. Lindaviae: Typis Hechtianis, 1700. P.19.

¹⁶⁹Ibid. P.19.

Впоследствии Мабильон выразил суждение, противоречащее выводам Конринга о поддельности грамоты. В письме аббатисе монастыря Линдау в 1698 году он отозвался о грамоте как о несомненно подлинной, либо претерпевшей изменения («*vel omnino authenticum, vel refectum*»). Можно было бы сказать, что Мабильон изменил своё мнение о грамоте, но в 1705 году он снова решительно назвал грамоту поддельной¹⁷⁰. Противоречия в суждениях Мабильона можно объяснить характером самой грамоты: она действительно была скомпилирована из разных частей, две из которых взяты из подлинной грамоты¹⁷¹. М. Дорна предположил, что Мабильон имел политические причины к тому, чтобы не говорить о поддельности грамоты аббатисе монастыря¹⁷².

Помимо нежелания высказывать аббатисе монастыря предположения о поддельности грамоты, у Мабильона были и другие политические основания сомневаться в поддельности грамоты. Резкое неприятие у Мабильона вызывают идеи того, что именно монахи были в Средние века изготовителями подделок. По этому поводу Мабильон спорит в «Дипломатике» с Конрингом и Папebroхом¹⁷³. Мабильон в двух этих фрагментах повторяет те же возражения и говорит, что монахи слишком кроткие (*imbelli*) и легко сносят все оскорбления, что делает их лёгкой мишенью для нападок. Мабильона не удовлетворяют ремарки Конринга о том, что не все монашеские ордена были в равной мере замешаны в изготовлении подделок. К попыткам опровержения утверждения о том, что именно монахи были в Средние века главными изготовителями подделок, Мабильон возвращается неоднократно, опровергая то Конринга, то Папebroха и развивает при этом примерно одни и те же положения. Он утверждает, что едва ли можно найти хоть одну подделку, автором которой точно был монах, а все обвинения – только пустые наговоры (*contumelia*). Мабильон

¹⁷⁰ Ott M. (bearb.) Historischer Atlas von Bayern. Teil Schwaben. Heft 5. S.100.

¹⁷¹Ibid. P. 99-100.

¹⁷² Ссылка на М. Дорна

¹⁷³Mabillon J. De re diplomatica. P. 22-23, 226-227.

приводит примеры изготовления подделок в античности, опровергая утверждения Папebroxa о том, что причиной появления подделок стало падение нравов после схизмы¹⁷⁴. Мабильон также отмечает, что доступ к архивам в Средневековье помимо монахов имели юристы и писцы¹⁷⁵.

Помимо полемических выпадов против Конринга, в «Дипломатике» можно найти некоторые сближения с сочинением Гельмштадтского профессора. Так, Мабильон высказывает идеи, близкие идеям Конринга, в главе об орфографии. Данные орфографии для Мабильона – один из способов датировать и локализовать памятник. Мабильон в этом смысле развивает идеи Конринга об исторической изменчивости орфографии. В «Дипломатике» Мабильон предлагает ориентироваться в том числе и на характер ошибок в латыни. При этом язык документов сильно зависит от устоявшихся формул, характерных для определённого типа документа, по Мабильону, даже в большей степени, чем от норм грамматики¹⁷⁶. Мабильон отмечал, что формулы с ошибками могут сосуществовать с правильными. Он также указывал на то, что орфографические ошибки могут иметь различные причины. Первое, всеобщая безграмотность («*ruditas saeculi*»). Безграмотность, по Мабильону, вызвана отчасти тем, что латынь испытывала влияние различных племён. Также почти с самого начала распространения латыни стал различаться язык образованных и необразованных людей («*lingua vulgaris*», «*latina rustica*»). Возникла и особая форма обиходной латыни, отличная от обработанного языка («*non elaborato sermone, sed usuali*»)¹⁷⁷. Причиной ошибок могла быть и невежественность конкретных писцов. Мабильон также выделил несколько типов часто встречающихся ошибок в орфографии. Ошибки в основном зависят от того, как именно создавался текст, т. е. диктовался он либо переписывался. Основные два

¹⁷⁴Ibid. P.23.

¹⁷⁵Ibid. P.26.

¹⁷⁶Ibid. P.45.

¹⁷⁷ Ibid. P.46.

типа – случайные ошибки, связанные с диктовкой и описки. К ошибкам, связанным с диктовкой, относится пропуск геминат («*bonorum eorum*» вместо «*bonorum meorum*»). При списывании могли возникать ошибки, связанные со сходством букв. К ошибкам, возникающим при диктовке, также относится соединение различных слов или, наоборот, разъединение слов («*abbas Песа*» вместо «*ad basileca*», «*ipsum unde barone*» вместо «*ipso mundebarone*»). Подобного рода ошибки также иногда объясняются тем, что в документе, с которого делался список, отсутствовали пробелы между словами¹⁷⁸. К распространённому типу ошибок относятся также прибавления («*adjectio*», например, «*aeclesia*»), изъятия («*detractio*», например «*reicit*» вместо «*rejecit*»), изменение букв («*immutatio*», например, «*e*» вместо «*i*» и наоборот, «*u*» вместо «*o*»). Мабильон отмечает, что последнее встречается у римлян, в отличие от замены («*transmutatio*», например, «*provanus*» вместо «*profanus*») — ошибки, часто возникающие при списывании из-за схожести написания разных букв. Конринг отчасти использовал тот же метод, что и Мабильон, когда пытался выяснить причины, по которым изготовитель подделки написал «*Hugonem*» вместо «*Druogonem*»¹⁷⁹. По Конрингу, так произошло потому, что изготовитель подделки не вполне разобрал письмо той грамоты, которую использовал в качестве образца.

Мабильон в «Дипломатике» развил принцип Конринга, согласно которому орфография подлинного документа должна соответствовать нормам эпохи и создал классификацию ошибок в орфографии, которая помогала с большей точностью интерпретировать особенности орфографии памятника.

Жан Мабильон сформулировал свой метод во многом благодаря своим предшественникам, в частности, Герману Конрингу. В полемике Мабильона с Конрингом отразились некоторые идейные противоречия, главным образом связанные с вопросом об изготовителях подделок и защитой Мабильоном

¹⁷⁸Ibid. P.57.

¹⁷⁹Conringus H. Censura Diplomatis. P.75.

корпоративной чести. Отчасти различия в методах Конринга и Мабильона были продиктованы тем, что Мабильону был доступен несопоставимо больший объём эмпирического материала, чем его предшественнику. Конрингу приходилось реконструировать черты не только грамот того времени, которое имитировал изготовитель подделки, но и времени, к которому принадлежала грамота, использованная изготовителем подделки в качестве образца. У Мабильона было больше возможностей для применения другого принципа, отчасти отражённого в труде Конринга: выделить основные черты группы грамот, к которой предположительно относится определённый памятник, а после этого ответить на вопрос о том, соответствует ли рассматриваемая грамота набору этих черт. Важно отметить, что Мабильон в главе об орфографии последовательно развивает сформулированные Конрингом принципы историзма – стремления рассматривать орфографические особенности памятников в контексте орфографии и норм языка определённой эпохи.

2.4 Краткие выводы

В XVI веке усиление позиций французского языка и развитие книгопечатания вызвали потребность в унификации орфографии. Авторы проектов реформ видели основной недостаток существовавшей орфографии в её несоответствии актуальному произношению. Реформаторы исходили из аристотелевского определения письма, согласно которому письменный знак указывал на произносимое слово, которое в своё очередь отсылало к понятию. Главным требованием, которое предъявляли авторы проектов реформ, было приближение письма к звучащей речи. Причины несоответствия графики актуальному произношению хорошо осознавались авторами проектов реформ

орфографии: в французской орфографии XVI сохранялись, как, впрочем, и до сих пор сохраняются, следы неактуального произнесения (например, дифтонги, следы которых остаются во французском языке исключительно в графике).

Стремясь объяснить противоречие между фонетикой и графикой современного им французского языка, грамматисты осознали, что графика сохраняет некоторые отжившие явления. Таким образом они пришли к пониманию исторической изменчивости языка.

В проектах орфографии помимо стремления приблизить графику к произношению наблюдались также и консервативные стремления сохранить в графике указания на этимологию слов, в том числе латинскую. Эти две тенденции порой сосуществовали в одних и тех же проектах реформ.

В XVII веке филологи утратили интерес к проектам реформ орфографии. Соотношение письменности и звучащей речи занимало авторов рациональных грамматик, которые искали общие закономерности в явлениях языка. Авторы рациональных грамматик, как и французские гуманисты, писавшие об орфографии, трактовали соотношение письма и звучащей речи в аристотелевском ключе. Однако в грамматиках XVII века описательный подход преобладал над требованием рационализации орфографии.

В XVII столетии письменность стала вызывать интерес в контексте полемики о подлинности грамот. Важную роль в этом сыграло распространение рационалистического мышления, требовавшего, чтобы при доказательстве подлинности или поддельности грамоты использовались ясные критерии. Одним из таких критериев стала орфография. Герман Конринг был одним из первых, кто стал систематически учитывать разные характеристики грамот. Конринг писал, что характер ошибок спорной грамоты для того, чтобы признать её подлинной, должен соответствовать характеру ошибок грамот определённой эпохи и канцелярии.

Мабильон, развивая метод Конринга, отмечал необходимость при определении подлинности грамоты опираться на круг похожих по жанру,

относящихся к тому же времени и месту, несомненно подлинных. Как и Конринг, Мабильон считал, что характер ошибок грамоты зависит от эпохи и места её создания. Мабильон также указывал на различные причины орфографических ошибок и привёл в «Дипломатике» их классификацию, в которой учитывался способ создания памятника.

Для «Дипломатики» Жана Мабильона важным окажется представление о языке как изменчивой системе, которое можно встретить ещё у французских гуманистов.

Таким образом, на материале графики, сначала в ходе обсуждения реформ орфографии французского языка, а затем в ходе полемик о подлинности грамот, выработалась идея об изменчивости языка. Эта идея будет иметь большое значение для дальнейшего развития языкознания.

Мабильону она позволила выработать метод датировки и локализации памятников в соответствии с принципом историзма.

Глава 3. Мабильон как учёный-рационалист. Эрудиция, рациональная философия и религиозная полемика

3.1. О понятии «эрудиция»

Прежде всего обратимся к понятию «эрудиция», которое в XVII веке часто обозначало гуманитарное знание. Французское слово *érudition* является важным для описания интеллектуальной жизни XVII века. Этому понятию трудно найти эквивалент в русском языке¹⁸⁰: оно обозначает не только набор знаний, как в русском слове «эрудиция», но и особый род занятий, нацеленный на поиск знания. В основном слово обозначало занятие филологией и историей. Оно вошло в обиход в XVII-XVIII веках, но встречается уже в XVII веке¹⁸¹. Эрудиты не всегда были членами университетского сообщества¹⁸².

Для современников *érudition* педантов противопоставлялась обычному светскому образованию. М. Фумароли отмечает, что именно поэтому современники короля всячески подчёркивали его *ignorance* и отмечали *le bon naturel*. Считалось, что светский человек не должен забивать себе голову фактами¹⁸³. Боссюэ писал: «Правитель должен обучаться вещам полезным... Его главная книга – свет» («Le prince doit étudier et faire étudier les choses utiles ... Son livre principal est le monde»)¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Ср. «The word has no exact English equivalent». Quantin J.-L. Reason and Reasonableness in French Ecclesiastical Scholarship // Huntington Library Quarterly. 2011. №3. P. 401.

¹⁸¹ См. «vir eruditissimus» у Мабильона. См. также Quantin J.-L. Op. cit. P. 426.

¹⁸² Университеты в XVII веке переживают кризис. См. об этом Chartier, R. Espace social et imaginaire social: les intellectuels frustrés au XVII siècle // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1982. №. 2. P. 389-400.

¹⁸³ Fumaroli M. Sacerdoce et office civil: la monarchie selon Louis XIV. P. 104.

¹⁸⁴ Bossuet J. Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. Bruxelles: Chez Jean Leonard, 1721. P. 166.

При том, что границы учёного сообщества были довольно размыты, эрудиты осознавали себя гражданами *respublica literaria*¹⁸⁵. Эпистолярный жанр приобретает для членов научного сообщества особое значение: объёмистые учёные труды печатаются и пишутся иногда десятилетиями, письма эрудитов выполняют функцию современных научных статей¹⁸⁶. Иногда письма цитируются в научных трудах. Особое значение имеют путешествия («*peregrinatio literarum*»), в ходе которых эрудиты налаживают контакты, а также собирают материал для исследования¹⁸⁷.

Respublica literaria объединяла учёных на основе критического мышления и моральных принципов¹⁸⁸ и часто вопреки конфессиональным разделениям¹⁸⁹. Католические эрудиты могли соглашаться с «еретиками»¹⁹⁰, ссылаться на труды протестантских эрудитов. В «Трактате о науках в монастырях»¹⁹¹ Мабильон писал, что *respublica literaria* – «свободная страна, и каждый может быть её гражданином»¹⁹².

¹⁸⁵ Fumaroli M. La république des lettres, l'université et la grammaire // *Revue d' Histoire littéraire de la France*. 2004. №2. P. 463-474.

¹⁸⁶ См., например о письмах Лейбница к Мабильону Babin M.-L. Leibniz et Mabillon // *Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres*. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P. 373-383; о переписке болландистов, с помощью которой добывали материалы для *Acta sanctorum*, см. Musto R.G. Daniel Papebroch, S.J. and the Letters of Angelo Clareno // *Extractum ex periodico Archivum Franciscanum Historicum*. 1986; также Gasnault P. *Érudition mauriste à Saint-Germain-des-Prés*. Paris: Institut d'Études augustiniennes, 1999. P. 45-56.

¹⁸⁷ См., например, Bauckner, A. *Mabillons Reise durch Bayern im Jahre 1683*. Dissertation, München 1910.

¹⁸⁸ Armogathe J.-R. Bossuet et l'érudition protestante de son temps // *Bulletin de la Société de l' Histoire du Protestantisme Français*. 2007. №153. P. 264.

¹⁸⁹ Quantin J.-L. *Op. cit.* P.428.

¹⁹⁰ Quantin J.-L. *Op. cit.* P. 427.

¹⁹¹ Mabillon J. *Traité des études monastiques*. P. 425-476.

¹⁹² *Ibid.* P. 293. См. также Neveu B. Paris capitale de la république des lettres et le "De re

В XVII веке стремительно растёт количество печатаемой литературы. Большой интерес вызывают среди прочего историография и переиздания житий святых¹⁹³. Многочисленные издания старинных хроник и житий вызвали необходимость в том, чтобы выработать подход к обращению со старинными документами, к оценке достоверности свидетельств, к их отбору и датировке. В том числе поэтому в XVII веке постепенно стал вырабатываться и распространяться критический подход к тексту. Слово «критик» было довольно популярным самоназванием учёных того времени¹⁹⁴. Само слово «критика» (*critique*), раньше обозначавшее суждение, теперь стало именовать общий подход, метод нахождения истины¹⁹⁵.

Критический подход к тексту в каком-то виде применялся и в Средние века¹⁹⁶. Однако в Новое время эрудиты уже не старались примирить разноречивые источники, как это делалось ранее¹⁹⁷. Так, Мабильон писал, что

diplomatica" de Jean Mabillon 1681 // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*.

1981-

1982. P. 35.

¹⁹³ Neveau B. *La vie érudite à Paris à XVII siècle d'après les papiers de P. Léonard de Sainte Cathérine (1695-1706)* // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1966. №2. P. 435.

¹⁹⁴ Lambe, P. *Critics and Sceptics in the Seventeenth-Century Republic of Letters* // *The Harvard Theological Review*. 1988. № 3. P. 284; Bresslau H. *Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland*

und Italien Leipzig Verlag von Veit & Komp, 1889.

¹⁹⁵ Bloch M. *Apologie pour l'histoire ou métier d'historien*. Paris: Librairie Armand Colin, 1952 (2ème édition). P. 50.

¹⁹⁶ Foerster H. *Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik* // *Archivalische Zeitschrift*. 1955. №50-51. S. 301-318; Lasch B. *Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter (von VII- XII Jahrhundert)*. Breslau: Verlag von Wilhelm Koebner, 1887; Giry A. *Études de critique historique de la diplomatique* // *Revue Historique*. 1892. T.48. P.225-228; Bresslau H. *Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien*. Leipzig: Verlag von Veit & Komp, 1889.1 Band. S. 11-16.

¹⁹⁷ Quantin J.-L. *Op. cit.* P.405.

предпочтение должно отдаваться авторитетному источнику. Но для Мабильона авторитетен был не тот автор, которого признаёт традиция, но тот, тексты которого в большей степени достоверны с точки зрения истории. Текст, по Мабильону, больше или меньше заслуживал доверия в зависимости от того, был ли автор современником описываемых событий, использовал ли он несомненно достоверные источники, и т. п.¹⁹⁸.

Критический метод в гуманитарном знании был тесно связан с распространением рационалистического мышления. Характерной чертой рационализма является то, что методы точных наук распространяются и на другие области познания. Рационализм предполагает, что «предмет познания может быть познан там и постольку, поскольку он произведен нами самими из формальных предпосылок. Рационализм – взаимосвязанная формальная система, которая направлена на постижимую рассудком, созданную им и потому ему подчинённую, предсказуемую и калькулируемую сторону явлений, существовал в самые разные эпохи и в самых разных формах»¹⁹⁹. В науке XVII века и самом деле происходит распространение методов точных наук (прежде всего, геометрии) на гуманитарное знание²⁰⁰. Характерно, что оппонент Мабильона Шипионе Маффеи назвал доказательства Мабильона относительно существования «национальных типов письма» не иначе, как «геометрическими»²⁰¹ («i principi Geometrici»).

Сам процесс приобретения знания не мог теперь равняться простой компиляции или цитированию признанных традицией источников, а требовал очерченных процедур, приближенных к математическому доказательству. Перед историей и филологией (*érudition*) остро вставали вопросы о том, насколько

¹⁹⁸ Mabillon J. *Traité des études monastiques*. P. 234-235.

¹⁹⁹ Лукач, Д. *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-альтера, 2003. С. 25.

²⁰⁰ О распространении методов геометрии см. Quantin J.-L. *Op. cit.* P. 426.

²⁰¹ Maffei S. *Istoria diplomatica*. Mantua, 1727. P.113.

достоверно их знание и какие критерии достоверности вообще к нему применимы. Усовершенствовать гуманитарное знание, приведя его в соответствие с рационалистическим мышлением путём механического переноса принципов математики, было невозможно. Таким образом, история и филология столкнулись с потребностью в методе.

М. Фуко, описывая переход от науки эпохи Возрождения к науке XVII века говорил о том, что для интеллектуальной культуры Нового времени главной чертой стало стремление к порядку (*l'ordre*). Если в эпоху гуманизма ключевым познавательным приёмом было сравнение, то в XVII веке, по Фуко, приблизиться к познанию – значит расположить предметы в определённом порядке, чаще по возрастанию сложности²⁰². Эта черта была вполне ясно осознаваема и озвучена самими учёными XVII века. Порядок (*ordo*, *l'ordre*) был принципом построения научного рассуждения, он же служил методом²⁰³. Декарт писал: «Весь метод состоит в том, чтобы правильно расположить вещи, о которых требуется что-то узнать»²⁰⁴. Сходным образом метод определяют авторы «Логики Пор-рояль»: «Методом можно назвать искусство правильного расположения последовательности мыслей»²⁰⁵. Метод же в первую очередь виделся частью логики.

²⁰² Foucault M. *Les mots et les choses*. Paris: Gallimard, 1966. P. 65-67.

²⁰³ Взгляд на метод как на правильное расположение идей отчасти присутствует ещё у гуманиста Пьера Раме, см. Nuchnelmans G. *Logic in the seventeenth century* // *The Cambridge History of the seventeenth century Philosophy*. P.107.

²⁰⁴ «Toute la méthode consiste dans l'ordre et la disposition des choses vers lesquelles il est nécessaire de tourner son esprit pour découvrir quelque vérité». Descartes R. «Discours de la méthode», extrait // *Logique de Port-Royal. Édition nouvelle. Avec introduction, extraits et éclaircissement par Alfred Fouillée*. Paris: Librairie Classique d'Eugène Belin, 1878. P. 394.

²⁰⁵ «On peut appeler généralement méthode l'art de bien *disposer* de plusieurs pensées». Arnauld A., Nicole P. *La logique, ou l'art de penser* // *Logique de Port-Royal*. P. 22.

От части логики метод постепенно в XVII веке становился способом решения вопросов о способах человеческого познания и о его границах²⁰⁶.

Если говорить о том, каким образом Мабильон мог воспринять рационалистический метод, то в первую очередь стоит указать на «Логику» Пор-Рояля, на которую он неоднократно ссылается в «Трактате о науках в монастырях»²⁰⁷. «Логика», впервые изданная в 1662 в виде небольшого компендиума и впоследствии выдержавшая ещё много дополненных самими авторами переизданий, сыграла важную роль в распространении рационалистических идей. Поскольку авторы старались изложить основные философские положения своей эпохи в одном сочинении, «Логика» отличается некоторым эклектизмом. В «Логике Пор-Рояля» правила рассуждения заимствованы у Аристотеля, а метод – у Паскаля и у Декарта. Авторы выделяют два типа метода: первый – как метод нахождения истины, второй – как способ объяснения²⁰⁸. Основные принципы метода в «Логике» заимствованы из «Regulae ad directionem ingenii» Декарта и из «De l'esprit géométrique» Паскаля, оттуда же взята и большая часть примеров. Геометрическое доказательство в «Логике» представлено как эталон рассуждения. Геометрия считалась более простой для объяснения метода, поскольку она имеет дело с понятиями, которые наличествуют в уме изначально и которые не нуждаются в определении (пространство, длина, и т.п.)²⁰⁹. По образцу геометрии, идеальный язык науки также должен был использовать только ясные понятия, желательно такие, которые вообще не нуждаются в определении²¹⁰. Противоречивость изложения

²⁰⁶ Dear P. Method and the study of nature // The Cambridge History of the seventeenth century Philosophy. P. 149.

²⁰⁷ Mabillon J. Traité des études monastiques, P. 248, 257.

²⁰⁸ Ibid. P.22.

²⁰⁹ Pascal, B. De l'esprit géométrique et l'art de persuader. Mozambique, 2011. P.11.

²¹⁰ Logique de Port-Royal. P. 23.

«Логика» начинается там, где метод раскрывается как способ познания. Авторы описывают метод познания как сочетание анализа и синтеза, при том, что у самого Декарта описание анализа и синтеза не встречается²¹¹.

Мабильон, рассуждая о методе в общетеоретическом плане, говорил о «критике» (*critique*).

Рассуждения Мабильона о критическом методе можно найти в «Трактате о науке в монастырях», где этой теме отведена отдельная глава²¹². Мабильон определяет критический подход (*critique*) как «суждение об истинности чего-либо сомнительного или спорного». Мабильон писал, что не всякая критика бывает полезна и что следует различать «хорошую» и «плохую», причём губительна, по Мабильону, та из них, которая вызвана только желанием оспорить что-либо²¹³.

Мабильон особенно предостерегает от чрезмерно критического подхода к вопросам религии, говоря о том, что в этом следует полагаться на авторитет церкви. Критику Мабильон советует применять к тому, что может вызывать сомнения и споры²¹⁴. До Мабильона Декарт также отграничивал религиозные

²¹¹ Dear P. Op. cit. P. 160.

²¹² Глава «De la critique et des règles qu'il faut y observer». Mabillon J. *Traité des études monastiques*. P. 290-303.

²¹³ Ibid., p.291 ср. в «Логике»: «Страсть спорить («l'esprit de dispute») – недостаток, который сильно портит ум». Arnauld A., Nicole P. *La logique, ou l'art de penser // Logique de Port-Royal*. P.20. Мабильон писал: «Правильная критика (*critique*) необходима, чтобы не доверять слепо лживым историям, суеверным сказкам, пустым фантазиям и необоснованным идеям, не существовавшим или сомнительным чудесам, поддельным сочинениям отцов церкви» («[La bonne critique] est nécessaire pour ne pas donner aveuglement sa créance à de fausses histoires, à de contes superstitieux à des imaginations creuses et à des visions mal fondées, à des miracles faux ou douteux, à de faux ouvrages de Pères»). Mabillon J. *Réflexions sur la Réponse de l'abée de la Trappe aux *Traté des études monastiques**. Paris: chez Charles Robustel, 1702. P.1224.

²¹⁴ «Il est aisé d'appliquer ces conditions à la critique, qui n'est qu'un jugement que l'on rend à la vérité sur un point douteux ou contesté». Mabillon J. *Traité des études monastiques*. P. 208-210,

вопросы от критического подхода²¹⁵. Впрочем, отделение «критики» от религиозных вопросов не мешало Мабильону отчасти пересматривать некоторые традиционные установления католической церкви. Например, он писал: «Приводить жития раннехристианских святых, от которых не сохранилось даже имён [...] значило бы злоупотреблять простотой и доверчивостью народа»²¹⁶.

Тем не менее, в рассуждениях Мабильона о критическом методе неизбежно проявляются противоречия между сознанием религиозным и сознанием рационалистическим. Чтобы примирить их, Мабильон даже уподобляет хорошего исследователя (*le critique*) отцам церкви²¹⁷. Далее Мабильон отождествляет правильное использование критического метода и христианскую добродетель, говоря о том, что критический подход, применяемый предвзято, является проявлением страстей (*passion*)²¹⁸. В этом суждении можно увидеть представлений рационалистов в преломлении христианства и августинизма²¹⁹. В главе об истории «Трактата о науке в монастырях» слово «*passions*» обозначает пристрастность автора источника. Хороший историк, по Мабильону, должен уметь распознавать эту пристрастность и абстрагироваться от неё²²⁰. С точки зрения Арно и Лансло, проявлением пристрастности являются как излишний критицизм, так и пробабиллизм²²¹.

291-292.

²¹⁵ Асмус В.Ф. Декарт. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С.36.

²¹⁶ Mabillon J. *Traité des études monastiques*. P. 237.

²¹⁷ *Ibid.* P.294.

²¹⁸ *Ibid.* P. 295-302.

²¹⁹ Ср. призыв Арно и Николь, также испытавших влияние августинизма, избегать страстей (*passions*), которые дурно влияют на разум. Arnauld A., Nicole P. *La logique*. P. 18-20.

²²⁰ Mabillon J. *Traité des études monastiques*. P. 233.

²²¹ Arnauld A., Nicole P. *La logique*. P. 20-22.

В стремлении к «беспристрастному» суждению можно увидеть и попытку найти объективное знание. Поиск в суждении чего-то прочного, противостоящего «страстям» или «аффектам» уже несёт в себе антипирронистский посыл. Так, например, у Монтеня словом «passions» обозначается преломление внешнего мира (принципиально не познаваемого) через органы чувств²²².

«Ничто сегодня так не в моде, как критика!», – сетовал Мабильон²²³. Действительно, критика в XVII веке была столь популярна, что подчас выступала просто как модный фетиш, как аргумент в споре, без методологического значения²²⁴.

В «Трактате о науке в монастырях» проявляется начавшаяся в XVII веке специализация научного знания. Чтобы высказаться по какому-либо поводу теперь не достаточно сослаться на писание или отцов церкви, но требовалось иметь знания в конкретной области («compétences»)²²⁵. Так же и теолог, каких бы трудов ему это ни стоило, не должен высказываться о каком-либо предмете, не изучив прежде все источники²²⁶.

Критический подход к источнику требовал и особого чутья («goût» у Мабильона), которое можно было приобрести только благодаря большому практическому опыту. Историческое и филологическое знание всё более приближалось в эмпирицизме к точным наукам. Если жанр собирания древностей (antiquaria) был популярен и в эпоху Возрождения, то в XVII к накоплению эмпирического материала присоединился его критический анализ. Это привело к появлению научной нормы (обязательное знание источников), которой следовало специально обучаться. Именно в эту эпоху и появляется

²²² См., например, 12 главу «Опытов».

²²³ Mabillon, J. *Traité des études monastiques*. P.290.

²²⁴ Armogathe J.-R. *Op. cit.* P. 263-264.

²²⁵ Mabillon, J. *Traité des études monastiques*. P.292.

²²⁶ *Ibid.*

учёный-историк или учёный-филолог в современном смысле, владеющий техникой исследования и знанием источников²²⁷.

Мабильона с уверенностью можно назвать учёным-рационалистом Нового времени. Мабильон представляет собой новый тип историка, соединяющего в своём подходе глубокое знание источников и последовательно критический метод. О том, что подход Мабильона отличался некоторой новизной, можно заключить из критических отзывов современников, упрекавших его в том, что он не пишет историю. В этой критике обнаруживается то, что ещё во времена Мабильона историческое сочинение продолжало восприниматься прежде всего как цельное повествование. Для Мабильона же подлинная история была соединением критического подхода и внимательного изучения источников²²⁸.

О том, что Мабильон играл важную роль в науке своего времени можно судить уже по тому, какое внимание Лейбниц уделял трудам бенедиктинца. Лейбниц с большим воодушевлением воспринял «Дипломатику» и искал помощи Мабильона, когда работал над историей гвельфов. Сохранилась переписка учёных, заметно большую часть из которой, правда, составляют письма самого Лейбница²²⁹.

²²⁷ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Наука, 1987. С. 323.

²²⁸ Quantin J.-L. Op. cit. P. 417. В «Трактате о науке в монастырях» Мабильон так писал об изучении истории : «Знать – значит понимать принципы явлений и их причины ... Поэтому знать историю – значит понимать людей, которые являются её предметом, уметь здраво судить о них. Изучать историю – значит изучать мотивы, суждения (les opinions) и влечения (les passions) людей, чтобы понимать, что ими движет, всю оборотную сторону (tous les tours et tous les détours), в конце концов, иллюзии, которые они питают и все движения их души». Mabillon J. Traité des études monastiques. P. 233.

²²⁹ Babin M.-L. Leibniz et Mabillon // Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres. Actes de deux Colloques du tricentenaire de la mort de dom Mabillon. Leclant J. Paris, 2010. P.373-383.

3.2 Мабильон и картезианство

В научной литературе встречается утверждение о том, что Мабильон был картезианцем²³⁰.

В «Трактате о науках в монастырях» Мабильон упоминает труды Декарта²³¹, несмотря на то, что труды философа подвергались цензуре католической церкви²³². Возможно, именно из-за отношения католической церкви к трудам Декарта, Мабильон осторожно рекомендует ознакомиться с картезианской философией «с тем, чтобы знать её основные положения, которым не обязательно следовать»²³³ и ссылается на труды, посвящённые критике его идей²³⁴.

Сам Декарт в «Рассуждении о методе» неодобрительно отзывался об истории и отказывал ей в статусе науки. Это объяснимо: во времена Декарта история ещё не обладала методом, в отличие от естественных наук²³⁵.

Марк Блок отмечал, что, хотя математический метод Декарта не приложим к исторической науке, его философия оказала влияние на

²³⁰ Weitlauff M. Die Mauriner und ihr historisch-kritisches Werk // Historische Kritik in der Theologie: Beiträge zur ihrer Geschichte. Hsg. Schwaiger G. Göttingen, 1980. P.202; Quantin J.-L. Op. cit, P.401; Neveu B. Paris capitale de la république des lettres et le "De re diplomatica" de Jean Mabillon 1681 //Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1981. №1. P. 42.

²³¹Mabillon J. Traité des études. P.482.

²³² Так, Бернар Лами был сослан из Парижа за распространение картезианского учения. См. Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.13. В 1671 году богословы и медики домогались правительственного постановления, запрещающего учение Декарта. См. об этом: Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. Л.: ОНТИ, государственное технико-теоретическое издательство, 1934. С. 21.

²³³Mabillon J. Traité des études monastiques. P.257.

²³⁴Ibid. P. 462-463.

²³⁵ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Наука, 1987. С.318-319.

Мабильона, пусть и не непосредственно. В трудах Декарта и Мабильона отразились общие черты науки Нового времени, при этом влияние картезианства могло не вполне осознаваться Мабильоном²³⁶. Картезианская философия несомненно оказала влияние на развитие гуманитарных наук в целом. В XVII веке прорыв в науке о языке произошёл после прорыва в гносеологии²³⁷. Таким образом, для М. Блока и для ряда других исследователей, Мабильон оказывается картезианцем «по умолчанию». Такой подход вполне оправдан, однако не даёт возможности решить вопрос о том, насколько осознанно сам Мабильон пользовался достижениями рационалистической философии и не возникла ли «система Мабильона» (термин О.А. Добиаш-Рождественской) благодаря сознательному применению достижений рационалистической философии.

М. Блок предостерегал от того, чтобы называть всех учёных XVII века и Мабильона картезианцами. Он писал, что Мабильона нельзя назвать картезианцем потому, что тот был слишком религиозен и, следовательно, не мог хорошо знать современную ему философию²³⁸. Однако, как представляется, влияние на Мабильона современной ему философии никак не противоречит его религиозности. До некоторой степени религиозной была и философия XVII века. Точнее говоря, она нуждалась в мистико-религиозном компоненте для того, чтобы ответить на неразрешимые для неё противоречия, порождённые механистическим миропониманием²³⁹. Если философия рационализма и

²³⁶ «Mais, pour qu'une philosophie imprègne tout un âge, il n'est nécessaire ni qu'elle agisse exactement selon sa lettre, ni que la plupart des esprits en subissent les effets autrement que par une sorte d'osmose, souvent à demi inconsciente» Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Librairie Armand Colin, 1952 (2ème édition). P.50.

²³⁷ Аверинцев, С.С. Филология // София-Логос, М., Дух и Литера. С. 457.

²³⁸ «Ne disons pas: une génération des cartésiens. Mabillon, pour parler de lui, était un moine dévot, orthodoxe avec simplicité... On doutera qu'il ait connu de bien près la nouvelle philosophie alors si suspecte à tant de pieuses gens». Bloch M. Op. cit. P. 50.

²³⁹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. С. 35.

подготовила либертинство (libertinage) и атеизм эпохи просвещения, то в XVII веке до этого было ещё далеко. Поэтому вряд ли стоит видеть противоречие между религиозностью Мабильона и его осведомлённостью в современной ему философии. В трудах Мабильона рационалистическая философия и религиозное мировосприятие причудливо переплетались так, что одно невозможно было представить без другого: теоретические вопросы, вопросы метода, истинности, подменяются понятиями о добродетельности и нравственности, и наоборот.

О знакомстве Мабильона с рационалистической философией можно судить по его труду «О науке в монастырях» («Traité des études monastiques»). В этом труде Мабильон рассуждает о том, как и какой наукой должен заниматься монах-бенедиктинец (учёные занятия были прописаны в уставе ордена). Из этого трактата становится ясно, что Мабильон был прекрасно знаком с достижениями науки своего времени, хотя и делал осторожные замечания о том, что занятия науками (например, физикой, математикой и медициной)²⁴⁰, как и применение критического метода, дозволительно лишь в той степени, в которой не подрывает веру²⁴¹. По Мабильону, критический подход и применение логики могут быть полезны, если их цель – обнаружение истины.

В «Трактате о науке о в монастырях» Мабильон использует бинарные оппозиции. Рассуждая о критике, он выделяет «хорошую» и «плохую» критику (bonne critique, mauvaise critique)²⁴². В этих оппозициях можно, с одной стороны, увидеть проявление нового типа мышления, склонного к классификаторству, а с другой стороны, опять же, то, что вопросы метода и морали для Мабильона оказываются тесно переплетены. Мабильон всячески предостерегает от того, чтобы чрезмерно увлекаться какой-нибудь наукой или методом, призывая

²⁴⁰Mabillon J. Traité des études monastiques. P. 250-254. Примечательно, что в библиографии раздела философия Мабильон приводит некоторые естественнонаучные труды, видимо, прежде всего те, которые были интересны ему в основном с точки зрения метода (ibid. P. 462-476).

²⁴¹Ibid. P. 294.

²⁴²Ibid.. P. 294-295.

блности меру, которая, с его точки зрения, более морально безупречна. Однако эта моральная установка, хотя и выглядит внешне как христианская, на самом деле несёт на себе отпечаток рационализма.

У Мабильона встречается моральная и, в то же время, этическая категория – *via media*. В «Дипломатике» говорит о критическом методе как о среднем пути (*via media*) между двумя крайностями: принятием всего на веру либо тотальным скепсисом²⁴³.

Само сочетание *via media* восходит к трудам философа Гассенди, который использовал это выражение в частности в «*Excertationes paradoxicae adversus Aristoteleos*» (1624) и в «*Syntagma philosophicum*» (1655). Гассенди писал о том, что *via media* – это средство борьбы одновременно и с догматизмом, и с пирронистским скептицизмом и что, хотя истинная природа вещей и не может быть объектом науки²⁴⁴ (*scientia*, которая предполагает, по Аристотелю, точные знания), мы всё же можем судить о большей или меньшей степени вероятности о чём бы то ни было. Сочинения Гассенди в шести томах есть в библиографии Мабильона к «Трактату о науке в монастырях»²⁴⁵, следовательно, вполне вероятно, что он был с ними знаком.

²⁴³ «Здесь впадают в две [одинаково] порочные крайности; в одной из них старинную грамоту считают сразу поддельной, хотя среди старинных попадаются некоторые подделки; в другой то, что другие считают подлинным, другие спешат одобрить. Нам же стоит идти *средним путём*, чтобы достичь справедливости, защитить подлинное и изобличить поддельное по явным или вероятным признакам» («*Cum vero duo hoc incurrant extrema vitia, alterum eorum, qui quaevis, maxime antiquiora diplomata, tamquam spuria rejiciunt ob quaedam falsa genuinis intermista: alterum aliorum, qui omnia sine discrimine probant, ceterisque approbari volunt: media nobis incedendum via (курсив мой – М.Щ), eaque tenenda aequitatis ratio est, ut et legitimorum veritatem ratione propugnemus, et adulterinorum falsitatem certis aut probabilis indiciiis refutemus*»). Mabillon, J. *De re diplomatica*. P. 3.

²⁴⁴ Larmore Ch. Scepticism // *The Cambridge history of the seventeenth-century philosophy*. Garber D., Ayers M.P. 1158.

²⁴⁵ Mabillon, J. *Traité des études monastiques*. P. 462-463.

Важным для метода Мабильона понятием был *argumentum ex silentio*, или негативный аргумент, который был частью критического метода. Как и в случае с критикой, Мабильон разграничивал хороший и плохой негативный аргумент²⁴⁶. Суть негативного аргумента состояла в том, что умолчание о чём-либо в определённых источниках приравнивалось к свидетельству против факта. Если, к примеру, какое-либо событие не упоминалось современниками, то из этого можно было делать вывод о том, что на самом деле оно не происходило. Мабильон писал, что нельзя впадать в крайности с использованием негативного аргумента и что негативный аргумент может иметь силу только в совокупности с другими критериями. Если негативный аргумент используется для установления авторства текста, то наряду с ним и скорее даже в первую очередь должны учитываться характер манускрипта, авторство, указанное в тексте, стиль сочинения (соответствует ли он стилю тех сочинений, которые несомненно принадлежать этому автору) и то, нет ли противоречий и ошибок в фактах²⁴⁷.

Другая идиома из философского словаря рационализма – *certitudo moralis*. Принцип *certitudo moralis* встречается у Декарта. Декарт писал о том, что в гипотетическом рассуждении нет особой нужды там, где к правильному суждению можно прийти, исключив альтернативные решения эмпирическим путём. *Certitudo moralis* выступает у Декарта обоснованием эмпирического подхода. *Certitudo moralis* считалось менее убедительным, чем метафизическое обоснование, но, в то же время, более пригодным в некоторых случаях²⁴⁸.

В философском словаре начала XVIII века можно найти определение «морального доказательства», а также его место в классификации степеней «надёжности» доказательств: «...Таким образом, формальное доказательство... бывает трёх типов, а именно: моральное, физическое и метафизическое.

²⁴⁶ Ibid. P. 296.

²⁴⁷ Ibid. P. 296.

²⁴⁸ Dear P. Method and the study of nature. P.162.

Моральное доказательство применяется тогда, когда утверждается нечто, что можно узнать каким-либо другим способом, поэтому подвергается сомнению... Физическое доказательство действует тогда, когда об объекте утверждается что-то относительно его неизменной природы... Метафизическое доказательство действует относительно того, что установлено самим богом и не может быть другим»²⁴⁹.

Из приведённой цитаты явствует, что *certitudo moralis* обладает наименьшим весом по сравнению с другими логическими доказательствами. Этот принцип встречается ещё в «Никомаховой этике». По Аристотелю, от каждой области знания можно требовать своей степени точности. В «Логике» Пор-Рояля воспроизводится эта идея Аристотеля²⁵⁰.

Исследователь Ж.-Л. Кантэн обратил внимание на то, что принцип *certitudo moralis* встречается у Мабильона. Так, в «Приложении» к «Дипломатике» читаем:

«О подлинности тех или иных грамот можно судить не иначе как по форме письма, стилю и другим характерным чертам той эпохи, к которой мы относим [памятник]. Так считаю не только я, но и те учёные, которые прекрасно разбирались в этом искусстве. Различение должно основываться не на теоретическом или метафизическом доказательстве (*ratio seu demonstratio metaphysica*), но на моральной уверенности (*certitudo moralis*), которая в этих

²⁴⁹ « Наес actus certitudo... seu certitudo formalis... triplex vulgo admittitur, nempe moralis, physica et metaphysica. Actus intellectus dicitur moraliter certus, quando assentitur illi veritati, quae quanquam aliter contingere possit, tam sequens tamen est, ut ejus dubium bonis moribus adversetur...Dicitur autem actus physice certus, quando assentior alicui objecto firmiter, propter rationem in natura immutabilem; seu, quando assentior illi veritatati, quae quamvis aliter cogitari possit, servato tamen naturae ordine constatissima est. Actus dicitur denique certus metaphysice, quae formiter adhaereo illi objecto, quod ita mihi proponitur, ut nequidem per potentiam Dei absolutam aliter sese habere possit, seu, quando assentior illi veritati, quae ne aliter quidem cogitari potest». Chauvin S. Lexicon philosophicum. Leovardiae: Franciscus Halma, 1713. P. 98.

²⁵⁰ Arnauld A., Nicole P. La logique. P. 23.

делах может быть не менее достоверной, чем метафизическое доказательство. Впрочем, оба способа доказательства оставляют место ошибке. Далее, для того, чтобы иметь моральную уверенность, нужно тщательно изучить все характерные черты и обстоятельства, которые могут привести к истине. Так вернее всего можно обнаружить подлинность или поддельность памятников»²⁵¹.

Важно отметить, что в принципе *certitudo moralis* проявляется распространение эмпирического подхода. Ведь Мабильон говорит именно о совокупности параметров (форма письма, стиль и пр.), которые познаются не иначе, как через изучение большого количества памятников.

Необходимость в методе возникала благодаря распространению веры в интеллект, в способность человека самостоятельно судить о предмете и отказу от догматизма. В «Логике» Пор-Рояль выразился характерный для семнадцатого века протест против религиозной догматики: «Что может быть менее разумным, чем верить во что-то, руководствуясь своим мотивом? Самое лучшее, к чему это может привести – рассмотреть с большим вниманием аргументы, которые могут убедить нас в истинности того, во что мы хотим верить. Но истина существует вне зависимости от наших желаний, и эта истина должна быть убедительной. Я живу в такой-то стране, следовательно, я верю, что такой-то святой

²⁵¹ «Non alia itaque ratio a me exigenda est, cur proposita a me diplomata et instrumenta pro authenticis habeam, quam quia scripturae forma, stilus, ceteraque omnia illorum temporum, quibus subnotantur, certissimas notas praeferant. Ita non solum mihi, sed etiam viris hac in arte versatissimis visum fuit. Uno verbo ad discrimen eiusmodi statuendum non exigenda ratio seu demonstratio *metaphysica* (курсив мой – М.ИИ.) sed *moralis*, qualis in his rebus haberi potest, non minus in suo genere certa, quam metaphysica. In ipsis enim, uti et in moralibus, falsitati et errori, sicut veritati locus est. Porro haec moralis certitudo comparari non potest, nisi post post longam et diuturnam observationem omnium accidentium et circumstantiarum, quae ad veritatem assequendam conducere possunt. Hac potissimum ratione veterum monumentorum veritas, falsitasque demonstrari potest». Mabillon J. Librorum de re diplomatica supplementum, in quo archetypa in his libris pro regulis proposita, ipsaeque regule denuo confirmantur, novisque specimenibus et argumentisasseruntur et illustrantur. Parisii: Caroli Robustel, via Jacobea, adsigne arboris Palmae , 1704. P.4.

проповедовал здесь евангелие. Я принадлежу к такому-то ордену. Следовательно, я верю, что такая-то привилегия подлинная»²⁵².

В тексте «Дипломатики», как и в других трудах Мабильона, встречается неодобрение как чрезмерно скептического подхода, так и чрезмерного легковерия²⁵³. В «Логике Пор-Рояля» читаем: «Находятся философы, которые занимаются главным образом тем, что отрицают науку и которые основывают на этом всю свою философию. Среди них некоторые отрицают возможность быть в чём-либо уверенным (*nier la certitude*), допуская возможность (*la vraisemblance*) и заявляют, что всё является в равной степени тёмным и неясным. В разуме и в чувствах присутствуют ясность (*la certitude*) и неясность (*l'incertitude*). В равной степени ошибочно не подвергать ничего сомнению и считать всё сомнительным»²⁵⁴.

Мабильон использует философский словарь своего времени, когда говорит о «естественном разуме» (*lumière naturelle*)²⁵⁵. У Декарта в IV правиле «Рассуждения о методе» читаем: «Car il est très certain que des études sans ordre et des méditations obscures troublent les lumières naturelles et aveuglent l'esprit». Так, рассуждая о логике и метафизике, Мабильон писал: «Первая [логика] даёт нам представление о нашем знании («véritable idées de nos connoissances»); вторая –

²⁵² Arnould A., Nicole P. La logique. P.18. Примечательно, что авторы «Логики» приводят в качестве примера вопрос подлинности грамот. Мабильон также не был склонен верить во что-либо «по традиции». Быть может, лучше, чем его теоретические рассуждения, об этом свидетельствует его поступок: Мабильон намеренно разбил зеркало, хранившееся в сокровищнице Сен-Дени (среди других реликвий типа рога «единорога») и якобы принадлежавшее Вергилию. (Trésor de Saint-Denis. Paris: Musée de Louvre, , 1991. P.69).

²⁵³ Так, например, Мабильон критикует стремление некоторых учёных по-прежнему записывать все старинные документы в подделки (скорее всего, отсылка к Даниэлю Папелброху) и отсутствие всяких сомнений в подлинности Mabillon J. De re diplomatica libri sex, Paris, 1709. P. 3.

²⁵⁴ Logique de Port-Royal. P. 22.

²⁵⁵ Mabillon, J. Traité des études monastiques. P. 246.

[метафизика] даёт общие принципы природного разума (*lumière naturelle*), а эти принципы являются основанием для всякого рассуждения». Мабильон апеллирует к «естественному разуму», одной из основополагающих категорий рационализма²⁵⁶, но при этом связывает «естественный разум» с метафизикой. В этом можно увидеть приверженность Мабильона схоластической церковной традиции, против которой выступала рационалистическая мысль, но можно также предположить, что Мабильон трактует метафизику в картезианском ключе, как рассуждение, опирающееся на более общие категории (см. «Метафизические размышления»)²⁵⁷.

Однако рационалистские установки, как это ни парадоксально, имеют и религиозные источники. Они связаны с августинизмом²⁵⁸. Это течение в католицизме объединяет в себе стремление опираться на разум и мистицизм. Августинизм оказал значительное влияние на «Католическое Возрождение» первой половины XVII века и контрреформистским движением. Августинизм постулировал, с одной стороны, необходимость пользоваться разумом для выяснения истины, с другой – подчинённую роль разума по отношению к вере. «Credo, ut intellegam» – таков был главный тезис августинизма. Скептицизм был для августинизма крайностью, которую требовалось избегать. Августинизм оказал значительное влияние как на католического оратора Боссюэ, так и на янсенистов. Труды Августина издавали мавристы аббатства Сен-Жермен-де-Пре, где монашествовал Мабильон²⁵⁹.

²⁵⁶ Descartes, R. Discours de la méthode (extraît) // Logique de Port-Royal. P.389. Та же идиома у Паскаля: понятия пространства, объёма и т. п. изначально даны в уме («par la lumière naturelle») Essai de l'esprit géométrique // Pascal, B. Op. cit. P.11.

²⁵⁷ Философская энциклопедия в 4-х томах, Издательство Советская энциклопедия, М., 1964. Т. 3. С. 404.

²⁵⁸ Marou H.I. St. Augustin et l'augustinisme Paris: Edition du Seuil, 1987.

²⁵⁹ Taveneaux R. Le catholicisme dans la France classique (1610-1715). Paris: S.E.D.E.S., 1980. Vol. 1. P.291.

Мабильона можно отнести к тому же направлению научной мысли, к которой относится Декарт, Паскаль, тому направлению, которое стремилось выработать законченный и твёрдый метод нахождения истины. Поиски прочного противостояли распространённому в XVI и далее релятивизму. История и филология, ещё не выработавшие методов исследования и критериев достоверности, были в XVII веке основным объектом нападков «пирронистов»²⁶⁰. Учёные, подобные Мабильону, стремились выработать такой метод познания, который выдерживал бы проверку сомнением. Т. е. скептицизм воспринимался ими как способ нахождения истины, но не был мировоззренческой позицией, при которой возможность прочного знания отрицалась бы вовсе.

3.3 Краткие выводы

В XVII веке методы интерпретации текста активно развиваются под влиянием рационалистической философии. Рационалистическая философия оказала заметное влияние на Мабильона и прослеживается (помимо прямых ссылок на Декарта и других философов-рационалистов) в методе Мабильона и в том, каким понятийным аппаратом он пользуется. В то же время, рационализм у Мабильона переплетался с августинизмом, а философские категории – с моральными оценками. Тем не менее, вопреки утверждению М. Блока, есть все основания считать, что Мабильон вполне сознательно применял достижения рационалистической философии. Применение рационалистического подхода у Мабильона заключалось в преобладании эмпирического подхода и в построении такого метода работы с источниками, в котором учитывалась совокупность характеристик грамот.

²⁶⁰ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.:Наука. С. 321.

Глава 4. «Дипломатика» Мабильона в контексте издания житий и полемика Жана Мабильона с Даниэлем Папebroхом

Предпосылки к написанию труда Мабильона хорошо известны и не раз описывались в научной литературе. В качестве предисловия к сборнику житий, иезуитский монах из ордена болландистов Даниэль Папebroх опубликовал в 1675 году «*Propylaeum antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis*» – «Введение в искусство различения подлинности письма старинных грамот»²⁶¹. Папebroх, начиная исследовать меровингские грамоты, ориентировался на мнение английского эрудита Мэршама, который считал, что «от времени до правления Дагоберта I во всей Франции не осталось подлинных грамот, редкие подлинники сохранились от времени его царствования, да и от его потомков оригиналов осталось не так много»²⁶².

За образец подлинной меровингской грамоты Папebroх взял грамоту Дагоберта монастырю святого Максима в Трире.

Бенедиктинцы решили доказать необоснованность сомнений в подлинности меровингских документов, хранящихся в их архивах. Мабильон вызвался выполнить эту амбициозную задачу. Параллельно с этим он работал в

²⁶¹ Papebrochius D. *Propylaeum antiquarium, circa veri ac falsi discrimen in vetustis monumentis* // *Acta Sanctorum Aprilis, collecta, digesta illustrata a Godfrido Henschenio et Daniele Papebrochio e Societate Iesu. Tomus II, quo medii XI dies continentur. Proponitur illis Propylaeum antiquarium circa veri falsique discrimen in vetustis monumentis, observandum subiunguntur Acta Graeca, ad eosdem diem pertinentia. Antverpiae: apud Michaellem Cnobarum, 1675. 2-32.*

²⁶² *Ibid.* P.29.

архивах вместе с Люком д'Ашери, публикуя «Analecta»²⁶³, и собирал материалы к «Анналам ордена Святого Бенедикта».

Примерно в таком виде эта история излагается во многих учебниках, монографиях и статьях по палеографии и дипломатике²⁶⁴. Публикацию «Дипломатики» признают точкой отсчёта в формировании палеографии и дипломатики в их современном виде.

Спор Мабильона и Папebroxa можно рассматривать сразу в нескольких контекстах. Во-первых, в контексте различных споров о юридической подлинности документов, понимаемой в юридическом аспекте. Во-вторых, в

²⁶³ Mabillon J. Germain M. *Vetera analecta, sive collection veterum aliquot operum et opusculorum omnis generis*. Vol. 1-4. Paris: Apud Johannem Boudot, 1675-1685.

²⁶⁴ Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936. С. 90-105; Berthrand P. *Du «De re Diplomatica» au nouveau traité de diplomatique: réception des textes fondamentaux d'une discipline* // Dom Jean

Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P.605-619; Bischoff B. *Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters*. Berlin: Erich Schmidt, 1986. P.17; Bresslau H. *Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien*. Leipzig: Verlag von Veit & Komp, 1889. 1 Band. S. 22-27; Brühl C. *Die Entwicklung der diplomatischen Methode im Zusammenhang mit dem Erkennen von Fälschungen* // *Aus Mittelalter und Diplomatie*. Gesammelte Aufsätze. Hildesheim: Weidmann, 1989. III Band. P.216-217; Cencetti G. *Lineamenti di storia della scrittura latina*. Bologna: Casa editrice prof. Riccardo Patron, 1954. P. 7-8; Cherubini P., Pratesi A. *Paleografia latina. L'avventura grafica del mondo occidentale*. Citta del Vaticano: Scuola di Paleografia, Diplomatica e Archivistica, 2010. P.2-3; Foerster H. *Abriss der lateinischen Paläographie*. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. S.11-12, 16-19; Fuhrman H. *Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff* // *Historische Zeitschrift*. 1963. №197. S. 529-554; Giry A. *Manuel de Diplomatique*. Paris: Librairie Félix Alcan, 1925. P. 51-77; Traube L. *Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde*. München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909. I Band. S. 13-30; Giry A. *Études de critique historique de la diplomatique* // *Revue Historique*. 1892. №48. P.236-237; Kölzer Th. *Diplomatics* // *Handbook of Medieval Studies*. De Gruyeter: Berlin-New York, 2010. P. .407 и пр.

связи с расцветом изданий житий святых и книгопечатания вообще, публикаций большого массива средневековых памятников в условиях, когда принципы их критической интерпретации ещё не были сформулированы. В третьих, можно рассматривать труд Мабильона как отражение тенденции специализации научного знания, формирование науки филологии Нового времени с присущим ей методом.

Некоторые исследователи справедливо отмечают, что заявление Папebroха о поддельности большинства меровингских грамот ставило под вопрос владения аббатства Сен-Дени²⁶⁵. Действительно, средневековые документы имели юридическую силу вплоть до Великой Французской революции (точнее, двух указов – об отмене феодальных привилегий 4 августа 1789 года и о национализации имущества духовенства 2 ноября 1789²⁶⁶). Однако слишком односторонним кажется представлять эту полемику как по существу юридический спор²⁶⁷. Во-первых, представляется маловероятным, что ради опровержения юридических претензий бенедиктинцы в течение более чем пяти лет готовили масштабный труд, отнюдь не единственным предметом которого являются меровингские грамоты. Во-вторых, при внимательном чтении труда самого Папebroха становится ясно, что иезуитский монах не ставил под вопрос юридическую силу грамот аббатства Сен-Дени.

Заслугу создания дипломатики как науки традиционно приписывают Мабильону. Некоторые исследователи склонны при этом принижать заслугу Папebroха, говорить о том, что его положения были ошибочны и что, к счастью, Мабильон их полностью опроверг. Из-за суждения Папebroха о том, что

²⁶⁵ Traube L. Op. cit. I Band. S.15; Guyotjeannin O., Pyske J., Tock B.-M. Diplomatique médiévale.

Turnhout: Brepols, 1993. P. 19.

²⁶⁶ Guyotjeannin O., Pyske J., Tock B.-M. Op. cit. P. 19.

²⁶⁷ «Papebroch et Mabillon s'étaient affrontés dans une perspective essentiellement juridique». Guyotjeannin O., Pyske J., Tock B.-M. Op. cit. P.19. Также Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. Anton Hiersemann Stuttgart, 1981. S. 10-11.

большинство меровингских грамот поддельны, его часто представляют пирронистом и сравнивают с монахом Ардуэном, который утверждал, что вся античная литература – средневековая подделка²⁶⁸.

Исследователь М. Дорна справедливо отметил, что представление о Папebroхе как о пирронисте и скептике берёт начало в труде И. Людевига²⁶⁹, первом очерке по истории споров относительно подлинности грамот²⁷⁰.

И. Людевиг писал, что Папebroх «не только клеветает на многие грамоты, объявляя их неподлинными, но осмеливается даже приводить правила такого критического искусства»²⁷¹. В представлении Людевига, иезуиты занимались критикой памятников для того, чтобы оклеветать их²⁷². У Людевига была также своя теория, согласно которой объявление меровингских документов в неподлинности – происки иезуитов против бенедиктинцев²⁷³.

Представление о Папebroхе как о пристрастном критике средневековых памятников не имеет под собой никакого основания, равно как и обвинения в пирронизме. Нельзя считать сомнение Папebroха в подлинности меровингских документов заинтересованным: осознание того, что большинство меровингских

²⁶⁸ Broglie E. Mabillon et la société de l'abbaye de Saint - Germain de Prés (en deux volumes). Paris: Librairie Plon, 1888. Vol.1, P. 104-106; Zouhar J. «De re diplomatica libri sex» by Jean Mabillon in outline // Listy filologicke (Pholia philologica). 2010. № 3-4. P. 368-369; Fuhrman H. Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // Historische Zeitschrift. 1963. №3. S.532.

²⁶⁹ Ludewig J. P. Praefatio de usu et praestantia diplomatum et diplomaticae artis. Porro de bellis diplomaticis, cum in Gallia excitatis, tum in Italia // Reliquiae manuscriptorum omnis aevi diplomatum ac monumentorum, ineditorum adhuc. Francfurti et Lipsiae:1720. Tomi III.

²⁷⁰ Dorna M. Von der Hagiographie zur Diplomatie. Daniel Papebrochs Lehre zur Erkennung von frühmittelalterlichen Urkundenfälschungen // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2014. Vol.60(1). S. 180-181.

²⁷¹ «In quo non solum varia diplomata temere et calumniose habuit pro adulterinis, sed etiam regulas

criticae artis huius dare ausus est», – Ludewig J. Op. cit. Tomo I. P. 27-28.

²⁷² Ludewig J. Op. cit. Tomo I. P. 25-26.

²⁷³ Ibid. P. 23-24.

грамот сомнительны, было горько для самих болландистов, ведь грамоты этого времени уже использовались в предыдущих томах их издания житий («Acta sanctorum»)²⁷⁴.

4.1 Проблема определения подлинности документов до Мабильона и Папebroха. *Bella diplomatica*

Хотя с труда Мабильон «Дипломатика» принято вести начало метода дипломатики и палеографии, полноценной истории этих наук ещё не написано. Очерк Г. Бреслау²⁷⁵ по этому вопросу всё ещё остаётся одним из самых подробных²⁷⁶.

В рамках этой работы, к сожалению, не представляется возможным вдаваться в подробности о том, как проявлялся критический подход к памятникам до Папebroха. Однако важно упомянуть некоторые важные события, связанные с проявлением такого подхода.

Уже в Средние века предпринимались попытки обоснования суждений о подлинности грамот. Существуют разные мнения относительно того, в какой

²⁷⁴Dorna M. Von der Hagiographie zur Diplomatik. Daniel Papebrochs Lehre zur Erkennung von frühmittelalterlichen Urkundenfälschungen // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2014. № 1. S. 180

²⁷⁵ Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig: Verlag von Veit & Komp, 1889. 1 Band. S. 11-40.

²⁷⁶ Kölzer Th. Diplomatics // Handbook of Medieval Studies. Edited by Albrecht Classen De Gruyeter: Berlin-New York, 2010. P. 406.

период Средневековья критический подход получил наибольшее распространение: XI – XII²⁷⁷, XIII²⁷⁸ или XIV²⁷⁹ века.

Исследователь Б. Лаш отмечал случаи, когда средневековые авторы выражали скептицизм в отношении языческих преданий, но охотно продолжали тиражировать не более правдоподобные христианские²⁸⁰.

В целом средневековое представление о подлинности было довольно своеобразным²⁸¹. Подлинность авторитетных текстов, соответствовавших распространённым представлениям, редко ставилась под сомнение.

И всё же попытки обосновать поддельность документа, опираясь на формальные критерии, периодически предпринимались в Средние века. Особенно актуальна эта задача была для папской канцелярии²⁸². Но и здесь большее значение, чем формальным критериям, придавалось содержанию текста. С папой Александром III произошёл характерный эпизод, неоднократно описанный в научной литературе²⁸³. В 1171 году он усомнился в подлинности одной из грамот папы Захарии. Поддельность грамоты он доказывал, говоря о нехарактерном для грамот папы Захарии субъекте речи (*dictatio*), грамматических ошибках и слишком новом пергаменте. Интересно, однако, что

²⁷⁷ Lasch B. Op. cit. S. 5-6, 86.

²⁷⁸ Giry A. Études de critique historique de la diplomatie // *Revue Historique*. 1892. T.48. P. 225-256. А. Жири связывал распространение критики в этот период с тем, что в XIII веке стали появляться крупные архивы.

²⁷⁹ Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik // *Archivalische Zeitschrift*. 1955. №50-51. S. 301-318.

²⁸⁰ Lasch B. Op.cit. S. 5-6, 10, 86.

²⁸¹ Fuhrman H. Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff// *Historische Zeitschrift*. 1963. №197. S.544.

²⁸² Lasch B. Op. cit. S. 101-106.

²⁸³ Fuhrman H. Op. cit. S. 545; Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik. *Archivalische Zeitschrift*, 1955, vol.50-51. S.307 ; Bresslau H. Op. cit. Band I. S.16.

решающим аргументом было именно содержание грамоты, которое не соответствовало представлениям о праведности папы Захарии и в котором, по словам папы Александра III, усматривалось сионистское влияние. Грамота и в самом деле сегодня считается подделкой. Однако критик обнаружил неосведомлённость в документах этой канцелярии при том, что у него был к ним доступ: говоря о новизне пергамента, он не знал о том, что Захария вообще не мог использовать этот материал²⁸⁴.

Грамоты довольно рано (уже в трудах Григория Турского) стали рассматривать как историческое свидетельство²⁸⁵. При написании исторических трудов средневековые авторы стремились отделить достоверные источники от недостоверных. Однако зачастую в спорных случаях хронисты ограничиваются констатацией противоречивости источников²⁸⁶.

Из исследования Б.Лаша можно сделать вывод о том, что в случаях применения критического подхода к источникам в Средневековье часто обращались к фактическому содержанию текста, к хронологии, гораздо реже – к физическим характеристикам²⁸⁷. В целом критика в Средние века носила скорее эпизодический характер²⁸⁸.

Развитие критического подхода связывают с эпохой Возрождения. Лоренцо Валла усомнился в подлинности так называемого «Константинова дара», грамоте, во многом определявшей сознание средневекового человека и закреплявшей главенство папского престола. Франческо Петрарка разоблачил поддельные грамоты Цезаря и Нерона. Однако знание о типе письма, материале грамоты и прочем до XVII века всё остаётся очень ограниченным. Петрарка, разоблачая якобы античные памятники, опирается на стиль (обращает внимание

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Lasch B. Op. cit. S. 51

²⁸⁶ Ibid. S. 41-49

²⁸⁷ Зачастую это было связано с недоступностью оригиналов. Ibid. S. 94 ff.

²⁸⁸ Bresslau H. Op. cit. 1 Band. S.17.

на то, что Цезарь говорит о себе во множественном числе, а также называет себя «Augustus») на топонимы («Austria»), на датировку, которая в подлинных античных грамотах не встречалась²⁸⁹, т.е. демонстрирует несоответствия памятника эпохи в том, что касается фактического содержания и языка.

С развитием книгопечатания и накоплением эмпирического материала (в эпоху Возрождения антиквары собирают и памятники древности) совершенствуются методы критики.

Благодаря Людевигу в литературе закрепилось сочетание «дипломатическая война» («bellum diplomaticum²⁹⁰»). Так принято обозначать любые споры о подлинности тех или иных грамот в Европе XVI-XVIII века. Стоит, однако, иметь в виду, что поводы для этих «войн» могли быть различными. Сам Людевиг классифицирует «bella diplomatica» по странам²⁹¹ и по эпохам (для Франции начало периода этой «войны» отсчитывает с XVII века)²⁹². Возможно, под влиянием Людевига, писавшего о «дипломатических войнах, разгоравшихся в разные прежде всего между орденами иезуитов и бенедиктинцев²⁹³», Л. Траубе рассматривает научную полемику между различными монашескими орденами в том же контексте «войны»: «Любое проявление несогласия перерастало в борьбу, а борьба - в длительное противостояние разных мировоззрений. Кальвинисты, янсенисты, бенедиктинцы, ораторианцы и другие более мелкие секты отличались не только в отношении религии - у них была своя наука, которая подвергалась нападкам и

²⁸⁹Geiger L. Petrarka. Leipzig: Dunker und Humblot, 1874. S. 77.

²⁹⁰Г. Бреслау ведёт отсчёт начала «дипломатических войн» не с XVII, как Людевиг, а с XVIII века. Bresslau H. Op. cit. 1 Band. S.19.

²⁹¹Ludewig J. Op. cit. Tomo I. P. 24 et sqq.

²⁹²Сам Людевиг предлагает классифицировать споры о подлинности, различая споры о подлинности и датировки древних грамот («litteraria») и юридический спор («forensis»). Ludewig J. Op. cit. Tomo I. P. P. 37.

²⁹³Ibid. P. 24.

которую они защищали»²⁹⁴. Впрочем, стоит согласиться с Л.Траубе, в том, что для развития критического метода религиозное противостояние имеет большое значение.

4.2 Издание житий и критический метод

Распространение рационального мышления в XVII происходило и в вопросах религии. При этом не только новые философские идеи влияли на религию, но и религия ставила перед философией новые вопросы²⁹⁵.

Острые религиозно-философские споры возникали в том числе из-за противоборства протестантизма и католичества. Стоит отметить, что запрос на обновление католичества возник внутри него самого. Дело в том, что ещё до Тридентского собора растущее городское население стало ощущать, что недостаточно образованное священничество не удовлетворяет их запросам. Стали происходить локальные реформы обновления²⁹⁶. После 1540 уже можно говорить о противостоянии католической и протестантской мысли.

Протестантская наука во Франции начинает развиваться после Нантского эдикта. В научной полемике постепенно апелляция к здравому смыслу и к историческим свидетельствам становится чуть ли не более значимой, чем апелляция к священному писанию²⁹⁷.

Исследования отцов церкви и исторические штудии были сосредоточены на первых веках истории церкви, но на самом деле касались вопросов Реформизма. Апелляция к первым векам существования церкви должна была

²⁹⁴ Traube L. Op. cit. Vol. I. S.15.

²⁹⁵ Popkin, R. The religious background of the seventeenth century philosophy // The Cambridge history of the seventeenth-century philosophy. Garber D., Ayers M. P.393.

²⁹⁶ Delumeau J. Le catholicisme entre Luther et Voltaire. Paris: Nouvelle Clio, 2010. PP. 45-46.

²⁹⁷ Armogathe J.-R. Op. cit. P.263.

служить для подкрепления аргументации в полемике с протестантами. Эрудиция была орудием в борьбе между сторонниками разных политических и религиозных позиций²⁹⁸.

Противостояние католичества и протестантства разворачивалось вокруг культа святых и, в частности, житий. Жития были древним и самым популярным жанром католической духовной литературы. Например, известнейший житийный сборник «*Legenda aurea*» на протяжении двух столетий активно переписывался и перепечатывался на многих европейских языках. В большом массиве агиографических текстов, призванных вдохновлять христианина, вместе с поражающими воображение эпизодами накапливались и исторические неточности, и откровенные несуразицы. Агиографические тексты поэтому неоднократно критиковались гуманистами и протестантами. В начале XVI века «Золотая легенда» утрачивает популярность. Чудесные рассказы о святых больше не вдохновляют людей, а у учёных-гуманистов вызывают усмешку²⁹⁹.

В шестнадцатом веке были предприняты попытки создать новые сборники житий, приведённые в соответствие с духом времени: самые сомнительные жития из традиционных сборников в них не входили³⁰⁰.

²⁹⁸ Копосов Н.Е. Византиноведение и абсолютизм во Франции XVII века // Византийский временник. 1979. Т. 40. С.186-190. Neveu B. Mabillon et l'histoire de l'histoire de la France vers 1700 //

Erudition et religion aux XVII et XVIII siècles ed. Albin Michel. Paris, 1994. P. 195.

²⁹⁹ Sullivan D. Jean Bolland and the early bollandists // *Medieval Scholarship. Biographical studies on the formation of a discipline Volume I: History.* Edited by: Helen Dominico Joseph B. Zavadil Routledge. New-York, London, 1995. P. 3-4.

³⁰⁰ Например, такие жития издавали Luigi Lippomano (1500-1529) Laurentius Surius (1522-1578). Позже появится мартиролог Узуарда, который послужит прототипом для издания болландистов *Usuardus Martyrologium, quo romana ecclesia, ac permultae aliae utuntur: iussu Caroli Magni conscriptum. Et annotatione actorum, qui de Sanctorum vita, confessione, vel martyrio copiose aut aliquando obiter, nonnulla scripserunt. Opera Ioannis Mollani Louaniensis, Louanii sacrae Theologiae Regii Professoris. Eodem auctore, De martyrologiis et indiculus sanctorum*

Культ святых – это ещё и апелляция к древности католичества, а следовательно, доказательство преимущества этой религии перед протестанством. Католический оратор Ж.-Б. Боссюэ писал: «Всякая истинная религия отличается древностью, а лживая – новизной»³⁰¹.

В XVI веке происходит расцвет позитивной теологии, предполагавшей изучение священного писания с опорой на отцов церкви³⁰². Это направление способствует развитию филологических методов в экзегетике, патристике и истории церкви. Мабильон в «Трактате о науках в монастырях» различает схоластическую теологию, апеллирующую к разуму, и позитивную, предполагающую изучение текстов³⁰³. Он отмечает, что в его время большее распространение получила именно позитивная теология³⁰⁴.

Под влиянием этих тенденций в агиографии развивается критический метод, что даёт некоторым современным учёным повод говорить о «критической агиографии»³⁰⁵ того времени или даже об агиографии как исторической дисциплине³⁰⁶.

Belgii. Antverpiae: apud Philippum Nutium, 1583; а также Ferrario F. Catalogus sanctorum Italiae in menses duodecim distributus, in quo vitae illorum ex particularium Ecclesiarum monumentis compendio describuntur, adiectis ubique scholiis, notisque perbreuibis; in quibus saepenumero ambiguitates, et errores circa tempus praesertim, ac historiae veritatem contingentes deteguntur. [...] Mediolani: Bordonius H., 1613.

³⁰¹«La vraie religion a pour marque manfeste son antiquité... Toutes les fausses religions ont pour marque manfeste leur innovation». Bossuet J.-B. Oevres complètes. Tome 10. Paris: Chez Lefèvre, Chez Ledentu, 1836. P. 400-401.

³⁰²Delumeau J. Le catholicisme entre Luther et Voltaire. P.45-46.

³⁰³ Mabillon, J. Traité des études monastiques, Paris, chez Charles Robustel , 1691. P. 207-208

³⁰⁴Ibid. P.209.

³⁰⁵ Joassart B. Les mauristes et les bollandistes. Une même approche de l'érudition?// Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P. 577.

³⁰⁶ Sullivan D. Jean Bolland and the early bollandists. P.3.

В XVII веке появляется много исторических трудов с контрреформистской направленностью³⁰⁷. С обеих сторон – протестантства и католицизма, критический метод пытаются использовать для того, чтобы доказать свою правоту, иногда пользуясь им непоследовательно и пристрастно³⁰⁸. Согласно исследованиям, в 1643-1645, 48% всех издаваемых книг составляла литература религиозного содержания³⁰⁹.

Папebroх и Мабильон принадлежали к католическим монашеским орденам. С одной стороны, их труды можно считать апологетикой католической церкви (не случайно оба занимаются изданием житий). С другой стороны, Папebroх и Мабильон явились продолжателями итальянских гуманистов с их критическим подходом к тексту, но уже на новом этапе развития науки.

Монахи-эрудиты обладали относительной свободой при издании житий. Они самостоятельно отбирали тексты для публикации, хотя папский престол мог подвергать издания запрету³¹⁰.

4.3 Издание житий ордена болландистов

Конгрегация болландистов католического ордена иезуитов с самого начала своего существования занималась изданием житий. В 1603 году болландист Герберт Росвейде задумал издание подлинных материалов о жизни святых,

³⁰⁷ Benz, S. *Zwischen Tradition und Kritik: Katholische Geschichtsschreibung im barocken Heiligen Römischen Reich*. Husum: Matthiesen Verlag, 2003.

³⁰⁸ О том, как Боссюэ применял критический подход см. Armogathe J.-R. *Bossuet et l'érudition protestante de son temps* Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français (1903-), vol.153 (Avril-Mai-Juin 2007), p.264; Rébelliau A. *Bossuet*. Paris, librairie Hachette et Co, 1900.

³⁰⁹ Delumeau J. *Le catholicisme entre Luther et Voltaire*. P. 94.

³¹⁰ Badea A. (Heligen-) Geschichte als Streitfall Die Acta sanctorum und Mabillons Epistola de cultu sanctorum ignotorum und die römische Zensur // *Europäische Geschichtskulturen um 1700 zwischen Gelehrsamkeit, Politik und Konfession*. Herausgegeben von Thomas Wallning, Thomas Stockinger, Ines Peper und Patrick Fiska. De Gruyter, 2012.

которое заменило бы распространённые сомнительные жития и тем самым способствовало бы укреплению авторитета церкви³¹¹. В 1607 году Росвейде публикует перечень материалов житий, хранящихся в бельгийских библиотеках³¹². Он планировал издать важные для христиан документы в восемнадцати томах. Неожиданно кардинал Баллармин, поддержкой которого надеялся заручиться Росвейде, высказался против такого издания, которое, по его мнению, могло бы принести вред католической церкви и вызвать насмешки из-за тех несуразиц, которые часто встречаются в житиях³¹³. Первые три тома, запланированные Росвейде, должны были бы включать в себя праздники, связанные с Христом и Богородицей, один том должен был состоять из житий (martyrologues), а последний том должен был содержать пояснения и комментарии, которые помогли бы лучше понимать собранные тексты³¹⁴. В издании предполагалось избавиться от тех житий, которые с большей вероятностью могли вызвать критические нападки³¹⁵. Росвейде смог приступить к своему предприятию только в 1612 году в Антверпене. В 1615 году начало вышло подготовленное им издание житий в десяти главах³¹⁶.

В 1629 году Герберт Росвейде скончался, так и не приступив непосредственно к запланированному изданию. Дело продолжил Св. Жан

³¹¹ Delehaye H. L'oeuvre des bollandistes à travers trois siècles. Bruxelles: Bureau de la société des bollandistes 1920. P.7; Palmieri A. The bollandists // The Catholic Historical Review 1923. №3. 341.

³¹² Rosweyde H. Fasti sanctorum quorum vitae in belgicis bibliothecis manuscriptae. Item Acta praesidalia SS. Martyrum Tharaci, Probi et Andronici nunc primum integra edita. Antverpiae: Ex officina Plantiniana, 1607.

³¹³ Palmieri A. The bollandists // The Catholic Historical Review. 1923. №3. P. 342-343.

³¹⁴ Joassart B. Les mauristes et les bollandistes. P. 575.

³¹⁵ Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. München und Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenburg, 1911. S.325.

³¹⁶ Rosweyde H. Vitae patrum. De vitae et verbis seniorum libri X. Historiam eremiticam complectentes. Auctoribus suis et nitore pristino restituti, ac notationibus illustrati. Accedit onomasticon rerum et verborum difficiliorum, cum multiplici indice. Antverpiae, 1615.

Болланд, в честь которого позже назвали конгрегацию³¹⁷, с двумя двоюродными братьями – Готтфридом Хеншеном (Godefrid Henskens, Henschenius) и, позднее, Даниэлем Папebroхом (Papebroeck, Papebrochius). Вместе они находили тёмные места и искали возможные варианты их трактовок, изучали разночтения. Жития, снабжённые обширными примечаниями, перерастали в целые учёные трактаты³¹⁸.

В построении томов болландисты ориентировались на церковный календарь: жития располагались по месяцам, в соответствии с днями почитания святых. Такая структура окончательно оформилась, когда к изданию приступил Жан Болланд, который также значительно расширил список святых, чьи жития должны были публиковаться. Материал иногда брали из уже изданных аннотированных изданий житий³¹⁹, но чаще всего – из мартирологов³²⁰. Принципиальное отличие издания болландистов от, скажем, «Золотой легенды» состоит в том, что издание «Acta sanctorum» не мыслилось как издание собственно житий, но скорее как издание сохранившихся свидетельств о святых.

В 1643 году вышло первое январское издание «Acta sanctorum»³²¹. Количество томов к каждому месяцу по мере публикаций житий всё увеличивается, как увеличивается количество поступающего к болландистам

³¹⁷ О Жане Болланде см. предисловие к третьей части мартовского тома Acta sanctorum:

Bollandus J., Henschenius G., Papebrochius D. Acta sanctorum martii, tomus I. Antverpiae: apud Jacobum Mersium, 1668.

³¹⁸ Sullivan D. Jean Bolland and the early bollandists // Medieval Scholarship. Biographical studies

on the formation of a discipline. Volume I: History. Ed. by Dominico H., Zavadil J. B. New-York,

London: Routledge, 1995. P.8.

³¹⁹ Savilla J.-M. Antiquarismus. P. 159-164.

³²⁰ Ibid. S.104.

³²¹ Bollandus J., Henschenius G. Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur, quae ex latinis et graecis, aliarumque gentium antiquis monumentis Januarii tomus primus. Antverpiae: Apud Michaellem Cnobarum, 1643.

материала. Перед болландистами также вставали проблемы критики текста, например, в тех случаях, когда жития доходили в исправленном или переписанном виде³²². Помимо примечаний и предисловий, в изданиях включаются *commentarii graevi*, предпосланные отдельным житиям, в которых обсуждаются в том числе и источниковедческие проблемы³²³. В этом проявился совершенствование подхода в процессе издания: хотя уже Герберт Росвейде планировал делать примечания к житиям, в этих примечаниях он планировал делать выжимки из самих житий³²⁴.

В издании болландистов жития, неразрывно связанные с народной фантазией, иногда полуапокрифические, должны были быть преобразованы интеллектуалами для того, чтобы католический культ святых смог соответствовать интеллектуальным запросам эпохи рационализма. Эти противоречия между религиозностью низовой, преимущественно средневековой и интеллектуальной религиозностью Нового времени с неизбежностью должны были отразиться в издании³²⁵.

Acta sanctorum в целом вписываются в традицию собрания древностей, в традицию антикварного труда³²⁶. «Введение» Папebroха, которое открывает апрельский том и в котором рассматриваются различные памятники, также написано в русле антикварного трактата.

³²² Delehayе Н. L' oeuvre des bollandistes à travers trois siècles. Bruxelles: Bureau de la société des bollandistes, 1920. P. 12.

³²³ Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. S.104.

³²⁴ Delehayе Н. L' oeuvre des bollandistes. P.12.

³²⁵ Так, Эрнест Ренан сетовал, что издание не сохранило колорит средневековых преданий: «Les saints, en effet, comme toutes les productions vraiment originales, sentent leur territoire et portent profondément l'empreinte de leur temps et de leur pays... En reproduisant les légendes, ils retranchent parfois ce qui les choque, et ce qui les choque est souvent ce qui nous intéresserait le plus». Renan E. Études d'histoire religieuse. Paris: Éditions Michel Lévy frères, 1857. P. 303-304.

³²⁶ Об антикварианизме см. Savilla J.M. Antiquarismus. P. 237-241.

4.4 Сопоставление «Дипломатики» Жана Мабильона и «Введения» Даниэля Папebroха

Новизну труда Мабильона можно оценить, сравнив «Дипломатику» и «Введение». При том, что сочинение Папebroха послужило поводом для написания «Дипломатики» сравнение, казалось бы, напрашивается само собой. Однако последовательное сопоставление этих трудов – непростая задача уже в силу того, что у них слишком разные цели и разная структура. «Дипломатика», в отличие от «Введения», посвящена строго теме старинных документов и освещает эту тему гораздо более углублённо. «Дипломатика» не сводится к критике идей Папebroха. Прежде чем приступить к критике отдельных положений Папebroха, Мабильон детально исследует проблемы, связанные с этими положениями.

Мне не известны современные научные работы, в которых последовательно сравнивались бы труды Мабильона и Папebroха. Хотя встречается утверждение о том, что заслуга Папebroха состоит лишь в том, что он дал повод к написанию «Дипломатики», некоторые учёные полагают, что метод Папebroха ничем принципиально не отличался от метода Мабильона, а успех последнего объясняется же лишь тем, что ему было доступно большее количество эмпирического материала³²⁷.

При разнице в том, как организованы «Введение» и «Дипломатика», эти труды строятся вокруг рассмотрения примерно тех же проблем.

³²⁷ Mersiowsky M. Ausweitung der Diskurszone um 1700. Der Angriff des Barthélémy Germon auf die Diplomatie Jean Mabillons // Europäische Geschichtskulturen um 1700. Zwischen Gelehrsamkeit, Politik und Konfession. Hsg. von Wallning Th., Peper I., Fiska P. München, De Gruyter, 2012. S. 460; Johnson W. Edward Gibbon F.R.S: Early historical sciences, maurist erudition and related scholarship, 17th-20th C. // International Journal of Mechanical Sciences, 1997. №10. P.1080.

4.5 Задачи «Propylaeum antiquarium» Папebroxa

Предисловие к апрельскому тому житий («Propylaeum antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis») состоит из трёх частей. Первая часть носит название «О различении старинных грамот об основании, дарении и привилегиях» («De veterum foundationum, donationum, privilegiorum instrumentis discernendis»). Другие две части посвящены рассуждениям о традиции ордена кармелитов и церкви Св. Афры в Брешии.

Папebrox, в отличие от Мабильона, не имел доступ к архиву, в котором было бы представлено большое количество меровингских грамот. С большей частью грамот, которые приводятся в «Предисловии», Папebrox был знаком благодаря копиям, изготовленным бельгийским эрудитом Александром Вильтхаймом³²⁸, Жаком Дубле³²⁹ (в этом издании, впрочем, были приведены не факсимиле грамот, а только их тексты), а также Якоба Масена³³⁰.

³²⁸ Благодаря Папebroху можно узнать, что эрудиты срисовывали грамоты, кладя поверх них стекло «membranae initium ac finem, qualiter ea ex autographo, non tam descripsit quam depinxit accuratissimus quem supra laudavi patriarum antiquitatum scrutator Alexander Wilthemius». Papbrochius D. Propylaeum antiquarium, circa veri ac falsi discrimen in vetustis monumentis. Acta sanctorum aprilis, tomus II. Apud Michaellem Sobarum: Antverpiae, 1675. P. 8). Подобные копии были востребованы. Так, Мабильон, стараясь показать различные виды письма (например, руническое и античное), использовал рукописные копии Пьера Амона (Hamon, P.: Recueil d'alphabets et d'exemples d'écritures. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9062102r> (дата последнего обращения: 17.05.2018) и привёл многие из них в факсимиле «Приложения».

³²⁹ Doublet J. Histoire de l'abbaye de S. Denys en France, contenant les antiquitez d'icelle, les Fondations, Prerogatives et Privileges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des Roys, Reyes, Enfants de France, et autres signalez Personnages qui s'y treuvent iusques à present. Le tout recueilly de plusieurs histoires, Bulles des Papes, et Chartes des Roys, Princes, et autres documens Autentiques. Paris: Chez Nicolas Buon, 1625.

³³⁰ Brouwer C., Masen J., Kilian Ph. Antiquitates et Annales Trevirenses, duobus Tomis comprehensi; Quorum Ille Proparasceven, cum Libris XXII Annalium scripsit: Hic, praeter Additamenta Proparasceves & Historiae, III reliquos Annalium libros cum luculentis Indicibus, adjecit; Opus variis Antiquitatum monumentis aeri & ligno incisus adornatum. Bd. 1, Leodii:

Другая проблема, с которой столкнулся Папebroх, состояла в том, что в незначительной доступной ему выборке большинство грамот оказались подделкой³³¹ либо с интерполяциями³³². Этим объясняются его фундаментальные ошибки: грамоту Дагоберта он принял за подлинник, а опираясь на неё формулировал черты меровингских грамот. С другой стороны, то, что большинство грамот, с которыми имел дело Папebroх, оказались подделкой, объясняет его скептицизм в отношении меровингских грамот.

Папebroх цитировал эрудита Мэршэма³³³:

Novius, Vol. I -1679, Vol.II-1671.

³³¹ Грамота Карла Великого монастырю св. Максима, датированная 26 августа 808 года [D. K. d. Gr.276]. Подделка XI века Muehlbacher E. Die Urkunden der Karolinger Die Urkunden Pippins, Karlmanns und Karls der Grossen Hannover, Hannsche Buchhandlung. 1906, S. 411.

Дарственная грамота Лотаря I Фулькраду [D Lo I 84 Monumenta Germaniae historica

Diplomatum Karolinarum, Lotharii I et Lotharii II diplomata, tomus III. Apud Weidmannos: Berolini et Turici, 1966, S.206]. Аахен, 17 февраля 844

Грамота Лотаря II аббатству св. Максима [D. Lo II 39], датированная 15 апреля 868 Подделка предположительно XI века. Monumenta Germaniae historica Diplomatum Karolinarum, Lotharii I et Lotharii II diplomata, tomus III. Apud Weidmannos: Berolini et Turici, 1966, S. 451-2.

Грамота Оттона I монастырю св. Максима [D. O. I 966] (verfasst und geschrieben von LG?) . Датирована 7 января 966 года. [Die Urkunden der deutschen Koenige und Kaiser. Herausgegeben von der aeltere deutsche Geschichtsurkunde I Band Die Urkunden Konrad I, Heinrich I und Otto I Hansche Buchhandlung: Hannover, 1879-1884, 428-429]

Грамота Генриха III монастырю св. Максима в Трире, датированная 1044 [D.H. III 391] Pertz G.H. Monumenta Germaniae historica Diplomatum imperii Tomus I Impensis bibliopolii aulici Hahniani 1872 S.541. Подделка, выполненная около 1116.

³³² Дарственная грамота Лотаря I Фулькраду, датированная 17 февраля 844 года [D Lo I 84 Monumenta Germaniae historica Diplomatum Karolinarum, Lotharii I et Lotharii II diplomata, tomus III. Apud Weidmannos: Berolini et Turici, 1966, S.206].

³³³ О том, что Трире от Дагоберта II не осталось ни одного подлинного документа, писал ещё Якоб Масен: Savilla J.M. Antiquarismus. S. 650.

...In toto Francorum regno nullam omnino chartam sinceram ac genuinam reperiens ante Regnum primi Dagoberti; paucissimas item sub illo atque post illum, usque ad secundae stirpis Reges scriptas haberi, quae vel autographae dici possent, vel ex autographo fideliter desumptae... Cautè intuendae sunt istiusmodi chartae, quae fidem habent eo minorem, quo majorem praeferunt antiquitatem. Rudis olim et iners gens nostra (de Anglo-Saxonibus et de communiori usu loquitur – D.P.) absque scripto donationes conferre solebant³³⁴.

«Во всей Франции не найдётся действительного и подлинного документа до времени правления Дагобера Первого; очень редки грамоты в эпоху его царствования и после, вплоть до второй династии которые можно считать оригиналами, либо же скопированными с оригинала. Следует быть осторожным со старинными грамотами, которые тем меньше заслуживают доверия, чем больше их древность. Наш народ, будучи необразованным и пассивным (речь идёт об англосаксах и о распространённых обычаях – Д. П.) имел обыкновение совершать дарение без письменных свидетельств».

Мабильон опровергает это положение Папebroха в третьей главе первой книги «Дипломатики». Опираясь на те же источники, на которые ссылается Папebroх (Беда и Григорий Турский), Мабильон делает вывод, о том, что с помощью грамот закрепляли дарение и в VII веке и раньше³³⁵. Также Мабильон ссылается на римское право и на рипуарскую правду, согласно которым грамоты обязательно должны были закреплять дарение³³⁶. Мабильон указывает на логическую ошибку Папebroха, говоря о том, что, если даже допустить, что от эпохи меровингов не дошло подлинных грамот, то из этого не следует, что

³³⁴ Papbrochius D. Propylaeum antiquarium P. 1.

³³⁵ Mabillon J. De re diplomatica. P.10.

³³⁶ Ibid. P. 10-11.

грамоты в их эпоху не использовались. Также Мабильон, располагая архивом аббатства Сен-Дени, приводит примеры подлинных, по его мнению, грамот³³⁷

Папebroх, хотя и объявляет большинство грамот эпохи меровингов в неподлинности, проявляет большую осторожность в определении подделки. В предисловии читаем:

Similia hic quoque videor posse ac deberi praefari, ac foundationibus, donationibus, privilegiis variis acturus; de quibus, cum scripta instrumenta vel ab initio nulla fuerint, vel abolita autographa sint, hodie dum monstrantur chartae, vel prorsus fictiae vel a rescribentibus audaciter interpolatae. Scilicet antiquae ac justae possessioni nihil derogatum iri putamus per ejusmodi chartarum rejectionem, non alio finem institutam, quam ne temporum vetustissimorum historia, satis per se obscura, per ipsas inextricabiliter confundatur³³⁸.

«То же самое нужно прежде всего сказать о грамотах об основании, дарении и привилегиях. О тех, которых изначально не существовало в письменном виде, оригиналы которых были утрачены либо в них были внесены интерполяции из-за переписывания или обмана. Мы не считаем нужным оспаривать владение, говоря о неподлинности таких грамот, которые создавались с той целью, чтобы древняя история, слишком тёмная сама по себе, не стала совсем запутанной».

Extant Donationis tabulae, in membrana de more scripta et a me lecta <...>, a criticis multifariam reprehensae, ob peccata historica atque chronologica: sed, si de jure agitur, prorsus validae atque legitimae. Neque enim autographae sunt ipsius

³³⁷Ibid.

³³⁸ Папebroхiус D. Propylaeum antiquarium P. 1.

*Pipini: sed autographis perditis aut corruptis (nam quid non perdunt atque corrumpunt injuriae temporum innumerabiles?) substitutae*³³⁹

«Я видел грамоты о дарении, написанные по всем правилам, которые упрекают в неточностях исторических и хронологических. Но, если говорить о законности, то они скорее действительны и легитимны. Однако это не подлинники Пипина, но замена оригиналов, которые были утрачены или испорчены (а что щадят и не искажают многочисленные злоключения истории?)».

Из приведённых выше цитат становится очевидно, что Папebroх ничуть не стремился ставить под сомнения юридическую силу меровингских грамот, при том, что считал большинство этих дошедших до него грамот не вполне подлинниками.

Тем не менее, Мабильон решительно выступает против подозрений большинства меровингских грамот в неподлинности, опровергая «клевету, которая может иметь дурные последствия»³⁴⁰.

Представления о чертах меровингских грамот Папebroх выводит из подлинной, по его мнению, грамоты Дагоберта аббатству св. Максима в Трире. Мабильон, опровергая Папebroха, ставит под сомнение и подлинность грамоты аббатству св. Максима (впрочем, не говоря с уверенностью о её поддельности, но отмечая, что такую спорную грамоту вряд ли стоит брать за образец)³⁴¹.

4.6 Повод к написанию «Propylaeum» и метод Папebroха

³³⁹Ibid. P. 16.

³⁴⁰«Male impacta calumnia». Mabillon J. De re diplomatica P.222.

³⁴¹Ibid. P. 223.

В 1655 году Готфрид Хеншен публикует свою реконструкцию генеалогии франкских королей³⁴².

Позже Хеншен помещает свой очерк о Дагобертах в предисловии к третьему мартовскому тому, над которым работали также Жан Болланд и Даниэль Папebroх³⁴³. Житие франкского короля св. Гунтрамна, праздник которого приходится на 28 марта и чье житие было помещено в этот том³⁴⁴, послужило поводом к тому, чтобы поместить в предисловие реконструкцию генеалогии меровингов.

По современным представлениям, Дагоберт II правил в Австразии недолгий промежуток времени (676-679) и не оставил наследников. Хеншен считал, что он в 670 году вернулся из изгнания, правил с 670 по 680, и умер в 687 году; а также что он был отцом Теодориха IV и Хлотаря IV и Сигберта IV³⁴⁵.

Открытие Хеншена, которое он сделал ещё в первом томе февральского издания *Acta Sanctorum* состоит в том, что франкских королей с именем Дагоберт было не двое, как было принято считать до него, а трое.

Генеалогические разыскания Хеншена были продолжены Папebroхом.

Внимание Папebroха привлекли две грамоты, подписанные именем Дагоберта. Одна из них – грамота из Эрана, содержала упоминание св.Ирмины. Согласно этой грамоте, св. Ирмину следовало считать дочерью Дагоберта I. А

³⁴²Henschenius G. De tribus Dagobertis Francorum regibus diatriba, in qua horum Regum successorum genus, tempus, acta indicantur: Dagoberto II, S. Sigiberti filio, regnum Austrasiorum vindicatur, et chronologia ex Conciliis et Episcoporum gestis illustratur Iacobi Meursii: Antverpiae, 1655.

³⁴³ Exegesis praeliminaris de genealogico stemmate Regum Francorum primae stirpis per tres Dagobertos deducendo // Bollandus J.. Henschenius G.. Papebrochius D. Acta sanctorum Martii, tomus III. Apud Jacobum Meursium. Antverpiae, 1668.

³⁴⁴ De sancto Gunthramo Rege Francorum Cabillone in Burgundia // Bollandus J.. Henschenius G.. Papebrochius D. Acta sanctorum Martii, tomus III. Apud Jacobum Meursium. Antverpiae, 1668. P. 718-731.

³⁴⁵ Savilla J.M. Antiquarismus. S. 644.

это противоречило выводам, к которым пришёл Хеншен. Папebroх, уверенный в выводах Хеншена, взялся доказать поддельность грамоты, которая могла бы опровергнуть результаты его реконструкции. Доказательству поддельности грамоты из Эрана посвящена первая часть «Propylaeum»³⁴⁶.

Доказательство поддельности грамоты из Эрана во многом строится на сопоставлении с грамотой из аббатства св. Максима, которую Папebroх считал подлинной.

В действительности эта грамота также является подделкой. Этой поддельной грамотой Дагоберт якобы закрепляет гарантированные Константином Великом доходы монастырю св. Максима в Трире. Наряду с некоторыми другими подделками, эта грамота ограждала монастырь от притязаний архиепископа, «доказывая», что монастырь исторически подчиняется непосредственно королю. В грамоте также отмечается, что число монахов не должно превышать сто человек, пока монастырь не увеличится.

Т. Кельцер датирует эту поддельную грамоту третьей четвертью XI века. Он также отмечает, что изготовитель грамоты имел некоторое представление о письме меровингских грамот и стилизовал некоторые буквы, например, характерную меровингскую «и», «похожую на червяка»³⁴⁷.

Грамота из Эрана в действительности также является подделкой, изготовленной в XII веке³⁴⁸.

В первой главе Папebroх доказывает, что Св. Ирмина д'Эран была дочерью Дагоберта II, а не Дагоберта I, как принято было считать ранее. Из этих

³⁴⁶ De veterum fundationum, donationum, privilegiorum instrumentis discernendis // Papebrochius D. Acta sanctorum aprilis. P. 2-32.

³⁴⁷ Kölzer Th. Monumenta Germaniae historica. Diplomata regum francorum e stirpe merovingica. Impensis Bibliopolii Hahniani, 2001. S. 122.

³⁴⁸ Kölzer Th. Monumenta Germaniae historica... S. 163.

соображений он выводит доказательства поддельности грамоты, основываясь на аргументах их области хронологии.

Папebroх не мог признать подлинность грамоты потому, что в ней св. Ирмина названа основательницей монастыря в Эране. Если верить датировке грамоты – 26 Августа 646 года, то, в соответствии с хронологией, получилось бы, что св. Ирмину следует считать дочерью Дагоберта I. Тогда Ирмине на момент основания монастыря в Эране было бы шестьдесят лет, что нелогично³⁴⁹.

Папebroх указывает на то, что датировка от начала правления Дагоберта не соответствует ни Дагоберту I, ни Дагоберту II. При этом дата в грамоте написана той же рукой, что и остальной текст. Если интерполяция исключена, то, учитывая несовпадение датировки с годами правления предполагаемого грамотой Дагоберта, настаивая на подлинности грамоты придётся допустить ошибку писца в датировке, а это совершенно невообразимо³⁵⁰.

Впрочем, доказательства из области хронологии Папebroх не считает достаточными. По Папebroху, даже если бы хронология была бы безупречной, то грамоту из Эрана всё равно следовало бы считать подделкой. Папebroх считал, что не памятник подкрепляется хронологией, но, напротив, достоверная хронология – памятником («Non enim chronologia monumenta, sed monumentis confirmanda est chronologia, ut solida sit»³⁵¹). Он, к примеру, утверждает, что монограмма в грамоте аббатства св. Максима точно такая, как в подлинных грамотах меровингов³⁵².

Рассмотрим подробно доказательство поддельности грамоты из Эрана у Папebroха.

³⁴⁹ Papbrochius D. Propylaeum antiquarium... P. 2.

³⁵⁰ Ibid. P. 3

³⁵¹ Ibid. P.5.

³⁵² Ibid. P.8.

Saeculi exploratores [...] statim ut solos conspexere absque signis litterarum ductus, Gothico modo formatos, uncialibusque in principio et fine characteribus insignitum, repente Dagobertinum esse pronuntiaverunt. Ego vero libens cedam omnia, nisi pluribus evicero rationibus, diploma istud non tantum esse autographum ullius omnino Dagoberti, sed nec ex autographo quidem si umquam extitit, transcriptum ficeliciter; ast pluribus post omnes Dagobertos seculis fuisse imperitissime consarcinatum³⁵³

Для тех, кто знаком с этим веком, вся грамота целиком, за исключением готических букв в начале и в конце, никак не может относиться к Дагоберту. Я же буду утверждать, если не найдётся убедительных доказательств обратного, что грамота эта не только не подлинник, но и не копия какого-либо подлинного документа. Более того, она была изготовлена гораздо позже времени всех Дагобертов.

Папebroх призывает читателя своими глазами оценить огромную разницу между монограммой и письмом грамоты из Эрана и грамоты аббатству Св.Максима:

Nunc ego attentum, non tam lectorem, quam spectatorem deposco, ut ipso oculorum arbitrio dignoscatur discrimen ingens, inter quam

А сейчас мне нужен внимательный не читатетель, а зритель, который увидел бы огромную разницу между якобы древностью

³⁵³Ibid. P.3. Этот пассаж также встречается Brower C., Masen J., Kilians P. *Antiquitates et Annales Trevirenses: Duobus tomi comprehensi. Quorum Ille Proparasceven, cum Libris XXII Annalium scripsit: Hic, praeter Additamenta Proparasceves & Historiae, III reliquos Annalium libros cum luculentis Indicibus, adjecit; Opus variis Antiquitatum monumentis aeri & ligno incisis adornatum. Leodii: Ex officinae Mathiae Hovii, 1670. Vol. 1. P.607.*

Horrense diploma mentitur aetatem, et quam ipsa litterarum ac Regii monogrammaticae forma indicant. Incipio a forma litterarum: ac primo exhibeo San maximianae membranae initium ac finem, qualiter ea ex autographo, non tam descripsit quam depinxit accuratissimus [...] Alexander Wilthemius³⁵⁴...

Admiratus enimvero etiam sum diploma, mille annis antiquius (sic enim credebat ipse, nec sciebat habere me, cur dissentirem, rationes) adeo illaesum integrumque perstitisse, litteris omnibus tam perfectis ac vividis. Sigillum tamen cereum, fugiens erat et obtritum, ideoque illud non potui repraesentare satis distincte: similis nihilo minus est effigies illi quam ruditer delineavi». Sed, o! Quam dissimilis a vero veri Dagoberti sigillo³⁵⁵!..

Prius enim agendum est de

грамоты из Эрана и той эпохой, на которую указывает форма букв и монограммы. Начнём с формы букв: прежде всего воспроизвожу начало и конец грамоты аббатства Св. Максима как их не столько переписал, сколько зарисовал [...] Александр Вильтхайм...

Я был восхищён грамотой, которой более тысячи лет (так думал он [Александр Вильтхайм], а у меня не будет аргументов против этого) как только увидел её, с такими совершенными и яркими буквами. Восковая печать, почти утраченная, была отображена только неявно и частично. Поэтому я не смог отобразить её достаточно отчётливо. Также довольно грубо я воспроизвёл изображение». Но при этом как сильно эта печать отличается от подлинной печати Дагоберта!..

Прежде всего обратимся к

³⁵⁴Papebrochius D. Propylaeum antiquarium... P.8.

³⁵⁵Ibid. P.8.

ipsis litteris, tum iis quibus proponitur sanctae et individuae trinitatis invocatio, et signum Dagoberti, ex parte repraesentatur; tum quibus haec verba exprimuntur, *Dagobertus divina praeordinante providentia Rex*, quibus etiam respondet reliquus praetensi istius diplomatis contextus. Postremae, ut non sunt toto genere diversae, ita sub eadem Teutonici characteris specie ab hodierni usus ductibus adeo parum recedunt, si solam litteram «r» excipias ut annorum quadringentorum aetatem aegre eis ausis conjectando tribuere. Priores ac ceteris longiores, et quadam affectatae antiquitatis barbarie implexa, speciem habent vetustatis majoris; precipue vero longissimae illae et unciales litterae, quae tres in principio, et plures in fine ad subsignationem fuerunt adhibitae. Sed has alieno tempore suppositas esse, ipse ille enormis excessus longitudinis probat, qui in San-maximiano nusquam notatur, et primum initium videtur habuisse a Carolo magno³⁵⁶.

форме букв в начальной формуле (*Sanctae et individuae trinitatis*) и к буквам в знаке Дагоберта, который частично приводится нами. Также [стоит сказать] о том, как написаны слова «Dagobertus divina praeordinante providentia Rex», которым соответствует последующий контекст грамоты. Это тевтонское письмо не слишком отличается от современного, если посмотреть хотя бы на букву «r», так что едва ли можно представить, что этой грамоте хотя бы четыреста лет. Первые и следующие [буквы] удлинённые и исполненные с некоторой варварской изощрённой старомодностью, имели в качестве образца более старинное письмо. Прежде всего большие унциальные буквы, три из которых в начале и несколько в конце в качестве подписи. Они предположительно относятся к другому времени, что подтверждается тем, что такие длинные буквы не встречаются в грамоте аббатства Св. Максима. Возможно, что [такие буквы] возникли при Карле Великом.

³⁵⁶Ibid. P.8.

Ago autem de forma litterarum, eo tractu usurpaturum qui olim Austrasiae nomine censebatur, potissimum Treviris et vicinis provinciis; quoniam enim quaestio est de de instrumento, quod Treviris scriptum fuisse praetenditur. Ut ego demonstrarem in publicis privatisque scripturis, Dagoberti I aevo, haud alias fere litteras usurpatas, quam quibus San-Maximianum diploma exaratum cernitur [quam genuinam in San-Maximiana inveniri, non in Horrensi], quaeque succedentium sibi saeculorum fluxu paulatim evaserint molliores planioresque³⁵⁷.

Et privatae quidem scripturae nullum certius exemplum optare debui, quam quod tot annis fuit in manibus nostris, quodque media sui parte pridem habetur viginti quinque aeneis insculptum laminis, Heronymiani martyrologii vetustissimum ecgraphum. Hoc enim quin vere scriptum sit Epternaci, per S. Willibrordum fundato et tribus ab civitate Trevirensi leucis dedito

Теперь я буду говорить о форме букв, которая встречается в грамотах в Австрии, вероятно, в Трире и близлежащих областях; главным образом нас интересует грамота, которая якобы написана в Трире. Как я показал на примере официальных и частных посланий императора, Дагоберт I использовал только тот тип письма, который мы видим в грамоте аббатству Св. Максима. С течением времени буквы становились всё более мягкими и гладкими.

Для частного письма я бы не искал лучшего примера, чем тот, который был в моём распоряжении по середине которого е были вшиты 25 листков, выгравированных на меди, – список мартиролога Св. Иеронима. Если обратиться к предисловию Жана Болланда к январскому тому (глава 4, § 4), то не возникнет сомнений в том, что эти страницы написаны в

³⁵⁷Ibid.P.9.

monasterio, dubitare non possumus, quando animus advertimus ad verba in Praefatione Generali ante Januarium cap.4 § 4 a Bollando transcripta [...]. Quo autem tempore? Id tuis ipse oculis aestima lector, et vide num ex mollioribus aliquanto tractibus litterarum «c», «d», «e», «s», «u», possis judicare, quod plus quam centum annis a primi Dagoberti aevo deflectat codicis hujus scriptura³⁵⁸.

Itaque exhibeo tibi, post specimina ex San-Maximiano et Horrensi diplomatibus accepta, aliudque XI seculi, in specimen characteris circa Treviros privatim seculo VIII usurpati, ex jam dicto Martyrologii Willebrodiani ecgrapho, Epistolas praevias Chromatii et Heliodori Episcoporum ad Hieronymum Presbyterum, et Hieronymi ad illos – quarum et veritatem ex sententia Cassiodori contra censuram Baronianam egregie vindicavit...

His addo ex ipsius San-Maximiani monasterii, ad civitatis Trevirensis muros fiti membranis

Эхтернахе, в монастыре, основанном Виллибрордом на расстоянии трёх лье от Трира. В какое время? Ты сам, читатель, можешь понять, видя смягчённое начертание букв «с», «d», «e», «s», «u» (см. выше о том, что со временем мягкие буквы выходят из употребления п..37), что это письмо можно датировать временем на сто лет позже Дагоберта.

Итак, после грамоты из Эрана и аббатству Св. Максима обратим внимание на другой образец, относящийся к XI веку, выполненный тем же типом письма, что и частные послания VIII веке как в копии из того же мартиролога Виллиброрда, написанного недалеко от Трира, а именно послания епископов Хроматия и Гелиодора к Иерониму и Иеронима к ним, чья подлинность подтверждается и цитатой из Кассиодора, которая противоречит суждению Цезаре Баронио...

Можно также вспомнить о старых листах, которые, как кажется,

³⁵⁸Ibid.P.9.

vetustis, partem cujusdam, ut conjicimus, Dyptichi [et diptychon San-Maximianense scriptum saeculo X], X saeculo verosimiliter ibidem descripti, quando scilicet adhuc vivebant [...] Hujus autem Diptychi et Martyrologii illius characteres inter se comparans, sicut facile judicabit hoc isto esse annis ducentis antiquius ita utrumque conferens cum ea littera qua scriptus est contextus Horrensis diplomatis, haud difficulter persuadeberis, Horrensem scriptorem, quo- ad litteras minusculas imitatum esse scripturam quamdam inter utrumque mediae³⁵⁹.

Unciales litteras in principio primus Carolus M. usurpavit. Hinc nata est igitur secunda, et totam autographorum latitudinem adaequens tabula, quae exhibet primo Caroli Magni Privilegium, pro monasterio S. Maximini datum Patresbronnae, fisco regio, leucis quidem quadraginta aut pluribus Treviris dissito, sed tamen ad idem Austrasiae regnum adiecto ipsius Caroli armis per

были частями диптиха, написанного там же в X веке [...] Если сравнить эти два образца с грамотой из Эрана, то можно убедиться, что подделыватель этого последнего образца имитировал маюскульные буквы грамоту из Эрана, но в целом ориентировался на какую-то грамоту, созданную в период между ними

Унциальные буквы в начале грамоты первым стал использовать Карл Великий. Здесь была сделана копия привилегии Карла Великого, которая по размеру совпадает с оригиналом. Речь идёт о привилегии монастырю Святого Максима в Падеборне, во владениях короля, удалённых от Трира примерно на

³⁵⁹Ibid. P.9.

Saxonum subactionem: in quo Privilegio videre est unciales litteras, quae nullae in vero Dagobertionis sunt, initio ac fine usurpatae, quod deinceps in usu successorum permansit. Reliquarum litterarum forma, quam parum a Dagobertinis characteribus discrepat, tam certo nostro nostram assertionem confirmat, de simili scripturae specie, iam inde ab initio Austrasiensis regni usque Carolus et deinceps, in scripturis publicis usurpata, sub modica leniorum paulatim ductum declinatione. Idem probat haud multum absimile Lotharii Regis, eius a quo Lotharingiae factum est nomen...

Porro diplomata ista Ottonis et Henrici eatenus solum delibavimus, quatenus satis est, ut a primo Dagobertino usque ad ultimum Henrici quarti, gradatim molliores considerans characteres, omnino convincatur, verum esse quod principio demonstrandum assumpsimus, eum qui Horrensem chartam scribere

сорок лье, но также присоединённым Карлом к Австразии после победы над саксами. В этой привилегии мы видим унциальные буквы, которые не встречаются в настоящих грамотах Дагоберта в начале и в конце (а за ним эти черты перенимали другие правители). Форма остальных букв мало отличается от тех, что встречаются в подлинных грамотах Дагоберта подтверждает нашу мысль о похожих типах письма, ведь со времени появления Австразии до Карла и после него в официальных документах употреблялось похожее письмо с заметным наклоном. Это подтверждается и [грамотами] Лотаря, в честь которого была названа область Лотарингия...

Рассмотрим грамоты Оттона и Генриха, чтобы доказать, что, принимая во внимание более мягкое начертание букв, согласно тем правилам, которые мы сформулировали выше, тот, кто подделывал грамоту из Эрана, взял за

praesumpsit, non habuisse prae oculis scripturam aliquam Dagobertinam, sed longe recentiore aliam, aetatis scilicet Henricianae³⁶⁰

Nam, ut ne loquar de molitie litterarum quibus exprimitur «Dagobertus divina praeordinante providentia Rex»; crispatis illi characteres, quibus ex parte «Signum Dagob.» etc exprimuntur, initium habuerunt (ut vides) primum in Otthone, sub quo nonnullae litterae uno crispantur flexu; quo flexus in Henricianis maiusculis geminus, nec in illis tantum, sed etiam in maiuscularum apicibus invenitur. Denique (si genuinum est Traiectense diploma) undosa illa illa litterarum forma sic placere coepit sub Henrico IV³⁶¹

образец не грамоту какого-либо из Дагобертов, но гораздо более позднюю грамоту эпохи Генриха

Не говоря уже о мягкости тех букв, которыми написано «Dagobertus divina praeordinante providentia Rex», те буквы, которыми написано «Signum Dagob.», начинают использоваться при Оттоне, во время которого несколько букв закругляли в один изгиб. Такой изгиб сдвоенных маюскульных (но не только маюскульных) букв встречается при Генрихе IV...

Приведённые цитаты дают представление о подходе Папebroxa. Прежде всего стоит ещё раз отметить, что Папebrox опирается на очень ограниченную выборку памятников, хотя и апеллирует к неопределённому количеству других

³⁶⁰Ibid.P.12.

³⁶¹Ibid.P.16.

грамот, с которыми знаком он и, возможно, его читатель. Заключение о подлинности или поддельности грамот Папebroх, возможно, во многом из-за ограниченности доступного ему материала, делает на основании содержания и хронологии. Апелляция к физическим характеристикам грамоты поэтому скорее имеет подчинённое значение, она нужна только для того, чтобы убедить читателя в правильности сделанных Папebroхом заключений. Описание письма у Папebroха не отличается терминологической строгостью. Из того, что терминология Папebroха и терминология Мабильона не совпадают (например, Папebroх использует как синонимы термины *litteris majusculis* и *litteris unciales*, у Мабильона *litteris majusculis*), видно, что у Мабильона термины для описания письма появляются впервые. У Папebroха нет разграничения книжного письма и письма документов, которое появится в «Дипломатике». Иногда Папebroх использует довольно обывательские критерии, например, говоря, что старинная грамота должна выглядеть достаточно изношенной.

При неразработанности терминологии, ограниченности материала и отсутствии связных представлений о развитии письма, Папebroх, как и Конринг в своём труде о грамоте из Линдау, пытался мысленно реконструировать характер письма образца, на который ориентировался изготовитель подделки. Впрочем, стоит отметить, что Папebroх имел представление об историческом развитии письма, хотя и трактовал его довольно общо, говоря о буквах, которые с течением времени становятся «более мягкими».

4.7 Полемика с Папebroхом в «Дипломатике» Мабильона

Полемике с Папebroхом посвящены многие главы «Дипломатики»³⁶². Прежде чем опровергнуть те или иные утверждения Папebroха, Мабильон, опираясь на анализ памятников, выводит общие закономерности в характерных

³⁶²Mabillon J. De re diplomatca. P. 10-15, 22-24, 33-34, 183-184, 218-220, 222-223.

чертах группы грамот, чтобы в конце концов опровергнуть положения Папebroха как не соответствующие этим закономерностям.

Недовольство Мабильона вызвало утверждение Папebroха о том, что именно монахи изготавливали подделки в Средневековье³⁶³. В том, что Мабильон с большим рвением принялся оспаривать это утверждение, проявилась ангажированность бенедиктинца.

По Папebroху, подделки активно изготавливались в XI веке, зачастую для того, чтобы укрепить влияние церкви. Папebroх связывает распространение подделок с общим «упадком нравов» и, споря с Александром Вильтхаймом, говорит о том, что изготавливать подделки могли сами монахи³⁶⁴. Мабильон в споре с этими выводами Папebroха прибегает к разным риторическим ухищрениям. Во-первых, Мабильон доказывает, что подделки возникали и до XI века. В качестве доказательства, он ссылается на наказания для фальсификаторов, зафиксированные и до XI века (например, согласно Рипуарской правде, тем, кто подделывал грамоту, следовало отрубать большой палец, а в девятом веке при Короле Лотаре I – руку)³⁶⁵. В качестве примера поддельной грамоты, изготовленной до XI века, Мабильон приводит Константинов дар, который рассматривает в своём труде Чезаре Баронио³⁶⁶.

Мабильон выделяет разные причины, по которым грамота может выглядеть как сомнительная. В подлинных грамотах встречаются интерполяции (например, могла вноситься дата, которая облегчала поиск документа в

³⁶³ Мабильон в «Дипломатике» дважды обращается к вопросу о том, кто подделывал грамоты, полемизируя то с Конрингом, то с Папebroхом. Mabillon J. De re diplomatica. P. 11.

³⁶⁴ Papebrochius D. Propylaeum antiquarium. P.16

³⁶⁵ Mabillon J. De re diplomatica libri vi... editio secunda ab ipso auctore recognita, emendata et aucta, Lutetia-Parisiorum, sumtibus Caroli Robustel, via Jacobea, adsigne arboris Palmae, 1709, P. 22.

³⁶⁶ Baronius C. Annales ecclesiastici, 12 vol. Romae, 1588-1607.

архиве)³⁶⁷ Заслуживает внимания вопрос о том, что именно следует считать подделкой. Мабильон предостерегает о том, что записывать в подделки сомнительные грамоты (*dubia incertisve*)³⁶⁸. Мабильон также указал на распространённую практику изготовления копии грамот для хранения в архивах, причём копии могли отличаться от оригинала³⁶⁹.

Мабильон также спорит с утверждением Папebroха о том, что большинство грамот стоит считать поддельными потому, что якобы долгое время сама практика закреплять дарения или дарование привилегий с помощью грамот не была распространена³⁷⁰. Мабильон доказывает, что, вопреки, трактовке Папebroха, и из Беды, и из Григория Турского не следует, что с помощью грамот не закрепляли дарение до VII века³⁷¹. При этом Мабильон указывал на то, что дарение «*sine scripto*» и «*nudo verbo*» использовались по XIII век включительно³⁷².

В «Дипломатике» Мабильон выстраивает классификацию типов грамот в зависимости от их применения (церковные, королевские, частные). Внутри каждого из типов Мабильон различает ещё несколько подвидов³⁷³.

Письмо у Мабильона также делится на три основных типа также в зависимости от функции: книжное (*scriptura litteratoria*), письмо документов (*scriptura diplomatica seu forensis*) и обычное письмо (*scriptura usualis*). Внутри книжного письма выделяется несколько так называемых «национальных типов»: римское письмо (*scriptura romana*), готическое письмо (*scriptura gothica*), саксонское письмо (*scriptura saxonica*) и лангобардское письмо (*scriptura*

³⁶⁷ Mabillon J. De re diplomatica. P.19-22.

³⁶⁸Ibid. P. 222

³⁶⁹Ibid. P.3-9; также о сборниках грамот P. 222-225.

³⁷⁰Ibid. P. 10-15, P.222.

³⁷¹Ibid. P.11.

³⁷²Ibid.19-22.

³⁷³Ibid. P.3-9.

langobardica)³⁷⁴. Поскольку книжные, или, как они будут названы позднее учениками Мабильона, «национальные» типы (*écritures nationales*) последовательно сменяют друг друга, то в этой части классификации можно видеть стремление представить идею об исторической изменчивости письма в виде оформленной теории³⁷⁵.

Отдельно Мабильон останавливается на материалах письма³⁷⁶. Он доказывает, что пергамент использовался гораздо дольше, чем утверждал Папebroх. Папebroх объявил одну из грамот Сен-Дени поддельной на том основании, что она написана на бересте (*cortex*). Согласно Папebroху, папирус (*cortex*) использовался только в античности. Мабильон показывает, что это утверждение неверно: следует различать папирус (*charta aegyptica*) и бересту (*cortex*), которая активно использовалась в Средневековье³⁷⁷.

Как мы помним, Папebroх принял грамоту аббатству Св. Максима за несомненно подлинной образец. С ней Папebroх предлагал сравнивать другие грамоты, чтобы определить их подлинность, то есть черты именно этой грамоты соответствовали тому, что Папebroх понимал под подлинником времени меровингов. Поэтому признание этой образцовой для Папebroха грамоты поддельной ставило под сомнение не только конкретные выводы Папebroха о формальных чертах меровингских грамот, но и утверждение Мэршэма о неподлинности большинства меровингских грамот, повторённое Папebroхом. Мабильон, опираясь на те черты меровингских памятников, которые он выводил

³⁷⁴Ibid. P. 45-53.

³⁷⁵Идея об изменчивости письма коррелирует у Мабильона с идеей о том, что сам язык подвержен изменениям. Мабильон предлагает датировать документы, опираясь в том числе и на орфографию, подчёркивая, что характер ошибок в латыни зависит в том числе и от эпохи (см. Глава 2 п. 3).

³⁷⁶Mabillon J. De re diplomatica. P. 42-45.

³⁷⁷Papbrochius D. Propylaeum. P. 31-39. О папирусе см.: Lewis N. Papyrus in classical antiquity. Oxford: University Press, 1974; Борухович В.Г. В мире античных свитков. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976.

на протяжении всего трактата, последовательно доказывает, что грамота аббатству Св. Максима если и не является полностью поддельной, то имеет слишком много черт, не характерных для памятников своей эпохи.

Так, Мабильон отмечает, что ему не встретился ни один подлинный документ такого рода, в начальной формуле которого значилось бы «*In nomine Patris et filii et spiritus sancti*», но все они начинались примерно так: «*Chlodoveus rex francorum, vir inluster*». В письмах меровинги оставляли только «*rex francorum*» и опускали «*vir inluster*»³⁷⁸.

Папebroх писал, что ни Дагоберт, ни Сигберт, ни Хлодвиг не писали о себе в единственном числе³⁷⁹. Мабильон приводит примеры подлинных грамот Хлодвига, Хильдеберта I Хильдеберта II и делает вывод, противоположный выводу Папebroха: для грамот эпохи меровингов характерна речь от первого лица, что служит ещё одним доводом в пользу того, что грамота Дагоберта аббатству св.Максима поддельна.

Мабильон рассматривает предложенные Папebroхом правила различения документов, которые можно вывести из анализа грамоты диплома Дагоберта II, в первой главе третьей книги. Он перечисляет те черты грамоты, которые не позволяют ему считать её подлинной.

1. подозрительная инвокация (*invocatio*) «*In nomine Patris et Filii, et Spiritus -sancti* при первой династии королей (*primae stirpe*) никогда не использовалось, а грамоты Дагоберта I начинались прямо с его имени.
2. Инскрипция (*inscriptio*). «*Qualiter ego Dagobertus Rex potentissimus*». Типично было начинать так: «*Dagobertus Rex Francorum, vir inluster etc.*». Вообще начинать с *ego* было нетипичным для грамот, а в первом лице единственном числе о себе не писали, о чём говорится в шестой главе второй книги.

³⁷⁸Mabillon J. De re diplomatica. P. 68-80.

³⁷⁹Papbrochius D. Propylaeum. P.3.

3. лексика и реалии *convenienti consilio Episcoporum meorum; Comitumque legatos de mea parte ad Abbatem Memilianum direxi*. В то эпоху сочетание *episcoporum meorum* и *de mea parte* вообще были не известны.
4. Стиль. *Mandans ei ut diligenter inquireret, mihiq; per seipsum indicaret, quibus auctoribus illud monasterium sancti Maximi constructum, vel cuius imperio a pristinis temporibus esset subiectum* и далее напоминают стиль не документа, а историческому сочинению.
5. формула «*cum consilio et rogatum meorum Principum*» не использовалась до X-XI века, а в этот период начинает встречаться сочетание «*Principes nostros*» для обозначения императоров. К тому же времени относятся слова «*Excepto si Imperatorum, principumve per saecula succentium benevolentia praediis augmentur vel thesauris*».
6. Во времена Дагоберта не была известна эта формула «*Et ut istius chartulae confirmatio firma in aevum permaneat, describi eum praesepi et nostro sigillo eam inde confirmavi*». Эта формула не характерна для меровингов. *Nostro sigillo* не встречается у Дагоберта I и появляется только после X века. При меровингах, однако, встречалось сочетание (*siquidem Merovingici has voces adhibebant*) «*manus nostrae subscriptionibus*». *Carolingi, anulo nostro, vel anuli nostri impressione ex superiore capite decimo*.
7. Сочетание «*actum pridie Nonas Aprilis, anno regni nostri XI feliciter (?)*» встречается в меровингских документах. Но имя Дагоберта предшествует дате, а в меровингских и каролингских грамотах имя и печать стоят всегда перед датой, как уже было указано в главе X и XXVI
8. Не указано место. В каролингских и меровингских документах это большая редкость, если вообще бывает.
9. Использование монограммы. Монограммы использовали только неграмотные короли, а Дагоберт прекрасно писал (это ясно из примера XVI из V книги)

10. Подпись канцелярии так же нетипично *Heriveus Cancellarius ad vicem Ricolfi Archipellani recognovi*. *Archipellani* для названия канцелярии не использовалась до X века у некоторых германских императоров (об этом было в XI главе).

Мабильон приходит к выводу, что эта грамота поддельна (*spuria*), или, по крайней мере, слишком необычна, чтобы служить эталоном меровингской грамоты.

4.8 Краткие выводы

В XVII веке методы критического анализа текста активно развивались в рамках работы монашеских орденов по изданию житий. Во-первых, с развитием книгопечатания количество подобной литературы увеличивалось. Во-вторых, католичество стремилось казаться более привлекательным для развитого городского населения и выдержать конкуренцию с протестантством. В этих условиях нельзя было ограничиваться воспроизведением несуразных подробностей, которыми изобиловали средневековые жития. Необходимо было придать печатаемым житийным текстам хоть какую-то историческую правдоподобность. То есть издание житий потребовало исторических разысканий. Болландисты, как и мавристы, не могли больше ограничиваться только житийными текстами, но вынуждены были прибегать и к анализу других памятников, таких как средневековые грамоты. При этом никаких системных методов работы со средневековыми памятниками, несмотря на заслуги гуманистов, практически не существовало. Этим методам суждено было появиться в «Дипломатике» Жана Мабильона.

Мабильон в целом рассматривает те же проблемы, которые поднимал Папebroх. Однако Мабильона они интересуют сами по себе, а Папebroх стремится разрешить их главным образом для того, чтобы обосновать принятую в предыдущих томах издания болландистов генеалогию меровингов. Папebroх стремился обосновать поддельность грамоты из Эрана, которая ставила под вопрос выведенную болландистами генеалогию.

Папebroх вслед за эрудитом Мэршамом считал, что большинство дошедших до него средневековых грамот были подделаны либо претерпели интерполяции. При этом всячески подчёркивал, что не ставит под сомнения юридиче-

скую силу грамот, которые не являются оригиналами. Поэтому спор между Мабильоном и Папebroхом нужно трактовать прежде всего как научный, а не как юридический. Это был именно спор о методе, о том, как следует исследовать средневековые грамоты.

Папebroх по большей части опирался на теоретические рассуждения других эрудитов, которые работали со средневековыми грамотами (Мэршам, Вильтхайм), на исторические свидетельства. Сами грамоты были знакомы ему в основном по копиям, не всегда верно отображающим грамоту. Даже в тех случаях, когда Папebroх анализирует саму грамоту, он вынужден скорее опираться на её текст, на соответствие между фактами, изложенными в грамоте и его представлениями об истории и хронологии. В целом такой подход был оправдан и использовался не только Папebroхом. Дело в том, что до Мабильона не было системных представлений о том, какими должны быть физические характеристики грамот той или иной эпохи, поэтому чаще о подлинности грамоты судили исходя из её содержания.

Итак, Папebroх взял за образец грамоту аббатству св. Максима в Трире потому, что она, в отличие от грамоты из Эрана, соответствовала принятой им генеалогии меровингских королей (впрочем, Папebroх ссылается и на мнение эрудита Александра Вильтхайма, знакомого с большим количеством меровингских грамот и считавшего эту грамоту подлинной). Опираясь на одну подлинную, по его мнению, грамоту, Папebroх составил мнение о том, как именно должны выглядеть меровингские грамоты.

Учёный-болландист часто опирается на интуитивные и даже несколько наивные критерии. Например, он мотивирует поддельность грамоты тем, что её материал не выглядит достаточно повреждённым и старым или тем, что некоторые буквы выглядят почти как современные.

Папebroх считает, что изготовитель подделки обязательно ориентировался на какой-либо образец и часто старается показать, что образец фальсификатора был гораздо более поздним, чем датировка грамоты. Если

Мабильон доказывал неподлинность грамоты через несоответствие её определённому кругу подобных ей, то Папebroх – через схожесть сомнительной грамоты с более поздними образцами. Таким образом, Папebroх старался мысленно реконструировать не только письмо эпохи, которую стремился симитировать изготовитель подделки, но и письмо более позднее, письмо той грамоты, которую изготовитель подделки взял в качестве образца.

Кроме того, у Папebroха, в отличие от Мабильона, нигде не выражено понимание того, что черты документа зависят не только от времени и места его создания, но и от конкретной канцелярии.

В то же время, в тексте Папebroха можно найти вполне ясно сформулированное представление о том, что письмо меняется на протяжении времени. Своё мнение о подлинности грамоты аббатству св. Максима Папebroх подкрепляет рассуждениями о том, что с течением времени письмо становилось более «мягким и плавным» и в этой грамоте оно, по Папebroху, именно такое, каким должно было быть при Дагоберте I.

Из описаний письма у Папebroха видно, что до Мабильона не существовало ещё терминов для описания письма. У нас нет оснований считать, что до Мабильона за ставшими впоследствии традиционными обозначениями письма были закреплены строгие терминологические значения. Так, Папebroх называет «готическим» письмо грамоты, а у Мабильона готическое письмо является разновидностью книжного письма.

У Папebroха уже встречается разграничение письма на частное письмо и письмо документов. Впрочем, стоит сказать, что это разграничение он не соблюдает последовательно, поскольку маргиналию он датирует, опираясь на письмо одной из грамот.

Мабильон стремился выявить характерные черты грамот, опираясь на группу памятников. У Папebroха же черты памятников формулируются на основе одной грамоты Дагоберта II, которую он считает подлинной в основном из-за хронологии (прочие обоснования её подлинности скорее интуитивны).

Однако, некоторые выводы, к которым пришёл Папebroх, подтверждаются современной палеографией³⁸⁰.

Как и Папebroх, Мабильон использовал исторические свидетельства о тех или иных практиках. Ссылаясь на те же источники, на которые опирался Папebroх, (Беда Достопочтенный, Григорий Турский), Мабильон делает вывод, противоположный выводу Папebroха, а именно утверждает, что дарение закреплялось грамотами в VII веке и раньше. Он также приводит некоторые примеры подлинных, по его мнению, грамот из аббатства Сен-Дени. В отличие от Папebroха, Мабильон располагал архивом меровингских грамот, а потому мог опираться на конкретные памятники, а не только на исторические свидетельства о юридических практиках. Новаторство Мабильона состоит в том числе и в том, что он стремился принимать во внимание различные исторические источники.

Мабильон впервые создаёт именно классификацию письма, в которой за каждым названием закреплено строгое терминологическое значение.

Мабильон развил то положение о различии типов письма в зависимости от функций, которое встречается уже у Папebroха. В отличие от двух типов у Папebroха, Мабильон выделял три основных: обычное, письмо документов и книжное письмо. Последнее включало в себя ещё пять типов, названных впоследствии «национальными типами» (*écritures nationales*). В отличие от Папebroха, Мабильон проводил различие типов письма последовательно, то есть именно в «Дипломатике» определения типа «готическое письмо» или «письмо документов» обрели строгое терминологическое значение.

У Мабильона типы письма могут сменять друг друга как, например, готическое письмо заменяет у него римское. Эта концепция Мабильона далека от современного представления, согласно которому средневековые типы – разные этапы эволюции латинского письма. Однако, пусть и в зачаточном виде,

³⁸⁰Dorna M. Von der Hagiographie zur Diplomatie... S. 184.

последовательная смена одного типа письма другим у Мабильона – первая в истории науки попытка дать систематическое описание последовательным изменениям письма в диахронии.

Главный принцип Мабильона – судить о памятнике, опираясь не только на характер письма («non ex scriptura sola»). Мабильон старался учитывать и лингвистические данные памятника. Вслед за Г. Конрингом, Мабильон считал орфографию важным источником знаний о памятнике. В том, как Мабильон трактовал орфографию памятника, также отразился его взгляд на язык как на изменчивую систему: он подчёркивал, что характер «неправильностей» зависит от места и времени создания памятника.

Глава 5. «Национальные типы письма» и идеология галликанизма

В современной науке принято рассматривать средневековое письмо как продолжение римского. У Мабильона в «Дипломатике» типы письма рассматриваются как исторически изменчивые, однако его взгляд на происхождение средневекового письма отличается от современного.

Мабильон различает письмо книжное и письмо документов (*scriptura litteratoria, scriptura diplomatica*)³⁸¹. О книжном письме он лишь едва упоминает, но затем возвращается к нему в пятой книге³⁸². Книжное письмо, по Мабильону, делится на «*scriptura romana*» и четыре вида национального письма.

Главным образом Мабильон интересуют четыре выделяемых им как основные типы: старое римское (*romana vetus*), готическое (*gothica*), лангобардское (*langobardica*), англосаксонское (*anglosaxonica*)³⁸³. Однако Мабильон отмечает, что это деление неполное, так как нет возможности перечислить все виды письма. Мабильон считал, что существовали ещё и менее древние типы письма: римское канцелярское, или торговое, флорентийское, письмо папских булл, неаполитанское и т.д.³⁸⁴.

Мабильон считал, что римское письмо просуществовало у римлян и италиков до V века, пока не было заменено готическим. В VI веке, по Мабильону, стало широко использоваться лангобардское письмо после того, как

³⁸¹ Mabillon J. De re diplomatica... P. 39-41.

³⁸² Mabillon J. De re diplomatica P. 345.

³⁸³ Mabillon J. De re diplomatica Pp.45-53.

³⁸⁴ «Varios earum modos effingi curavit superiori saeculo Johannes Baptista Palatinus Romanus, nempe Cancellarescam Romanam, itemeque mercatoriam Romanam, Florentinam, aliasque,

лангобарды распространились по территории Италии³⁸⁵. Вестготы, как считал Мабильон, использовали готическое письмо, англосаксы – саксонское. До прихода франков, по Мабильону, своё письмо было у галлов. Франки, по Мабильону, принесли на территорию Галлии старое римское и франкогалльское письмо³⁸⁶.

Из этого беглого пересказа видно, что для Мабильона различные типы письма связаны с этносами. Поэтому термин «национальные типы письма» никак не противоречит тому, что мы видим в «Дипломатике». Это понятие очень важно, если мы, во-первых, хотим разобраться в том, какое влияние Мабильон оказал на последующее развитие науки о письме, а во-вторых, для понимания теории самого Мабильона.

Понятие «национальные типы письма» встречается у учеников Мабильона Тастена и Туссена, продолживших его дело «Новым трактатом о дипломатике»³⁸⁷. Тастен и Туссен старались ответить на критику трудов учителя (прежде всего, со стороны Маффеи и Монфокона) и доказать правильность его классификации³⁸⁸.

Итак, у Мабильона развитие письма представлено как последовательная смена «национальных типов». Эту теорию Мабильона опроверг Шиппионе

scripturarum bullarum apostolicarum, litteram Neapolitanam, rognosam (quam vocat) incisam, Notarescam, Franciscam, Hispanicam, Longobardicam, Flamandicam, Teutonicam seu Tudiscam, aliasque fere arbitrarias». Mabillon J. De re Diplomatica P. 45.

³⁸⁵ Mabillon J. De re diplomatica. P.46.

³⁸⁶ Mabillon J. De re diplomatica. P.46.

³⁸⁷ Tassin, R.-P., Toustain, Ch.-F. Nouveau traité de diplomatique, où l'on examine les Fondemens e cet art: on établit des règles sur le discernement des titres et l'on expose historiquement les caractères des bulles pontificales et des diplômes donnés en chaque siècle, par deux religieux bénédictins de la Congrégation de Saint-Maur. 6 vol. Paris: Chez Guillaume Desprez, 1750-1765.

³⁸⁸ «prouver surtout l'existence et la vérité des anciennes écritures minuscules et cursives romaines, gallicanes, mérovingiennes, lombardiques, saxonnes, wisigothiques, carolines et capétiennes».

Маффеи³⁸⁹. Согласно принятой точке зрения, Маффеи смог это сделать потому, что к нему в руки попал промежуточный тип письма, демонстрировавший переход от античного к средневековому³⁹⁰. Однако, как подчёркивает сам Маффеи, его концепция эволюции письма связана с его восприятием национального прошлого (или, как писала О.А. Добиаш-Рождественская, причиной были «страстный итальянский патриотизм, итальянская гордость»³⁹¹).

Здесь представляется интересным рассмотреть несколько вопросов. Первое: как Мабильон видит отношение «римского» письма к другим «национальным типам»? Второе: является ли концепция «национальных типов письма» изобретением Мабильона, или же мы можем найти похожие идеи у его предшественников? Третье: не связана ли каким-либо образом концепция «национальных типов письма» с представлениями Мабильона о национальном прошлом и с его видением истории?

Чтобы лучше понять, как именно «национальные типы письма» соотносятся у Мабильона с римским письмом, следует обратиться к трактовке античного письма в «Дипломатике».

5.1 Описание римского письма в «Дипломатике» Жана Мабильона

Дихотомия минускульного и маюскульного письма встречается во многих современных работах по палеографии. Это противопоставление было проведено довольно последовательно в «Дипломатике»³⁹². Однако трактовка Мабильоном

Tassin, R.-P., Toustain, Ch.-F. Nouveau traité de diplomatique III tome Paris: Chez Guillaume Desprez, 1757. P.3.

³⁸⁹ Maffei Istoria diplomatica Mantua 1727. P.113.

³⁹⁰ Добиаш-Рождественская, О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936. С. 108.

³⁹¹ Там же.

маюскульного письма не вполне совпадает с той, которая представлена в более современной науке.

Теоретические воззрения Мабильона о письме, его классификации и этапах развития изложены в XI главе первой книги «Дипломатики». В пятой главе в хронологическом порядке приводятся факсимильные изображения различных типов письма, описанных в XI главе. Однако однозначно отождествить изображение письма с одним из типов, выделенных в XI главе, бывает нелегко: иногда приводится только информация о датировке памятника и о его местонахождении или о том, откуда автор скопировал его³⁹³.

В XI главе первой книги «Дипломатики» читаем о разделении письма на минускульный и маюскульный типы³⁹⁴. Хотя термин «*litterae maiusculae*» использовался до Мабильона, сам он предпочитает другое название — унциал (*scriptura uncialis*). В качестве источника он указывает свидетельство Св. Иеронима о крупных буквах роскошных манускриптов³⁹⁵.

³⁹² Противопоставление маюскула и унциала встречается уже у итальянских гуманистов, например, у Валериано (Rand E.K. A new approach to the text of Pliny's letters // Harvard Studies in Classical Philology. 1923 Vol.34. P. 85).

³⁹³ Как, например, в тех случаях, когда Мабильон заимствует образцы письма из рукописи Пьера Амона (Mabillon J. De re diplomatica. P.344)

³⁹⁴ Маффеи напрасно упрекает Мабильона в том, что тот отрицал существование минускульного письма у римлян (Nouveau traité vol.II, P. 255.) В действительности Мабильон выделял римский минускул в теории, но не располагал его образцами, что выразилось в противоречии между теоретической частью (т.е. XI главой I книги) и примерами в пятой книге и изданном позже Приложении. См. далее в этой статье.

³⁹⁵ «Habeant qui volunt veteres libros, vel in membranis purpureis auro argentoque descriptos, vel uncialibus (ut vulgo aiunt) litteris onera magis exarata quam codices: dummodo mihi meisque permittant pauperes habere schedulas et non tam pulchros codices, quam emendatos» (Mabillon J. De re diplomatica. P. 47). А. К. Гаврилов показывает, что использованное Иеронимом термин «*litterae unciales*» стал использоваться сначала по отношению к библейскому маюскулу III-нач. IV века, а затем для обозначения разных видов маюскульного письма (Gavrilov A. «Litterae unciales» before and after Jerome. An essay in the semantic history of the term.

На первый взгляд может показаться, что понятие «унциал» соответствует у Мабильона принятому в более поздней литературе термину «маюскульное письмо»³⁹⁶. Однако это не совсем так. Термин «*litterae unciales*» и современный термин «маюскульное письмо» не совпадают: Мабильон трактует название «*litterae unciales*» буквально («*uncialis*» – от «*uncia*»³⁹⁷). Автор «Дипломатики», закрепил за названием Св. Иеронима более конкретное значение, которого изначально оно не имело. Трактую название «*litterae unciales*» как термин, Мабильон стал строить классификацию, основанную на величине букв. Здесь проявляется преобладающий в «Дипломатике» дедуктивный подход: термин конструирует определённую картину, а уже исходя из неё исследователь классифицирует примеры письма. Поэтому Мабильон отвергает другие названия римского письма — «*litterae maiuscules*», «*cubitales*», «*quadratae*»³⁹⁸.

Hyperboreus Vol.9 (2003). СС.371-389.

³⁹⁶Ср. трактовку этого же места из Св.Иеронима: «Выражение «унциальное письмо» несомненно обозначает крупный минускул» (Cherubini P., Pratesi A. *Paleografia latina. L'avventura grafica del mondo occidentale*. Citta del Vaticano: Scuola di Paleografia, Diplomatica e Archivistica, 2010. P. 87). В современном значении термин «унциал» означает «капитальное письмо, у которого выносные элементы сгибаются, а углы закругляются» (Prou M. *Manuel de paléographie latine et française*. Paris: 1892 Alphonse Picard. P. 20). Самые ранние дошедшие до нас памятники унциального письма датируют IV в. н. э. Развитие унциала некоторые учёные связывали с римской каллиграфией (Антонец Е.В. Введение в римскую палеографию. С. 235-279). В литературе по палеографии встречались разные видения того, какие черты букв следует считать характерными для унциала. Так, вслед за де Вайи (N. de Wailly) Морис Пру выделял буквы A, D, E, G, H, M, Q, T, U (Prou Ibid. P. 19-20). Ж. Маллон считал, что унциал вообще не стоит выделять как отдельный тип письма, поскольку нельзя говорить о каких-то только ему свойственных формах букв (Mallon J. *Paléographie romaine*. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija de Filologia, 1952. P. 95). Признанной точкой зрения на происхождение унциала является трактовка Бернгарда Бишоффа, согласно которой унциал произошёл от сочетания римского курсива и форм капитального письма.

³⁹⁷«...quoniam uncia, id est pedis duodecima parte, constabant». Mabillon J. *De re diplomatica*. P. 47.

См также: Mallon J. *Paléographie romaine*. P. 95.

³⁹⁸Mabillon J. *De re diplomatica*. P. 47.

Наряду с этим унциальным письмом существовало, согласно автору «Дипломатики», минускульное письмо, отличавшееся от него только величиной букв, но не их формой³⁹⁹. Эти два типа использовались, по Мабильону, до V века, когда его стало вытеснять второй тип — более мелкое римское письмо. Существование римского минускульного письма Мабильон доказывает, ссылаясь на упоминания о таком письме у греков⁴⁰⁰. Использовался, по Мабильону, и третий тип — несходное с унциалом минускульное письмо, использовавшееся как письмо документов (*scriptura forensis*).

В пятой книге «Дипломатики» изложена дополнительная классификация: говорится о письме документов, книжном письме и «обычном» письме, наименее обработанном из всех⁴⁰¹. В предисловии Мабильон отмечает, что типы письма можно разделить на письмо документов («*scriptura forensis*», «*diplomatica*»), книжное письмо («*scriptura litteratoria*») и обычное письмо («*scriptura usualis*»). Примеры типов письма в пятой книге соответствуют этой классификации: сначала в хронологическом порядке рассматриваются примеры книжного, а затем — письма документов.

³⁹⁹ Ibid.

⁴⁰⁰ Ibid. P. 48. См. подобное рассуждение в труде учеников Мабильона: «существование минускула у римлян можно доказать на примере греков» (Tassin R.-P., Toustain, Ch.-F. *Nouveau traité de diplomatique*. Vol.I. P. 260).

⁴⁰¹ Mabillon J. *De re diplomatica*. P. 343. Вообще «обычное письмо» — термин, который иногда встречается и в современных исследованиях, но и там в достаточной степени строго не определяется. Так, например, Ж.Маллон использует похожий термин *écriture commune* (*courante*). Где-то он предлагает использовать этот термин вместо термина «курсивное письмо», так как последний слишком связан с письмом документов (Mallon J. *Paléographie romaine*. P. 48). «Обычное письмо» I-III века у Маллона противопоставлено капитальному письму (Ibid. P. 50). Для четвертого века актуальным становится противопоставление *litterae communes* письму официальных документов (Mallon J. *Op. cit.* P. 116-117). На эту тему см. также Petrucci A. *Funzione della scrittura e terminologia paleografica*. *Paleografia diplomatica et archivistica*. Studi in onore di Giulio Batelli. De Luca G. Roma: Edizioni di storia e letteratura. 1979. P. 13-19.

В качестве примеров римского письма первого века Мабильон приводит три памятника, изображения которых он берёт из рукописного труда Пьера Амона, служившего секретарём при дворе Карла IX и собравшего в своём рукописном труде⁴⁰² примеры разнообразных типов письма и алфавитов. Комментарии к этим примерам представляют собой перевод на латинский соответствующих комментариев Пьера Амона и указание этого рукописного текста в качестве источника. Вообще, пятая книга представляет собой похожий на рукопись Пьера Амона альбом, с той разницей, что труд Мабильона отличается большей систематичностью в расположении материала и более подробными комментариями. Примеры типов письма в приложении соответствуют этой классификации: сначала в хронологическом порядке рассматриваются примеры книжного, а затем примеры письма документов, расположенные также в хронологическом порядке. Несомненно, что теория Мабильона сказалась на датировке памятников, однако в большинстве случаев Мабильон не даёт никаких специальных комментариев о типе письма. Так, в данном случае трудно сказать, считает ли Мабильон приведённые отрывки унциальным письмом или минускулом. Возможно, что автор «Дипломатики» здесь воздержался от чётких наименований потому, что видел лишь копии памятников, тогда как для разграничения унциала и минускула для него принципиален был размер букв. В XI главе «Дипломатики» Мабильон упоминает о грамоте из Равенны, которую в первом издании отнёс к первому веку нашей эры⁴⁰³. Во втором издании Мабильон признал свою ошибку и изменил датировку на шестой век. В пятой книге грамоты из Равенны служит образцом письма первого века, что, видимо, связано было с техническими сложностями, однако в комментарии к примеру Мабильон вновь говорит о необходимости датировать памятник шестым веком. Что касается названия

⁴⁰² Hamon, P.: Recueil d'alphabets et d'exemples d'écritures. BNF: ark:/12148/btv1b9062102r

(дата последнего обращения: 17.05.2018).

⁴⁰³ Mabillon J. De re diplomatica. P. 47.

«Завещание Юлия Цезаря», то Мабильон просто скопировал его у Пьера Амона⁴⁰⁴.

А. Капитальное рустичное письмо (*Capitalis rustica*)

Как пример «унциала» Мабильон приводит те памятники, письмо которых современный палеограф описал бы как «капитальное рустичное письмо»⁴⁰⁵. Капитальное рустичное письмо оказало сильное влияние на рукописную традицию во Франции, где оно воспринималось как связанное с античной традицией. Возможно, потому, что при дворе Карла Великого хранились рукописи Вергилия, выполненные этим письмом⁴⁰⁶. В «Дипломатике» как памятник письма, которое в современной палеографии принято классифицировать как капитальное рустичное, приводится Медицейский Вергилий («*Vergilius Mediceus*»). Этот памятник был создан в V веке и является самым полным из существующих списков Вергилия (утрачена только значительная часть «Буколик»). Рукопись была написана в Риме, потом оказалась в монастыре Боббио, а оттуда попала во Флоренцию. Поэтому Мабильон называет памятник «Флорентийский Вергилий».

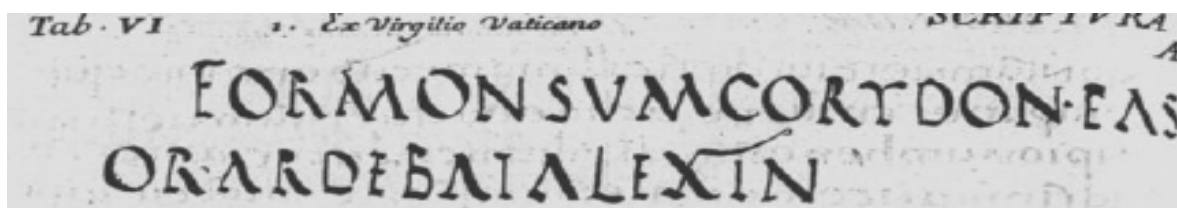
Другая рукопись Вергилия, которую рассматривает Мабильон — это «Ватиканский Вергилий». Этот роскошно иллюстрированный кодекс принято датировать IV веком. В Средние века рукопись находилась во Франции, а в XV веке — в Италии. Сегодня она хранится в Ватикане⁴⁰⁷.

⁴⁰⁴Mabillon J. De re diplomatica. P. 344-345.

⁴⁰⁵Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde, München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909. I Band. S. 161-171.

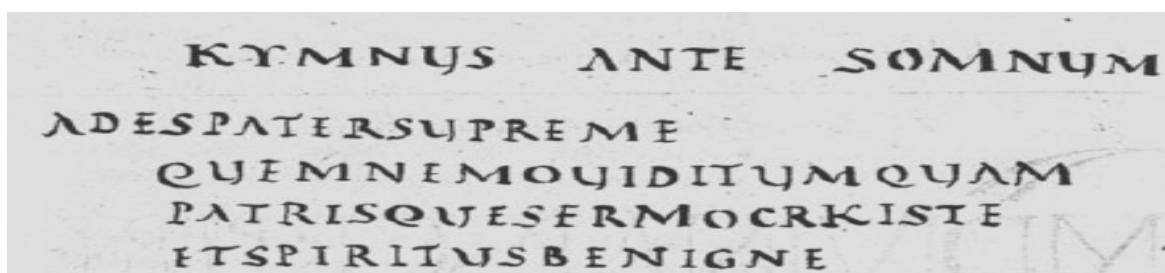
⁴⁰⁶Auterieth, J. Litterae Virgilianae. Vom Vortleben einer römischen Schrift». München, 1988. S. 6-8.

⁴⁰⁷Антонец Е.В. Введение в римскую палеографию. С. 154-161.

Mabillon J. De re diplomatica. P. 354

Третьим образцом капитального рустичного письма является отрывок из Пруденция. В качестве особенности этого памятника Мабильон выделяет необычную форму Н в слове *Hymnus* и в слове *Christus*, где Н написана после R. Вообще, капитальное рустичное письмо использовалось и в Средние века. В качестве примера можно привести Утрехтскую Псалтырь, которая датируется IX веком. С капитальным письмом вообще и, в частности, с капитальным рустичным письмом, связано было воспоминание об античной традиции. Этим отчасти можно объяснить использование капитального письма в рукописи Пруденция, в творчестве которого нередки отсылки к античной поэзии⁴⁰⁸.

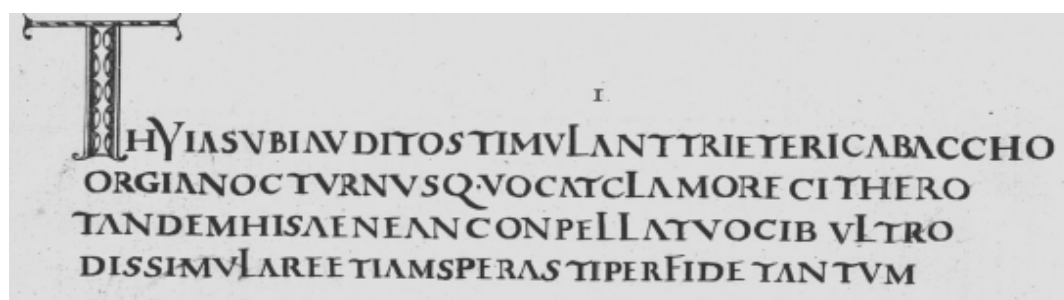

Mabillon J. De re diplomatica. P. 354.

Б. Капитальное квадратное письмо (*Capitalis quadrata*)

⁴⁰⁸Wace H. Piercy W. C. A dictionary of Christian Biography and Literature to the End of the Sixth Century A.D., with an Account of the Principal Sects and Heresies. London: Hendrickson Publishers, 1911. P. 867-869.

В «Дипломатике» встречается описание фрагментов Георгик и Буколик Вергилия («Vergilius Augusteus»). Это пергаменный кодекс, выполненный в VI в.⁴⁰⁹. До нашего времени от него сохранились только семь листов, четыре из которых хранятся в Ватиканской библиотеке, а три другие — в Государственной библиотеке в Берлине⁴¹⁰. Описание этого кодекса в шестой книге посмертного переиздания книги Мабильона сделано его учеником, Тьерри Руинаром⁴¹¹. Сам Тьерри Руинар писал, что Мабильон показал ему этот отрывок. Это стих из четвёртой песни «Энеиды». Руинар отметил изящество письма. Приведено начало страницы, поскольку присутствует заглавная буква, которая в других строках даже для выделения собственных имён не используется⁴¹². Руинар указал контекст вергилиевских строк, но практически не описал письмо, только назвал его «римским», или «разновидностью римского письма», но не высказал никаких предположений о дате создания памятника.

Mabillon J. De re diplomatica. P. 637.

Итак, суммируем то, что нам удалось выяснить о воззрениях Мабильона на римское письмо. В «Дипломатике» можно обнаружить членение типов

⁴⁰⁹О проблеме датировки кодекса см. Petrucci, A. Per la datazione del Virgilio Augusteo: osservazioni e proposte // Miscellanea in memoria di Giorgio Cencetti. Ed. Supino Martini P. Torino: Bottega d'Erasmus, 1973. P. 29-47.

⁴¹⁰Антонец Е.В. Введение в римскую палеографию. С. 113; Auterieth, J. Litterae Virgilianae. P. 8-10.

⁴¹¹Mabillon J. De re diplomatica. P. 635, 637.

⁴¹²Антонец Е.В. Введение в римскую палеографию. С. 113.

письма на маюскул и минускул. Однако термин «унциал» представленный у Мабильона, нельзя полностью отождествить с современным понятием «маюскульное письмо». Само появление термина не было вызвано попыткой осмыслить некоторый эмпирический материал. Напротив, Мабильон скорее дедуктивно выводил существование этого письма из свидетельства Св. Иеронима. Возможно, этим дедуктивным подходом объясняется тот факт, что Мабильон воспринял название «*litterae unciales*» слишком буквально и стал воспринимать название как реальное измерение письма (*uncia*). Проявившийся здесь дедуктивный подход имеет важное значение для метода Мабильона. Автор «Дипломатики» часто приписывал устойчивым названиям терминологическое значение, исходя из которого подбирал эмпирический материал. Противопоставление минускульного и маюкульного (унциального) письма основывается в «Дипломатике» на величине букв, их форма здесь оказывается второстепенной. Кроме того, унциал и похожий на него минускул просуществовали, по Мабильону, до V века. Так как в качестве примеров унциала Мабильон часто приводит памятники, написанные капитальным рустичным письмом, то можно сказать, что под унциалом в письме книг автор «Дипломатики» понимал именно это письмо. Что касается связи античного письма и средневековых типов, то у Мабильона римское письмо представлено как ещё один «национальный тип». Никакой связи между римским письмом, а, тем более, представления о том, что средневековое письмо произошло из античного, у Мабильона не обнаруживается. Отчасти это можно объяснить тем, что в качестве примеров римского письма Мабильону были доступны только памятники, написанные маюкульным письмом.

Представляется, что взгляд на унциал (т. е. маюскульное письмо) как на именно римский тип письма впервые был сформулирован именно Мабильоном, а затем развит его учениками в «Новом трактате о дипломатике». Во всяком случае, до «Дипломатики» встречается описание грамоты из Трира, в котором совмещаются определение «унциал» и «готическое письмо» («...signis literarum

ductus, Gothico modo formatos, uncialibusque in principio et fine characteribus insignitum») ⁴¹³.

5.2 Готическое письмо у Мабильона и гуманистов

В трактовке других типов письма у Мабильона наблюдается то же, что и в трактовке «унциала». А именно, Мабильон старается увидеть за традиционными названиями соответствие историческим фактам.

Похоже, рассуждение о готике как архитектурном стиле у Мабильона не встречается ⁴¹⁴

Мабильон считал, что римское письмо было изменено под влиянием готов.

Tum ex Gothorum alphabeto quaedam litterae, postquam Gothi in Italiam aliasque Romanae ditionis regiones effuti sunt, in Romanum commigrarunt vice aliarum. Haec litterae sunt "A", "E", "G", "H" et "U" quadratum : quibus adde

⁴¹³Brower C., Masen J., Kilians P. Antiquitates et Annales Trevirenses: Duobus tomi comprehensi. Quorum Ille Proparasceven, cum Libris XXII Annalium scripsit: Hic, praeter Additamenta Proparasceves & Historiae, III reliquos Annalium libros cum luculentis Indicibus, adjecit; Opus variis Antiquitatum monumentis aeri & ligno incisus adornatum. Leodii: Ex officinae Mathiae Novii, 1670. Vol. 1. P. 607. Этот пассаж встречается также у Папebroха (Papbrochius D. Propylaeum antiquarium... P. 3). Хотя Мабильон писал, что «унциальное» письмо использовалось и в средневековых рукописях для выделения или в качестве заглавных букв, представляется, что в его классикации термины «унциал» и «готическое письмо» не могут служить для описания письма одного и того же памятника, так как определения письма у Мабильона тесно связано с этносом.

⁴¹⁴Frankl P.T. The Gothic. Literary sources and interpretations through eight centuries. Princenton: Princenton Univercity Press, 1960. P. 337.

*”P” et ”Q”, quae in corrupto illo Romano caractere infra aliarum ordinem descendere solent*⁴¹⁵.

Так к нам пришли буквы из готического алфавита, когда готы распространились на подвластные Риму территории, и [эти буквы стали использоваться] вместо прежних. Это буквы ”А”, ”Е”, ”G”, ”Н” и ”U” квадратное. К тому же ”P” ”Q”, которые в этом испорченном римском письме писались ниже других.

По всей видимости, традиция называть готическим письмом курсив XIII-XV века берёт начало в XVIII столетии⁴¹⁶. Эразм Роттердамский употреблял слово «готический» применительно ко всякому письму, не похожему на античное⁴¹⁷. Определение “готический” использовалось и до Мабильона итальянскими гуманистами, но не всегда в том смысле, который придавал ему Мабильон. «Готическим» в эпоху Возрождения часто называли разные непривычные типы письма⁴¹⁸. В том же смысле иногда использовалось слово «лангобардский»⁴¹⁹.

Определение «готический» было достаточно размытым, пока Средневековье не стало восприниматься как отдельный от Возрождения период и пока не была создана классификация архитектурных стилей⁴²⁰.

⁴¹⁵Mabillon J. De re diplomatica. P. 47.

⁴¹⁶Wehmer C. Die Namen der «Gothischen» Buchschriften // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1932. № 49. S. 11-34, 169-176, 222-234.

⁴¹⁷Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. S.197.

Fueter E. Geschichte der neueren Historigraphie. München und Berlin Druck und Verlag von R.Oldenbourg, 1911. S.197.

⁴¹⁸ Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. S.196.

⁴¹⁹Добиащ-Рождественская О.А.История письма в средние века. С. 89.

⁴²⁰Согласно П.Франклу, Ренессанс впервые был выделен в отдельный период гуманистом Джаноццо Манетти (1396-1459). Frankl P.T. The Gothic. P. 255.

Если верить исследователю П. Франклу, то слово «готический» впервые встречается у Альберти в 1435, затем, в в 1440 – у Лоренцо Валлы⁴²¹. Оно также встречается и у Вазари⁴²².

Понятие «готический» отнюдь не всегда у гуманистов, вопреки замечанию И. Кирхнера, обозначало только что-то в роде «странный, непривычный»⁴²³. Мы можем найти свидетельство того, что уже у гуманистов определение «готический» было связано с готами.

Естественно, гуманисты чаще связывали распространение готов и их влияния с упадком античной культуры, деградацией латинского языка.

Лоренцо Валла связывал появление готического письма с порчей латыни и всеобщим после вторжения готов⁴²⁴.

Гуманист Флавио Бьондо противопоставлял лангобардов, разрушивших римский уклад, вестготам, которые бережно относились ко всему римскому. О лангобардах он писал так:

Nam Longobardi omnium qui Italiam invaserint externorum superbissimi, Romani imperii et Italia dignitate evertere, ac omnino delere conati, leges novas, quae alicubi in Italia extant condidere: mores ritum gentium et rerum vocabula immutavere: ut affirmare audeamus locutionis Romanae Latinis verbis, qua nedum Italia, sed Romano quoque imperio subiecti plerique populi utebantur, mutationem factam in vulgarem Italicam nunc appellatam, per Longobardorum tempora inchoasse. Idque incognitum nobis quando opus de locutione Romana ad Leonardum Aretinum dedimus: postea didicimus visis Longobardorum legibus, in quibus de mutatione facta multarum rerum vocabuli tituli tractatusque sunt positi. Quinetiam publicae

⁴²¹Frankl P.T. The Gothic. P.259.

⁴²²Ibid. P. 82.

⁴²³Kirchner J. Die gothischen Schriftarten in der Epoche der Handschrift. In: Crous E., Kirchner J. Die gotischen Schriftarten. Braunschweig: Klinkhardt u. Biermann, 1970. S.8.

⁴²⁴ «Argumento sunt codices Gothice scripti... quae gens si scripturam romanam depravare potuerit, quid de lingua praesertim relicta sobole putandum est?» Frankl P. T. The Gothic. P.243.

administrationis et privatim vivendi instituta accuratissime ab eisdem sunt mutata, et eo usque ipsius gentis processit insania, ut Romanorum caractere literarum penitus postposito, novas ipsi et sua ineptia gentis barbariem indicantes cifras, pro literis adinvenerint⁴²⁵.

«Когда лангобарды, самые заносчивые захватчики, вторглись в Италию, начали ниспровергли римское достоинство (dignitas) римское достоинство, обрекать исчезновению, начали создавать новые законы, некоторые из которых сохранились в Италии. Стали изменять порядки, нравы и названия вещей. Утвердилось римское произнесение в латинском языке, на котором говорили не только в Италии, но во всех племенах, завоёванных римлянами. Изменения в том языке, который мы сейчас называем народным итальянским, начались с лангобардов. Это всё было мне неизвестно, когда я писал для Леонардо Бруни о римском языке. Позже узнал об этом из законов лангобардов, в которых говорилось об изменении многих слов. Также и частная жизнь, и система управления были ими сильно изменены. Они были одурманены своим варварством до такой степени, что изменили очертание римских букв, и стали использовать цифры вместо букв».

Французский гуманист Жоффруа Тори писал:

«Les goths la [Rome] subvertissent et misent en cendre avec toutes bonnes sciences et lettres... tellement que toute la langue Latine fust perie et anichilee»⁴²⁶.

⁴²⁵Castner C. Flavio Biondo's „Italia illustrata“. Text, commentary and translation. Vol.1. Northern Italy. New York: Binghampton, 2005. Pp.166-168.

⁴²⁶Tory G. Champ fleury, au quel est contenu lart et science de la deue et vraye proportion des lettres attiques, quon dit autrement lettres antiques et vulgairement lettres romaines, proportionnees selon le corps et visage humain. Paris: Geofroy Tory, Giles Gourmont, 1529. III Livre. P.73.

«Готы низвергли Рим и обратили в прах науку и литературу... до такой степени, что латинский язык был погублен и изничтожен».

Также и у французского архитектора теоретика архитектуры Франсуа Блонделя (1618-1686) можно увидеть презрительное отношение к готам как к разрушителям римской культуры. Интересно, что у Николя Блонделя термин «готический» трактуется как самоназвание готов⁴²⁷.

Естественно, итальянские гуманисты чаще связывали распространение готов и их влияние с упадком античной культуры, деградацией латинского языка. Это отношение имело лишь редкие исключения⁴²⁸, и в целом было унаследовано классицизмом у эпохи Возрождения.

Итак, в «Дипломатике» мы можем увидеть трактовку понятия «готический» как «связанный с готами». Таким образом, Мабильон использовал и развил трактовку термина, встречавшуюся уже у гуманистов, но только ту, которая соответствовала его концепции «национальных типов письма». При этом у Мабильона отсутствует идея гуманистов о порче языка и письма варварами.

Следует теперь рассмотреть вопрос о том, как в концепции «национальных типов письма» отразилось общее видение истории у Мабильона и не связано ли это видение с распространённой во Франции эпохи Мабильона идеологией.

5.3. Наследие Мабильона в контексте идеологии галлицизма

Попытка рассмотреть наследие Мабильона предпринималась Е. А. Косминским в его лекциях по средневековой историографии⁴²⁹. Не будем останавливаться на анализе его положений, поскольку его можно найти в первой

⁴²⁷Frankl P.T. The Gothic. P.341.

⁴²⁸Ibid. P.238.

⁴²⁹Косминский Е.А. Историография средних веков. V- середина XIX века. Лекции. М.: Издательство Московского университета, 1963.

главе этого сочинения. Отметим только, что отражение политической и религиозной идеологии в трудах Мабильона до настоящего времени подробно не рассматривалось.

Несомненно, аббатство Сен-Дени, в котором монашествовал Мабильон, искони было особенно тесно с монархией⁴³⁰. Мавристы несомненно пользовались особым покровительством короля: Людовик XIV финансировал их научные путешествия, назначал пенсии. Интересам монархии труды эрудитов-мавристов как минимум не противоречили. К тому же, труды мавристов активно печатались, а значит, проходили цензуру.

Устройству цензуры во Франции XVII века посвящена статья Жана-Луи Кантэна⁴³¹. В качестве органов цензуры тогда выступали полиция, университет Парижа, парламент, король. Например, «Дипломатика» Мабильона прошла цензуру короля⁴³². Жан-Луи Кантэн отмечает усиление цензуры с первой четверти XVII века⁴³³. Вся печатаемая литература проходила цензуру, а также цензура могла запретить распространение уже напечатанных трудов.

Главным образом интерес органов цензуры вызывали темы, связанные со светской и религиозной властью, религией. В 1668 парламент Парижа запретил «печатать или заказывать печать книг, которые касаются прямо или косвенно прав короля, королевского правосудия, свобод галликанской церкви, связанных со схоластической или позитивной теологией, моралью или нравственностью, без одобрения короля или разрешения уполномоченных лиц и одобрения

⁴³⁰Levillain L. Etudes sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1906. T.87. P. 5-99.

⁴³¹Quantin J.-L. Les institutions de censure religieuse en France (XVIe-XVIIe siècle) // Hétérodoxies croisées. Catholicismes pluriels entre France et Italie XVIe XVIIe siècles. Publications de l'École française de Rome. Talon A., Fragnita G. 2015. P. 81-166.

⁴³²На титульном листе издания 1709 года можно прочесть «Cum privilegio regis et superiorum facultate».

⁴³³Quantin J.-L. Les institutions de censure religieuse en France. P. 94-95.

докторов теологии Франции (причём по меньшей мере один из них должен быть светским человеком с парижского факультета теологии)⁴³⁴.

Все печатаемые во Франции XVII века труды (труды Мабильона не исключение) должны были хотя бы не противоречить идеологии галликанизма.

Само слово «галликанизм» появляется в 19 веке⁴³⁵, но как политическая и религиозная идеология – на несколько столетий раньше. Коротко идеи галликанизма можно суммировать как обоснование независимости Франции от папского престола, как в политике, так и в религиозных делах.

Формально папа имел право смещать правителей, если их власть вступала в противоречие с христианством: если папа объявлял короля еретиком, то королевские подданные не должны были больше подчиняться своему правителю⁴³⁶. Таким образом, гипотетически папа мог вмешиваться во внутренние дела Франции, если светское (*le temporel*) вступало в противоречие с духовным (*le spirituel*).

Концепция Ватикана о власти папы над светскими монархами с течением времени становилась более радикальной. Появилось представление о том, что папа препоручает светскому монарху управление мирскими делами, но сам не утрачивает над ними власть⁴³⁷. Растущие притязания папского двора вступали в противоречие с теми процессами, которые происходили в самой Франции, а

⁴³⁴ «imprimer ou faire imprimer aucuns livres qui regardent directement ou indirectement les droicts du Roy, justice royalle, libertez de l'Eglise gallicane, et qui traitent de Theologie Scolastique, positive, Morale et des cas de conscience, sans Privilege du Roy, ou permission des officiers et approbation des docteurs de Theologie de France, entre lesquels soit du moins un seculier de la Faculté de Théologie de Paris» Ibid.P. 91.

⁴³⁵ Neveu B. Mabilion et l'historiographie gallicane vers 1700 // Erudition et religion aux XVII et XVIII siècles ed. Albin Michel. Paris, 1994. P.206. Taveneaux R. Le catholicisme dans la France classique (1610-1715). Paris: S.E.D.E.S., 1980, en 2 volumes. Vol.2. P. 486.

⁴³⁶ Blet P. Le clergé de France, Louis XIV et le Saint Siège de 1695 à 1715. Vaticano: Archivio Vaticano, 1989. P.340.

⁴³⁷ Droz J. Histoires des doctrines politiques en France. Paris: Presses Universitaires, 1969. P. 4-5.

именно с постепенным формированием национального государства, централизацией власти и постепенным переходом к светскому государству⁴³⁸.

Исследователь В. Мартэн считал, что неправильно определять галликанизм как стремление ограничить влияние папы на светские дела Франции, поскольку подобные настроения проявлялись всегда в той или иной степени и не являются, по его мнению, отличительной чертой галликанизма. Поэтому он был склонен определять галликанизм как союз церкви и короля⁴³⁹ и их стремление контролировать духовные и светские дела государства совместно⁴⁴⁰. Идеология галликанизма подразумевает, по В. Мартэну, что папа должен прислушивается к священному синоду, а король обладает неограниченной властью в государстве.

Важными центрами идеологии галликанизма были парламент, церковь и факультет теологии в Париже⁴⁴¹. Следует иметь в виду, что галликанизм по-разному трактовался, например, парламентом и церковью⁴⁴², а также менялся на протяжении времени. Например, различают галликанизм в теологии и галликанизм как политическую идеологию⁴⁴³. Галликанизм был настолько неоднородным явлением, что мог служить, например, в борьбе против иезуитов, которые занимали пропапскую позицию⁴⁴⁴.

Галликанизм в XVII веке, наверное, достиг наибольшего расцвета, но он не был изобретён в этом столетии.

⁴³⁸Ibid. P.7.

⁴³⁹Martin V. Les origines du gallicanisme. En 2 volumes. Genève: Mégariotis Reprints, 1978. Vol.1. P. 30.

⁴⁴⁰Ibid. P.31.

⁴⁴¹Blet P. Le clergé de France, Louis XIV et le Saint Siège de 1695 à 1715. P. 313.

⁴⁴²Martin V. Les origines du gallicanisme. Vol.1. P. 32.

⁴⁴³ Taveneaux R. Le catholicisme dans la France classique (1610-1715). Paris: S.E.D.E.S., 1980, en 2 volumes. Vol.2. P.486.

⁴⁴⁴ Sutto C. Tradition et innovation, traditionalisme et utopie: l' idée gallicane à la fin du XVIe et au début du XVIII siècles // Renaissance and reformation. 1984. №4. P. 288.

Существуют разные мнения относительно того, когда именно зародился галликанизм⁴⁴⁵. Некоторые относят его к концу XIII⁴⁴⁶, некоторые – к XIV веку⁴⁴⁷, связывая его возникновение с начавшимся в XIV веке противостоянием галликанской церкви с папой а некоторые – к XV⁴⁴⁸. Галликанизм сохранял влияние вплоть до Великой французской Революции⁴⁴⁹.

Понятие свобод (*libertés*) галликанской церкви было одним из важнейших для французского католичества. Изначально оно появилось как реакция на притязания баронов и сеньоров и должно было обосновать экономическую независимость церкви от них⁴⁵⁰. Позже понятие свобод галликанской церкви стало востребованным в борьбе против возраставших поборов папского престола. Эти «свободы», независимость от папства, стали восприниматься как нечто, изначально присущее галликанской церкви. В галликанизме, как и в протестантстве, присутствовала идея искажения первоначального смысла христианства. Однако галликанизм предлагал вернуться к первоначальной чистоте через обращение к национальному прошлому⁴⁵¹.

Закономерным образом Средневековье в этой идеологии воспринималось как золотой век независимости галликанской церкви от папства. Однако в действительности идеал галликанизма гораздо больше соответствовал

⁴⁴⁵Martin V. Les origines du gallicanisme. Vol.1. P. 29.

⁴⁴⁶Daubresse S. Le parlement de Paris et les actes romains au XVIe siècle: exemples de la pratique judiciaire // Hétérodoxies croisées. Catholicismes pluriels entre France et Italie XVIe XVIIe siècles. Publications de l'École française de Rome. Talon A., Fragnita G. 2015. P.30.

⁴⁴⁷Martin V. Les origines du gallicanisme. Vol.1. P.34.

⁴⁴⁸Taveneaux R. Le catholicisme dans la France classique. Vol.2. P. 486.

⁴⁴⁹De Franceschi S.H. Le spectre de Bossuet et des quatre articles de 1682. Reviscence d'une référence gallicane au temps de l'affrontement entre Pie VII et Napoléon I // La crise concordataire. Catholiques français et italiens entre Pie VII et Napoléon. Boudon J.-O., De Lacotte R.-H. Paris: Editions SPM, 2016. P. 171-195.

⁴⁵⁰Martin V. Les origines du gallicanisme. Vol.1. P. 33-34.

⁴⁵¹Sutto C. Tradition et innovation, traditionalisme et utopie. P.280.

не раннему Средневековью, но тем отношениям между французской системой власти и папским престолом, которые начали складываться в XIV веке⁴⁵².

В 1303 разгорелся спор между королём Франции Филиппом Красивым и папой Бонифацием VIII относительно нового налога на клириков⁴⁵³. В условиях, когда поборы папского престола неуклонно росли⁴⁵⁴, французская церковь не испытывала в отношении папы особого энтузиазма и искала защиту в усилении королевской власти. Уже в XIV в галликанизме начинает вырабатываться новая концепция королевской власти, согласно которой король получает свою власть напрямую от бога, а не через посредничество папы⁴⁵⁵.

Анонимный «Диалог между монахом и рыцарем»⁴⁵⁶ («Disputatio inter clericum et militem»), созданный между 1296 и 1302, уже достаточно ясно выражает галликанистские настроения: в нём доказывается тезис о том, что церковь должна подчиняться королю, а не наоборот⁴⁵⁷.

В конце XIV – начале XV века отношения между папским престолом и королём становились порой настолько напряжёнными, что доходило даже до схизмы, продлившейся шестнадцать лет, и дважды – до разрыва отношений с папским престолом⁴⁵⁸.

В XVI веке идеи, близкие галликанизму, были востребованы в трудах протестантов. Протестанты находились под влиянием аристотелевской концепции, согласно которой легитимность правителя определяется его

⁴⁵² Ibid. P. 290.

⁴⁵³ Droz J. *Histoires des doctrines politiques en France*. Paris: Presses Universitaires, 1969. P. 7.

⁴⁵⁴ Martin V. *Les origines du gallicanisme*. P. 168.

⁴⁵⁵ Droz J. *Histoires des doctrines politiques en France*. P. 7.

⁴⁵⁶ Жанр диалога между монахом и рыцарем был традиционным для средневековой литературы, см. об этом, например Faral E. *Les débats du clerc et du chevalier dans la littérature des XIIe et XIIIe siècles // Romania*. 1912. № 164. P. 473-517.

⁴⁵⁷ Droz J. *Histoires des doctrines politiques en France*. P.8.

⁴⁵⁸ Martin V. *Les origines du gallicanisme*. Vol.1. P. 243.

полезностью. Поэтому их галликанизм имел ясную антиабсолютистскую направленность⁴⁵⁹. Идеал власти протестантов был связан с республиканизмом, который они находили у древних германцев. Эти их устремления отразились, например, в трудах Франсуа Отмана⁴⁶⁰.

Против республиканизма протестантов выступал Жан Бодэн, который был одновременно и противником концепции власти, предложенной Маккиавелли. Жан Бодэн выработал свою концепцию умеренного абсолютизма, согласно которой король должен быть наделён всей полнотой власти, несколько смягчённой расширенными полномочиями парламента⁴⁶¹.

Исследователь П. Бле считал, что вопрос о власти папы становится особенно острым во время Генеральных штатов 1614 года и примерно к тому же времени галликанизм становится направлением политики⁴⁶².

Галликанист Эдмон Рише настаивал на том, что законодательная власть принадлежит в церкви епископату, а папа должен только интерпретировать и исполнять законы и не имеет власти над внутренней политикой государства⁴⁶³.

Бенедиктинские монахи братья Сен-Март, историографы короля, создают четырёхтомник «Gallia christiana» (1656), организованный по географическому принципу и снабжённый большим количеством критических примечаний. Братья Сен-Март писали, что галликанская церковь сохранила первоначальную чистоту («sola Gallia ab Apostolorum doctrina non recessit») по сравнению с

⁴⁵⁹ Droz J. Histoires des doctrines politiques en France. P23.

⁴⁶⁰ Hotman F. Francogallia. Ex officina Jacobi Stoerii, 1573.

⁴⁶¹ Manent P. Les théoriciens de la monarchie: Bodin et Montesquieu // Les monarchies. Sous la direction de Leroi Ladurie E. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. Pp.91-100.

⁴⁶² Blet P. Louis XIV et le Saint Siège à la lumière des deux publications récentes: le conflit de la régale. La fable de l'excommunication secrète. La réconciliation de 1693 // Archivum Historiae Pontificae, Vol.12 (1974). P.309.

⁴⁶³ Richer E. De ecclesiastica et politica potestate libellus. Parisii, 1611

Германией и Италией⁴⁶⁴. Для братьев Сен-Март раннехристианская эпоха являлась образцом ещё не замутнённой веры⁴⁶⁵.

Первые шесть веков новой эры вызывали интерес и прогалликански настроенных юристов, которые считали, что в то время у королей и генеральных штатов было больше власти, чем у папы. Раннехристианскую церковь галликанисты воспринимали как содружество не зависящих друг от друга церквей, а целью галликанской церкви считали возвращение к состоянию до Григорианской реформы⁴⁶⁶.

Некоторые галликанисты (например, Дюпи с его «Трактатом о свободах галликанской церкви») развивали идею о том, что привилегии галликанской церкви были присущи ей изначально и на протяжении истории не утрачивались⁴⁶⁷.

Во второй половине XVII галликанская церковь снова вступила в политический альянс с королём, чтобы ограничить влияние папского престола⁴⁶⁸. Конфликт разгорелся вокруг так называемого права регалии. Речь идёт о праве короля получать доходы вместо отсутствующего епископа (*régale temporelle*) либо о праве короля назначать епископов. С 1641 доходы стали отходить новому епископу, после чего регалия стала подразумевать только право короля назначать епископов. Указы 10 апреля 1673 года и 2 апреля 1675 года распространили это право короля, действовавшее раньше только в некоторых

⁴⁶⁴ Sainte-Marthe G. Sainte-Marthe L. Gallia christiana, qua series omnium archiepiscoporum, episcoporum et abbatum. Francia, vicinarumque ditionum. Ab origine ecclesiarum, ad nostra tempora. Per quatuor tomos deducitur. Lutetiae Parisiorum: Apud Edmundi Papingue, 1648. P.3.

⁴⁶⁵ Poncet O. La «Gallia christiana» 1656 des frères de Sainte-Marthe: une entreprise gallicane? // Revue de l'histoire des religions. 2009. №3. P. 375-397.

⁴⁶⁶ Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane vers 1700 // Erudition et religion aux XVII

et

XVIII siècles ed. Albin Michel. Paris, 1994. P. 208.

⁴⁶⁷ Martimort A.-G. Le gallicanisme de Bossuet. Paris: Les éditions du Cerf, 1953. P. 89.

⁴⁶⁸ Blet P. Le clergé de France, Louis XIV et le Saint Siècle de 1695 à 1715. P. 316.

областях, на всё государство. Эти указы не встречали сопротивления у папы Климента X, но пришедший ему на смену папа Иннокентий XI потребовал от короля отмены расширения права регалии. В ответ на это была собрана Генеральная ассамблея 1681-1682. 19 марта 1682 была опубликована «Декларация четырёх статей», закреплявшая право регалии и другие права галликанской церкви. Согласно «четырёх статьям», синод наделялся большей властью, чем папа. Папа, в свою очередь, обладал непогрешимостью только если пользуется одобрением церкви. Папа не мог вмешиваться во внутреннюю политику Франции без её одобрения.

Конфликты с папой во многом связаны с расширением прерогатив светской власти. Требования невмешательства папы во внутренние дела Франции при этом легитимировались исконной свободой галликанской церкви, новый порядок – возвратом к старине. Поэтому всё, связанное с раннехристианскими временами, виделось галликанистам своеобразным идеалом⁴⁶⁹. В Франции XVII века галликанисты видели наследницу империи франков⁴⁷⁰.

Поэтому событиям интерес вызывало у галликанистов то, что связано с национальным прошлым⁴⁷¹. Особую значимость получают понятия «родины», «нации»⁴⁷². Эта значимость обусловлена формированием национального государства.

Постараемся рассмотреть галликанизма как отражение общественного устройства, а также по возможности проследить его связь с идеологией абсолютизма в эпоху Людовика XIV.

⁴⁶⁹ Fumaroli M. *Sacerdoce et office civil: la monarchie selon Louis XIV*. P.108.

⁴⁷⁰ Косминский Е.А. *Историография средних веков*. С.140.

⁴⁷¹ Кстати, интерес к прошлому (а точнее, к генеалогии) испытывало и новое дворянство, представители которого часто были выходцами из буржуазии и старались отыскать в своей родословной родовитых предков. См. об этом Edelman N. *Attitudes of seventeenth-century France toward the Middle Ages*. New York: King's crown press, 1946. P. 46.

⁴⁷² Fueter E. *Geschichte der neueren Historiographie*. 139-144.

Ключевая для галликанизма идея о возвращении к старому неоднократно звучала у Кольбера по отношению к реформам в политике и экономике⁴⁷³. Всё новое в XVII веке легитимировали через соответствие исконному порядку. Важно понимать, что сама идея прогресса получила распространение только в следующем столетии⁴⁷⁴. Идея очищения католичества через возвращения к прошлому (раннесредневековой галликанской церкви) находит параллели в идеях об экономике и политике.

Галликанизм начинает формироваться в XIV веке, в эпоху кризиса феодализма, и полностью утрачивает актуальность после Великой французской революции⁴⁷⁵. То есть развитие галликанизма приходится на период развития капиталистических отношений, не вытеснивших ещё феодально-сословную структуру общества. Галликанизм в XVII веке был продолжением идеологии абсолютизма в области религиозной политики. Как и в идеология абсолютизма, в галликанизме отразилось стремление феодальных элит сохранить status quo в условиях развития капитализма.

Маркс и Энгельс понимали абсолютизм как относительную автономность власти засчёт балансирования на интересах противоборствующих между собой знати и буржуазии⁴⁷⁶. Утверждение о том, что это равновесие стало возможно именно в тот момент, когда буржуазия не успела ещё добиться для себя влияния, вызывает споры⁴⁷⁷ из-за того, что остаётся не до конца ясным, каким образом буржуазия обрела могущество и почему система власти

⁴⁷³ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991. С.93.

⁴⁷⁴ Барг М.А. «Эпохи и идеи. Становление историзма» М., Наука, 1987. С.333.

⁴⁷⁵ Beik W. Absolutism and society in seventeenth century France: State power and provincial aristocracy in Languedoc. Cambridge: Cambridge etc. University Press, 1985. P.22.

⁴⁷⁶ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Государственное издание политической

литературы. М., 1955. Т. 4. С. 183, 306-307; Т. 7. С.394; Т. 10, С.431-432; Т. 21, С.172.

⁴⁷⁷ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. С.4.

строилась на клиентеле. Б. Ф. Поршневу объяснял сложившееся положение дел удачным балансированием правящих классов засчёт постоянно вспыхивавших крестьянских восстаний⁴⁷⁸.

Представление о социальной структуре общества XVII века можно получить из монографии А.Д. Люблинской⁴⁷⁹. Хотя эта монография посвящена началу XVII века, она может дать нам представление и о социальной структуре интересующего нас периода, поскольку на протяжении столетия эта структура мало изменилась.

В XVII веке происходит постепенный переход от феодального строя к капитализму. Феодальное дворянство постепенно вытесняется новым дворянством, пополнявшимся засчёт буржуазии через покупку земель и чиновничьих должностей. Феодальное дворянство не сдаёт своё влияние без борьбы и периодически вступает в коалицию с феодальной аристократией. Самой влиятельной группой среди феодальной аристократии были принцы крови, т. е. представители боковых ветвей правящей династии⁴⁸⁰. Они получали доходы с земельных участков, владели прибыльными должностями и вовлекались в финансовые спекуляции. Гранды, или принцы крови, активно конкурировали за власть как между собой, так и с королём. Высокое происхождение принцев крови придавала легитимность их борьбе за власть во время гражданской войны 1614-1620, а затем и фронды. Также в процессе централизации государственной власти большое влияние получило чиновничье сословие, которое к середине XVII века превратилось в замкнутую корпорацию⁴⁸¹.

⁴⁷⁸Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). Л.: АН СССР, 1948.

⁴⁷⁹Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610 – 1620 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959.

⁴⁸⁰Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века. С. 45-46.

⁴⁸¹Там же. С.62.

В духовенстве социальное расслоение было велико. Прелатами становились представители феодальной знати и высокопоставленные чиновники, а сельские и городские священники происходили из бедных горожан и крестьян⁴⁸². Поэтому политическая программа разных групп духовенства не была одинаковой. В начале XVII века высшее духовенство ещё стремилось к большей власти, то Ришелье и Мазарини свели на нет эти притязания и сделали духовенство послушным централизованной власти орудием.

Члены парламента и вообще чиновничество приобретали всё возрастающее влияние. Бюрократический аппарат ускорял распад феодальных отношений⁴⁸³. В то же время члены бюрократического аппарата сами стремились получить дворянский статус, многие из них становились частью дворянства мантии⁴⁸⁴.

Борясь за расширение своих полномочий, члены парламента продвигали довольно радикальную версию галликанизма⁴⁸⁵.

Борьба буржуазии за влияние отразилась в религиозном противостоянии гугенотов и католической лиги, результатом которого стало появление Нантского эдикта. Возврат к эдикту и его отмена зависели от внешней политики⁴⁸⁶. В отсутствии угрозы войны (внешней или гражданской) эдикт неоднократно отменялся. Отмена или восстановление эдикта зависели также от альянсов с протестантскими странами. С 1655 года необходимость в поиске компромиссов с протестантами отпала, и их положение ухудшилось. С 1672 года Франция начала вести войну с Голландией, антипротестантская политика сделалась более жёсткой. В 1685 году, после окончания войны с Испанией,

⁴⁸² Там же. С. 75-76.

⁴⁸³ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. С.4.

⁴⁸⁴ Там же. С.11.

⁴⁸⁵ Sutto C. Tradition et innovation, traditionalisme et utopie... P. 284-286.

⁴⁸⁶ Bernard A. Revokation des Edikts von Nantes un die Protestanten in Südostfrankreich (Provence und Dauphiné 1680 – 1730). München: Oldenburg Verlag, 2003. P. 24-29.

когда Франция находилась на пике своей военной мощи, был выпущен Эдикт Фонтенбло, отнимавший права протестантов, которые гарантировал Нантский эдикт.

Преследование протестантов оправдывались необходимостью защищать «истинное» христианство и поддерживало репутацию Людовика XIV как христианского монарха. На фоне борьбы с протестантством произошёл даже подъём католического энтузиазма, названный «католическим Возрождением»⁴⁸⁷, которое, впрочем, заканчивается уже к 60-м годам XVII века. Спад интереса к католицизму вызвал недовольство властей⁴⁸⁸. Религия была важна среди прочего потому, что концепция власти короля имела религиозную составляющую: монархия считалась установленной самим богом, а король воспринимался как посредник между богом и его подданными⁴⁸⁹. Поэтому особенно востребованной становится идея о том, что король получает свою власть без посредничества папы напрямую от бога⁴⁹⁰.

Отношение Людовика XIV к духовенству при этом было двойственным. Людовик считал, что ереси (Реформация) возникают из-за невежества и других недостатков духовенства (что отчасти объясняет его покровительство просвещённым мавристам).

В то же время, Людовик XIV стремился сократить число монахов⁴⁹¹. Это стремление связано с влиянием Кольбера, который считал, что необходимо «постепенно уменьшать количество монахов как людей бесполезных» и

⁴⁸⁷ Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI-

1 пол. XIX в. М.: Наука, 1981. С.102.

⁴⁸⁸ Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. С.120.

⁴⁸⁹ Лысяков В.Б. Людовик XIV и церковь //Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV - начале XIX вв. С. 138.

⁴⁹⁰ Blet P. Le clergé de France, Louis XIV et le Saint Siège de 1695 à 1715. P. 336.

⁴⁹¹ Лысяков В.Б. Людовик XIV и церковь. С.139.

поддерживать таким образом профессии, связанные с развитием экономики (земледелие, армия, флот, торговля, хозяйство)⁴⁹².

С другой стороны, католическая религия служила идейным оправданием королевской власти. О роли религиозной концепции власти во внутренней политике можно судить уже хотя бы по официозной брошюре, выпущенной после подавления крестьянского восстания, фрагмент которой приводит Б.Ф. Поршневу: «Кто противится королю, противится богу, ибо это его помазанник, данный нам, чтобы быть нашим богом на земле»⁴⁹³.

Таким образом, несмотря на стремления уменьшить число «беспольных» монахов, абсолютистская монархия нуждалась в католической церкви. Идеология абсолютизма поддерживалась галликанскими идеями⁴⁹⁴, носителями которых являлось духовенство.

Жак-Бенинь Боссюэ (1627-1704), пожалуй, был в XVII столетии наиболее последовательным выразителем идей галликанизма. К тому же, нигде слияние проабсолютистской и галликанской идеологий не проявилось так ярко, как в его трудах. Боссюэ также был автором «Декларации четырёх статей, в 1682 утвердившей независимость галликанской церкви и королевской власти от папского престола.

Следует обратиться к трактату Боссюэ «Политика в соответствии с священным писанием («La politique tirée de l'écriture sainte»).

Боссюэ видит человеческое общество как изначально несовершенное, объясняя это несовершенство первородным грехом. Страсти не позволяют человеческому обществу быть совершенным⁴⁹⁵.

⁴⁹² Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. С. 93-94, 107.

⁴⁹³ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). С. 40.

⁴⁹⁴ Bernard A. Revokation... Pp.27-29; Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane... P. 183.

⁴⁹⁵ Bossuet J-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte à Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume. Paris: Chez Pierre Cot, 1709. P. 13-15.

Идее национального государства Боссюэ также находит библейское обоснование, вспоминая миф о Вавилонской башне. Помимо страстей, другой причиной для разъединения людей является разнообразие рас и языков⁴⁹⁶. Объединить людей способна общая родина (patrie)⁴⁹⁷ и правительство⁴⁹⁸.

В представлениях о законах и о королевской власти у Боссюэ обнаруживается влияние рационализма. Например, читаем, что законы основаны на естественной справедливости («sur l'équité naturelle»)⁴⁹⁹, а власть короля основана на разумности (raison)⁵⁰⁰.

Конечно, лучшей формой правления, по Боссюэ, является наследственная монархия⁵⁰¹ (так как является «самой распространённой», «самой старой» и «самой естественной» формой власти и наилучшим образом обеспечивает единство⁵⁰²). Боссюэ находит идеал в максимально централизованной власти, которую он противопоставляет анархии⁵⁰³.

Власть монарха абсолютна и священна⁵⁰⁴, и его власти следует подчиняться в соответствии с принципами морали и религии («on doit obéir au prince par principe de religion et de conscience»⁵⁰⁵, а сам король не подчиняется никому («le pouvoir royal doit être invincible»), поскольку сам бог наделяет его властью⁵⁰⁶.

⁴⁹⁶Ibid. P. 16-17.

⁴⁹⁷Ibid. P.18-20; P.42; P. 47.

⁴⁹⁸Ibid. P.21.

⁴⁹⁹Ibid. P.29.

⁵⁰⁰Ibid. P.149.

⁵⁰¹Ibid. P.57.

⁵⁰²Ibid. P. 68-70.

⁵⁰³Ibid. P.75.

⁵⁰⁴Ibid. P.80.

⁵⁰⁵Ibid. P. 92.

⁵⁰⁶Ibid. P.131.

Итак, в творчестве Боссюэ мы видим галликанизм таким, каким он сформировался в XVII веке. Галликанские идеи и постулирование независимости от папского престола становятся неотделимы от прославления абсолютистской монархии. Древность приобретает интерес как обоснование актуального порядка вещей. Империя франков воспринимается как предшественница Франции эпохи Людовика XIV. В то же время, интерес к национальному прошлому – это попытка как-то осмыслить и обосновать новый принцип организации государства, а именно национальное государство.

Галликанская идеология представляет собой комплекс идей, трудно отделимых друг от друга. Выбирая в качестве предмета изучения национальное прошлое, эрудит эпохи Людовика XIV не мог мыслить этот предмет совершенно вне рамок идеологии: в средневековой истории искали обоснование существующего порядка, независимости галликанской церкви и короля от папского престола. Учитывая, что к концу XVII века в рамках галликанизма сложилось представление о том, что король получает власть напрямую от бога, а не от папы, нужно отметить, что в эту эпоху галликанские идеи служили обоснованию абсолютистской власти.

Стоит снова обратиться к «Трактату о науке в монастырях», так как в этом трактате Мабильон выделяет литературу, которую, как он считает, необходимо читать монаху-бенедиктинцу. Показательно, что Мабильон советует среди прочего изучать историю синода с комментариями галликаниста Рише⁵⁰⁷. Галликанисты ставили синод выше папского престола, и ссылка на Рише при изучении истории синода косвенно свидетельствует о том, что Мабильон поддерживал эту галликанскую трактовку.

Гораздо более явное свидетельство галликанской позиции Мабильона можно найти в его трактате «Галликанское богослужение»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁷Mabillon J. Traité des études monastiques. P132.

⁵⁰⁸Mabillon J. De Liturgia Gallicana libri III in quibus veteris Missae, quae ante annos mille apud Gallos in usu erat, forma ritusque eruuntur ex antiquis monumentis, Lectionario Gallicano hactenus

Исследователь Брюно Невё справедливо отметил, что научное исследование эрудитов не мыслилось как незаинтересованное («*érudition historique ne se conçoit pas comme indifférente*»)⁵⁰⁹. Эрудитизм интересовался вопросами, касавшимися современности. В прошлом искали аргумент для той или иной позиции. Для галликанских эрудитов обращение к прошлому было способом легитимации стремления галликанской церкви и вообще французской политики к независимости. Эти черты эрудитизма обнаруживаются и у Мабильона. В «Галликанском богослужении» Мабильон ясно артикулирует цели этого своего труда: издание и исследование средневековых памятников, которые доказывают, что у Галлии изначально было присущее только ей богослужение, отличавшееся от римского. Это – один из главных тезисов, обосновывавших требование независимости галликанской церкви от папства.

Трактат Мабильона о богослужении состоит из трёх частей. В первой Мабильон даёт краткий очерк особенностей литургии региональных церквей (*ecclesiae Latinae liturgiis*). Во второй книге Мабильон помещает люксёйский лекционарий, который нашёл он сам и который до него не печатался. В третьей книге Мабильон помещает тексты трёх миссалов.

Письмо лекционария, помещённого во вторую книгу, Мабильон называет «меровингским» («*scriptura merovingica*»), отсылая читателя к тому типу, который он привёл в «Дипломатике». Мабильон считал, что этот тип письма был распространён при меровингской династии⁵¹⁰.

В третьей книге Мабильон воспроизводит текст трёх миссалов, письмо которых до него описывали как маюскульное и квадратное («*litterae quadratae et*

inedito, cum tribus Missalibus Thomasianis, quae integra referuntur : Accedit disquisitio de cursu Gallicano, seu de divinorum officiorum origine et progressu in Ecclesiis Gallicanis. Paris : Apud Montalant, 1696.

⁵⁰⁹ Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane vers 1700. P. 191-192.

⁵¹⁰ Mabillon J. De Liturgia Gallicana. P. 6.

majusculae»). Мабильон просто воспроизводит это описание, хотя оно и не соответствует описанию письма в «Дипломатике».

Характерно, что один из миссалов Мабильон называет готским, или готско-галльским⁵¹¹. Мабильон не разделяет здесь готов и галлов, поскольку галлы были подчинены готам⁵¹²

Мабильон считал, что Карл Великий привёл богослужение в Галлии в соответствие с римским типом, а до него богослужения в Галлии было совершенно особым. Цель Мабильона – реконструкция литургии, такой, какой она была в Галлии до Карла Великого⁵¹³.

Знания о литургии в Галлии Мабильон черпает из Григория Турского⁵¹⁴. Григорий Турский выделял четыре типа литургии, в т.ч. галльский. Епископ Тура всячески старался излагать историю Галлии так, чтобы создать впечатление её единства, поддерживаемого христианской верой, однако в Новое время его идеи о единообразии и своеобразности галликанской церкви были переосмыслены⁵¹⁵

В предисловии Мабильон отмечает, что литургия в Галлии с самого начала была отлична от литургии в Риме («*Illud apud omnes in confesso est, liturgiam Gallicanam principio a Romana fuisse diversam*»)⁵¹⁶. Мабильон подчёркивает, что

⁵¹¹Ibid. P.8.

⁵¹²«*Gothicum seu Gallicum... nos uno verbo Gothico- Gallicanum nuncupare possumus: propterea quod in usu fuerit apud Gallos, Gothorum imperio subjectos*». Ibid. P.174.

⁵¹³ «*Quam ob rem amicorum consultu quoddam operae pretium fore duximus, si hoc de argumento singularem conderemus tractatum: in quo liturgia gallicana, qualis ante Carolum M. apud majores nostros recepta erat, vera forma, genuinique ritus explicarentur. Id pro modulo exsecuti sumus: quo fructu, alii viderint*». Ibid. P.7.

⁵¹⁴Ibid. P.380.

⁵¹⁵Старостин Д.Н. От поздней античности к Раннему Средневековью. М.-СПб: Нестор-История, 2017. С. 56-58.

⁵¹⁶Mabillon J. De Liturgia Gallicana. P.5.

галликанская богослужение, помимо того, что отличалось от римского, но ещё и внутри самой Галлии отличалось единообразием⁵¹⁷.

5.4. Краткие выводы

Итак, в трудах Мабильона можно увидеть его приверженность идеям галликанизма. Его прогалликанская позиция вполне соответствует его положению мавриста-эрудита. В «Галликанском богослужении» Мабильон эксплицитно выражает галликанские установки. Однако галликанизм Мабильона обнаруживается и в других его трудах. Галликанские идеи повлияли уже на выбор тем и на пристальный интерес к средневековым памятникам у мавристов в целом и у Мабильона в частности. Общее представление о средневековом прошлом также отмечено у Мабильона влиянием галликанизма. У галликанских эрудитов возникновение «варварских» государств переосмыслялось в духе основания нового христианского царства⁵¹⁸. Это восприятие можно видеть в классификации типов письма у Мабильона: каждый из «национальных типов» для Мабильона представляет нечто новое, не связанное с латинским типом письма.

Маффеи, опровергал идею Мабильона о «национальных типах» и утверждал, что все средневековые типы письма есть лишь продолжение латинского. Однако идея о самостоятельном творчестве «варваров» принадлежит не Мабильону. Она встречается уже у гуманистов, которые до Мабильона использовали названия «готический» и «лангобардский» не только

⁵¹⁷ «Neque vero solum in in unaquaque provincia, sed etiam in tota Gallia communis quidam ritus vigebat, sinon in omnibus, saltem in plerisque uniformis, qui communi appellatione Cursus Gallicanus a majoribus nostris dictus est». Ibid. P.419.

⁵¹⁸ Fumaroli M. Aux origines de la connaissance historique du moyen Age//Humanisme, Réforme et gallicanisme au XVI siècle, 1977. P.7.

как обозначение странного или непривычного, но как нечто, связанное с этносом. Но если гуманисты связывали влияние варваских племён с крахом римской империи, то Мабильон связывал его с возникновением христианских государств.

Принято считать, что открыв промежуточный тип между средневековым и античным письмом, Маффеи создал свою идею эволюцию средневековых типов письма из римского и, таким образом, смог опровергнуть идею Мабильона. Если принять во внимание, что не только у Маффеи, но и у самого Мабильона концепция эволюции письма отражает восприятие истории или, точнее, национального прошлого, то мы сможем по-новому взглянуть, во-первых, на теорию Мабильона, а во-вторых, более глобально, на роль эмпирического материала в истории науки о письме.

Заключение

Работа посвящена труду Мабильона «Дипломатика». Труд Мабильона явился основополагающим для развития вспомогательных исторических дисциплин и оказал значительное влияние на филологию. Цель состояла в том, чтобы проанализировать метод Мабильона и понять его место в истории науки. Следовало выяснить, каким образом Мабильону удалось создать свой метод. Для этого нужно было проанализировать труды предшественников Мабильона и понять, какие достижения науки подготовили «Дипломатику». С другой стороны, важно было составить общее представление о науке эпохи Мабильона, чтобы понять, почему «Дипломатика» появляется именно на этом этапе. Кроме того, требовалось понять, какие конкретные научные и исторические предпосылки сделали необходимым появление труда Мабильона.

Метод Мабильона состоял в системном применении следующего принципа: группа памятников (прежде всего, юридических документов) определённой канцелярии и определённой эпохи имеет набор только для неё характерных черт. В «Дипломатике» Мабильон выявил и классифицировал эти черты для группы мерovingских грамот, создав первый в истории науки образец систематического учёта характеристик письменных памятников. Определение подлинности и локализацию памятников предполагалось проводить, отвечая на вопрос: соответствует ли данная спорная грамота чертам подлинных грамот определённой эпохи и определённой канцелярии? Если Даниэль Папebroх строил свои заключения о чертах подлинных грамот скорее ad hoc и опираясь на ограниченное количество образцов, то Мабильон опроверг его заключения, показав, что грамота, которую он взял в качестве образца и опираясь на которую судил о чертах подлинных грамот, сама является подделкой. Поддельность для

Мабильона проявляется в том, что эта взятая за образец Папebroхом грамота не соответствует конкретным чертам конкретной группы памятников. Хотя критика старинных грамот так или иначе применялась до Мабильона, его заслуга состоит в том, что он показал на материале меровингских грамот, как такая критика может применяться системно, т. е. как последовательно описать черты определённой группы грамот, а на основе выявленных обобщений судить о памятнике, который вызывает сомнения. Мабильон стремился применять критику источников, опираясь на все характерные черты, доступные для описания. Для критического метода Мабильона имели значения не только те черты, которые являются предметом современной дипломатики (печати, подпись, монограммы и прочие черты грамот), но и палеографические (важное место в наследии Мабильона занимает его ныне отвергнутая теория эволюции письма, которая в то же время является первой научной теорией о происхождении разнообразия средневековых типов). Кроме того, Мабильон был тонким филологом. Он не только понимал, что произношение и письменность меняются на протяжении времени, но и предлагал систематически учитывать эту изменчивость в критике памятников.

Следует выделить несколько важнейших аспектов, в которых необходимо рассматривать теорию Мабильона и само появление «Дипломатики». Во-первых, критика Мабильона развивает достижения гуманистов, прежде всего в том, что касается внимательного собирания и описания памятников (антикварианизма); также Мабильон углубляет, на материале латинского языка, важные наблюдения об исторической изменчивости языка и письменности, сделанные французскими гуманистами. Во-вторых, достижения Мабильона были бы невозможны без использования достижений рационалистической философии. В-третьих, сам объект изучения Мабильона и его теоретические обобщения неотделимы от контекста католической эрудиции его времени.

«Дипломатика» появилась на том этапе изучения старинных документов, когда был накоплен достаточно большой эмпирический материал, но при этом

не хватало ясных теоретических построений для его изучения. Хотя «Дипломатика» внешне сохраняет приемственность традиции антикварного трактата, описывая и воспроизводя большое количество древних памятников, труд Мабильона явился качественно новым этапом интереса к старинным документам, так как ставит своей целью выявить общие черты и закономерности исторического развития письменных памятников.

«Дипломатику» принято рассматривать как один из этапов «дипломатических войн» относительно подлинности грамот. Однако уже внимательно чтение «Дипломатики» Мабильона и «Введения» Даниэля Папebroxa способно опровергнуть такую точку зрения. Папebroх несколько не стремился поставить под сомнение юридическую силу грамот аббатства Сен-Дени, а Мабильон не руководствовался исключительно целью доказать подлинность этих грамот. Полемика между Мабильоном и Папebroхом касалась прежде всего вопроса метода, который позволял бы судить о подлинности грамот, опираясь на твёрдые критерии. Такой метод был создан Мабильоном. Важной частью метода Мабильона был анализ и датировка памятников по совокупности черт, в том числе и языковых. Метод Мабильона включал в себя взгляд на графику и на язык как на изменчивую систему. Хотя идея об изменчивости языка встречается у авторов проектов реформ орфографии и некоторых предшественников Мабильона, занимавшихся проблемой подлинности средневековых грамот (в частности, Германа Конринга), только у Мабильона такое представление о языке становится частью метода. Это достижение Мабильона, а именно практическое применение идеи об исторической изменчивости языка, имело впоследствии большое значение для развития филологии.

Поскольку Мабильон активно занимался изданием житий и трудов по истории церкви, он много работал с различными письменными источниками. Эта работа подготовила появление «Дипломатики» по двум причинам. Во-первых, она дала Мабильону знакомство с большим количеством средневековых

письменных памятников. Во-вторых, активная работа с письменными свидетельствами, необходимость определять их подлинность и датировать их не могла не привести к осознанию необходимости систематизации различных характеристик грамот, которой до Мабильона сделано не было.

Результаты критики Мабильона нередко входили в противоречие с устоявшимся канонem. В подходе Мабильона проявилось сознание человека Нового времени, ставящего знания, к которым можно прийти с помощью разума, выше тех, которые заданы предшествующей традицией и авторитетами. В трудах Мабильона вырабатывается представление об исторической достоверности, которое впоследствии будет иметь большое значение для науки. Стоит отметить, что критика Мабильона – результат сознательного применения достижений рационалистической философии. Влияние рационалистической философии на Мабильона обнаруживается не только в его стремлении создать стройную теорию, но и в самом понятийном аппарате, который он использует.

Несмотря на видимую отрешённость труда эрудитов-мавристов от внешней жизни, их творчество находится в прямой зависимости от современной им идеологии. Сам предмет исследования мавристов – национальное прошлое – обусловлен интересом к обоснованию политической программы галликанизма через обращение к раннесредневековому прошлому, эпохе «галликанских свобод». Мавристы служили интересам монархии косвенно через укрепление авторитета католической веры (критические издания житий) и прямо – через обоснования требований независимости внутренней политики Франции от папства. Идеи галликанизма проявились как в «Дипломатике», так и в других трудах Мабильона.

Идеология галликанизма, утверждавшая необходимость невмешательства папы во внутренние дела Франции, нашла отражение в трудах Мабильона. Приверженность Мабильона к идеологии галликанизма проявляется в том, что он стремился доказать на материале древних памятников наличие в Галлии единообразного и отдельного от римского типа литургии. Галликанские идеи

оказали непосредственное влияние на теорию палеографии у Мабильона. Концепция средневековых «национальных типов письма», каждый из которых развивался самостоятельно и независимо от римского, согласовывается с галликанистскими представлениями о «варварских» народах как основателях нового христианского мира.

Список литературы

1. Основные труды Мабильона

1. Mabillon J. S. Bernardi Abbatis primi Clarevallensis opera omnia post Horstium denuo recognita, aucta, et in meliorem ordinem digesta, nec non novis praefationibus, notis et observationibus, indicibusque copiosissimis locupletata et illustrata. Paris 1667.- 2 vol. in Fol. et 9 vol.in 8. secundis curis 1690. in Fol. ibid., 2 vol; tertiis curis Maussuet et Tixier 1719
2. Mabillon J. Hymni in laudem Sancti Adhalardi, Sanctae Bathildis Reginae. Officia ecclesiae corbeiensi propria, vel nova edita, vel vetera emendata ; quae omnia in unum collecta typis vulgata sunt ad ejusdem ecclesiae usum. In 8. Paris, 1667.
3. Mabillon J. Vetera analecta, sive collection veterum aliquot operum et opusculorum omnis generis. Vol 1-4. Paris, 1675-1685
4. Mabillon J. Animadversiones in “Vindicas Kempensis”. Paris, 1677
5. Mabillon J. De re diplomatica libri VI, In quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptions ac notas chronologicas ; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam pertinet, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis regum francorum palatiis : veterum scripturarum varia specimena, tabulis LX comprehensa ; nova ducentorum et amplius , monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannes Mabillon. Paris : Ludovicus Billain 1681

6. Mabillon J. *Librorum de re diplomatica supplementum, in quo archetypha in his libris pro regulis proposita, ipsaeque regule denuo confirmantur, novisque specimenibus et argumentis asseruntur et illustrantur. Opera et studio Domni Johannes Mabillon , presbyteri ac monachi Ordinis S. Benedicti e Congregatione S.Mauri, Luteciae-Parisiorum, sumtibus Caroli Robustel, via Jacobea, adsigne arboris Palmae , MDCCIV. Cum privilegio regis et superiorum facultate*
7. Mabillon J. *De re diplomatica libri vi... editio secunda ab ipso auctore recognita, emendata et aucta, Lutetia-Parisiorum, sumtibus Caroli Robustel, via Jacobea, adsigne arboris Palmae, MDCCIX. Cum privilegio regis et superiorum facultate*
8. Mabillon J. *De re diplomatica libri sex ... tertia atque nova editio dissertationibus variorum locupleta notisque nunc primum inlustrata a marchione Bumbae Johanne Adimari, Neapoli, ex typ. Vincentii Ursini, MDCCLXXXIX*
9. Mabillon J. *Traité des études monastiques divisé en trois parties Paris: chez Charles Robustel , 1691.*
10. Mabillon J. *Réflexions sur la réponse de M. l'abbé de la Trappe au au Traité des études monastiques Paris , 1692. Oeuvres posthumes, Paris, 1934*
11. Mabillon J. *Museum Italicum, seu Collectio veterum scriptorium ex bibliothecis Italicis, eruta a D. Johanne Mabillon et D. Michaele Germain, Presbyteris et Monachis, Benedictinae Congregationis Sancti Mauri. Tomus primus in duas partes distinctus. Prima pars complectitur eorundem iter Italicum litterarium: altera vero varia Patrum opuscula et vetera monumenta, cum Sacramentario et Poenitentiali Gallicano. Lutetia Parisiorum, apud Johannem Boudot, 1687. Musei Italici tomus secundus, complectens antiquos libros rituals sanctae Romanae Ecclesiae, cum commentario praevio in ordinem Romanum. Ibidem apud eundem. Paris, 1689*
12. Mabillon J. *De Liturgia Gallicana libri III in quibus veteris Missae, quae ante annos mille apud Gallos in usu erat, forma ritusque eruuntur ex antiquis monumentis,*

Lectionario Gallicano hactenus inedito, cum tribus Missalibus Thomasianis, quae integra referuntur: Accedit disquisitio de cursu Gallicano, seu de divinorum officiorum origine et progressu in Ecclesiis Gallicanis. Paris: Apud Montalant, 1696

13. Mabillon J. Annales ordinis sanctii Benedicti Occidentalium Monachorum Patriarchae, in quibus non modo res monasticae, sed etiam ecclesiasticae historiae non minima pars continetur. Vol. 1-6. Paris, 1703-1707

14. Mabillon J. Eusebii Romani ad Theophilum Gallum epistola de cultu sanctorum ignotorum. Paris, 1698. Traduction française Paris 1698, Paris, 1705

Mabillon J. 1952: Paléographie romaine. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija de Filologia

15. Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa (6 t. in 9 vol). Vol. 1-9. Parisii: Apud Ludovicum Billaine, 1668-1702.

2. Другие источники

16. Arnauld A. Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée, contenant les fondements de cet art // Logique de Port-Royal. Édition nouvelle. Avec introduction, extraits et éclaircissement par Alfred Fouillée. Paris: Librairie Classique d'Eugène Belin, 1878.

17. Ludewig, J. Praefatio de usu et praestantia diplomatum et diplomaticae artis. Porro de bellis diplomaticis, cum in Gallia excitatis, tum in Italia // Reliquiae manuscriptorum omnis aevi diplomatum ac monumentorum, ineditorum adhuc. Tomi tres. Francfurti et Lipsiae: 1720. Tomo I. P. 1-156.

18. Baring E. Clavis diplomaticae. Hanover: Sumptibus Haeredum B. Nic. Foersteri et filii, 1737-1753.

19. Baronius C. *Annales ecclesiastici*, 12 vol. Romae, 1588-1607.

20. Bollandus J., Henschenius G. *Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur, quae ex latinis et graecis, aliarumque gentium antiquis monumentis Januarii tomus primus Antverpiae: Apud Michaellem Cnobarum, 1643.*

21. Biondo F. "Italia illustrata". Ed. by Castner C. Text, commentary and translation. Vol.1. Northern Italy. New York: Binghampton, 2005.

22. Bollandus J., Henschenius G., Papebrochius D. *Acta sanctorum martii, tomus I. Antverpiae: apud Jacobum Mersium, 1668*

23. Bossuet J.-B. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte à Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume. Paris: Chez Pierre Cot, 1709.*

24. Bossuet J.-B. *Oeuvres complètes. Tome 10. Paris: Chez Lefèvre, Chez Ledentu, 1836.*

25. Brouwer C., Masen J., Kilian Ph. *Antiquitates et Annales Trevirenses, Dvobvs Tomis Comprehensi; Quorum Ille Proparasceven, cum Libris XXII Annalium scripsit: Hic, praeter Additamenta Proparasceves & Historiae, III reliquos Annalium libros cum luculentis Indicibus, adjecit ; Opus variis Antiquitatum monumentis aeri & ligno incisis adornatum. Bd. 1, Leodii : Hovius, vol. I – 1670, vol. II – 1671.*

26. Chauvin E. *Lexicon philosophicum. Leovardia: Franciscus Halma, 1703.*

27. Conring H. *Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium lindaviense, qua simul res Imperii et Regni Francorum Ecclesiae ac*

Civiles, seculi cum primis Carolovingici, illustantur. Helmstadii: ex officina Henrici Mulleri, 1672.

28. Descartes, R. Discours de la méthode (extraît) // Logique de Port-Royal. Édition nouvelle. Avec introduction, extraits et éclaircissement par Alfred Fouillée. Paris: Librairie Classique d'Eugène Belin, 1878.

29. Doublet J. Histoire de l'abbaye de S.Denys en France, contenant les antiquitez d'icelle, les Fondations, Prerogatives et Privileges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des Roys, Reynes, Enfans de France, et autres signalez Personnages qui s'y treuvent iusques à present. Le tout recueilly de plusieuers histoires, Bulles des Papes, et Chartes des Roys, Princes, et autres documens Autentiques. Paris: Chez Nicolas Buvon, 1625.

30. Henschenius G. De tribus Dagobertis Francorum regibus diatriba, in qua horum Regum successorum genus, tempus, acta indicantur: Dagoberto II, S. Sigiberti filio, regnum Austrasiorum vindicatur, et chronologia ex Conciliis et Episcoporum gestis : Antverpiae: Iacobi Meursii, 1655.

31. Henschenius G., Papebrochius D. Acta sanctorum martii. tomus III. Antverpiae: apud Jacobum Mersium, 1668.

32. Henschenius G. Papebrochius D. Acta Sanctorum Aprilis, collecta, digesta illustrata a Godfrido Henschenio et Daniele Papebrochio e Societate Iesu. Tomus II, quo medii XI dies continentur. Proponitur illis Propylaeum antiquarium circa veri falsique discrimen in vetustis monumentis, observandum subiunguntur Acta Graeca, ad eosdem diem pertinentia. Antverpiae: apud Michaellem Cnobarum, 1675.

33. Hickes J. *Linguarum septentrionalium thesaurus, grammatica-criticus et archaeologicus*. Oxford, 1703-1705.
34. Hotman F. *Francogallia*. Ex officina Jacobi Stoerii, 1573.
35. Maffei S. *Istoria diplomatica*. Mantua, 1727.
36. Montfaucon B. *L' Antiquité expliquée et représentée à figures*. Paris, 1719.
37. Montfaucon B. *Les monuments de la monarchie française*. Vol. 1-5. Paris, 1729-1733.
38. Montfaucon B. *Paleographia graeca, sive de ortu et progressu litterarum*. Paris, 1708.
39. Papebrochius D. *Propylaeum antiquarium, circa veri ac falsi discrimen in vetustis monumentis*. Acta sanctorum aprilis, tomus II. Apud Michaellem Cnobarum: Antverpiae, 1675.
40. Pascal B. *De l'esprit géométrique et l'art de persuader*. Mozambook, 2011.
41. Pien J. *Historia de vita, operibus ac virtutibus R.P. Danielis Papebrochii // Acta sanctorum junii*. 1717. Vol.6.
41. Ramée P. *Grammaire*. Paris, 1572.
41. Rancé A.-J. *De la sainteté et des devoirs de la vie monastique*. II vol. Paris: Chez Muguet, 1683.

42. Sainte-Marthe G. Sainte-Marthe L. Gallia christiana, qua series omnium archiepiscoporum, episcoporum et abbatum. Francia, vicinarumque ditionum. Ab origine ecclesiarum, ad nostra tempora. Per quatuor tomos deducitur. Lutetiae Parisiorum: Apud Edmundi Pepingue, 1648.

43. Tassin R.-P., Toustain, Ch.-F. Nouveau traité de diplomatique, où l'on examine les Fondemens e cet art: on établit des règles sur le discernement des titres et l'on expose historiquement les caractères des bulles pontificales et des diplômes donnés en chaque siècle, par deux religieux bénédictins de la Congrégation de Saint-Maur. 6 vol. Paris: Chez Guillaume Desprez, 1750-1765.

44. Tory G. Champ fleury, au quel est contenu lart et science de la deue et vraye proportion des lettres attiques, quon dit autrement lettres antiques et vulgairement lettres romaines, proportionnees selon le corps et visage humain. Paris: Geofroy Tory, Giles Gourmont, 1529.

45. Usuardus Martyrologium, quo romana ecclesia, ac permultae aliae utuntur: iussu Caroli Magni conscriptum. Et annotatione actorum, qui de Sanctorum vita, confessione, vel martyrio copiose aut aliquando obiter, nonnulla scripserunt. Opera Ioannis Mollani Louaniensis, Louanii sacrae Theologiae Regii Professoris. Eodem auctore, De martyrologiis et indiculus sanctorum Belgii Antverpiae, apud Philippum Nutium 1583 a также Catalogus sanctorum Italiae in menses duodecim distributus, in quo vitae illorum ex particularium Ecclesiarum monumentis compendio describuntur, adiectis ubique scholiis, notisque perbreuibis; in quibus saepenumero ambiguitates, et errores circa tempus praesertim, ac historiae veritatem contingentes deteguntur Authore F. Philippo Ferrario Alexandrino [...] 1613.

3. Научная литература на русском языке

46. Аверинцев С.С. Филология // София-Логос, М., Дух и Литера.
47. Аристотель Об истолковании // Аристотель, Собрание сочинений в 4-х томах. М, 1978.
48. Арно А. Лансло К. Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс, 1990.
49. Асмус В.Ф. Декарт М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
50. Антонец Е.В. Введение в римскую палеографию. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
51. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Наука, 1987.
52. Белов А. М. Латинское ударение. Проблемы реконструкции. Москва: Academia, 2009.
53. Борухович В.Г. В мире античных свитков. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976.
54. Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М: Издательство Московского университета, 1982.
55. Гайденко П.П. Рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

56. Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. Л.: ОНТИ, государственное технико-теоретическое издательство, 1934.
57. Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936.
58. Зализняк А.А. О понятии графемы // *Valcanica. Лингвистические исследования*. М.: Наука, 1979. Отв. Ред. Цивьян Т. В. С. 134-153.
59. Зимонт Е.С. Проблема передачи согласных на письме: реформирование французской орфографии в XVI веке. Дипломная работа, защищённая на кафедре французского языкознания. М, 2012.
60. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.
61. Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2012.
62. Копосов Н.Е. Византиноведение и абсолютизм во Франции XVII века // *Византийский временник*. 1979. Т.40. С.186-190.
63. Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI- 1 пол. XIX в. М.: Наука, 1981.
64. Косминский Е.А. Историография средних веков. V – середина XIX века. Лекции. М.: Издательство Московского университета, 1963.
65. Лукач, Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-альтера, 2003.

66. Лысяков В.Б. Людовик XIV и церковь // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV - начале XIX вв. С. 135-161.
67. Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610 – 1620 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959.
68. Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991.
69. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издание политической литературы. 1955.
70. Олейников А. А. Анахронизм и границы истории // ШАГИ / Steps. 2018. № 4 (3). С. 9-25.
71. Пастернак Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). Л.: АН СССР, 1948.
72. Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). Санкт-Петербург: Санкт-Петербург – XXI век, 1996.
73. Старостин Д.Н. От поздней античности к Раннему Средневековью. М.-Спб: Нестор-История, 2017.
74. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: URSS, 2005.

75. Философская энциклопедия в 4-х томах. М.: Издательство Советская энциклопедия, 1964.

4. Научная литература на иностранных языках

78. Armogathe J.-R. Bossuet et l'érudition protestante de son temps // Bulletin de la Société de l' Histoire du Protestantisme Français. 2007. №153. P. 263-272.

79. Auterieth, J. Litterae Virgilianae. Vom Vortleben einer römischen Schrift. München: Historisches Kolleg Stiftung, 1988.

80. Babin M.-L. Leibniz et Mabillon // Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P. 373-383.

81. Badea A. (Heligen-) Geschichte als Streitfall Die Acta sanctorum und Mabillons Epistola de cultu sanctorum ignotorum und die römische Zensur // Europäische Geschichtskulturen um 1700 zwischen Gelehrsamkeit, Politik und Konfession. Herausgegeben von Thomas Wallning, Thomas Stockinger, Ines Peper und Patrick Fiska. De Gruyter, 2012.

82. Baddeley S. L'orthographe de la première moitié du XVI siècle: variation et changement.// L'Information grammaticale. 1997. №74. P. 24-31.

83. Barbiche B. Les stratégies d'évitement de crise entre la France et Rome sous Henri IV // Hétérodoxies croisées. Catholicismes pluriels entre France et Italie XVIe-XVIIe siècles. Publications de l'École française de Rome. Talon A., Fragnita G. 2015. P. 10-27.

84. Barret-Kriegel B. Les historiens et la monarchie. Paris : PUF, 1988.
85. Basdevant-Gaudemet B. Autorité du pape, du roi et des évêques d'après le «Discours sur les Libertés de l'Église gallicane» de Claude Fleury // Revue historique de droit français et étranger. 2008. №4. Vol. 86. P. 523-538.
86. Batiffol P. Une réforme de Bénédictins sous Louis XIII // Revue de Paris. 1903. № 5.
87. Bauckner A. Mabillons Reise durch Bayern im Jahre 1683. Diss. München, 1910.
88. Baudot J. Mauristes // Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique; leurs preuves et leur histoire. Tome neuvième. Paris: Librairie Leutouzey et Ané, 1927. P. 406-446.
89. Bäumer S. Johannes Mabillon. Ein Lebens- und Literaturbild aus dem XVII und XVIII Jahrhundert. Augsburg: Kessinger, 1892.
90. Bedos-Rezak B. Diplomatie Sources and Medieval Documentary Practices: An essay in interpretative methodology // The past and future of medieval studies. 1994. ed. John van Engen. P. 313-343.
91. Beik W. Absolutism and society in seventeenth century France: State power and provincial aristocracy in Languedoc. University Press: Cambridge etc., 1985.
92. Benz S. Zwischen Tradition und Kritik: Katholische Geschichtsschreibung im barocken Heiligen Römischen Reich. Husum: Matthiesen Verlag, 2003.

93. Bergkamp J. H. Dom Jean Mabillon and the Benedictine historical school of Saint-Maur. Washington: Catholic University, 1928.
94. Berlière U., Duborg A. Ingold M. P. Nouveau Supplément à l'Histoire Littéraire de la Congrégation de Saint-Maur. Paris : Picard et fils, 1908.
95. Bernard A. Revokation des Edikts von Nantes und die Protestanten in Südostfrankreich (Provence und Dauphiné 1680 – 1730). München: Oldenburg Verlag, 2003.
96. Bernard G. La politique selon Bossuet, Une rencontre de la morale catholique et du gallicanisme politique // Annales de Vendée, 2007, 2e éd. 2014.
97. Berthrand P. Du «De re Diplomatica» au nouveau traité de diplomatique: réception des textes fondamentaux d'une discipline // Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P. 605-619.
98. Bischoff B. Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. Berlin: Erich Schmidt, 1986.
99. Blet P. Louis XIV et le Saint Siège à la lumière des deux publications récentes: le conflit de la régale. La fable de l'excommunication secrète. La réconciliation de 1693 // Archivum Historiae Pontificae. Vol. 12. 1974. P. 309-337.
100. Blet P. Le clergé de France, Louis XIV et le Saint Siège de 1695 à 1715. Vaticano: Archivio Vaticano, 1989.

101. Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris: Librairie Armand Colin, 1952 (2ème édition).
102. Bouchilloux H. Foi et histoire: Les enjeux théologique de la notion critique // Revue de Méthaphysique et de morale. 1999. №4. P.445-461.
103. Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig : Verlag von Veit & Komp, 1889 2 Bände.
104. Broglie E. Mabillon et la société de l'abbaye de Saint -Germain de Prés (en deux volumes). Paris: Librairie Plon, 1888.
105. Brühl C. Die Entwicklung der diplomatischen Methode im Zusammenhang mit dem Erkennen von Fälschungen // Aus Mittelalter und Diplomatie. Gesammelte Aufsätze, III Band. Hildesheim: Weidmann, 1989.
106. Brunot F. Histoire de la langue française vol.II; le seisième siècle. Paris: Librairie d'Armand Colin, 1927.
107. Catach N. Histoire de l'orthographe française. Paris: Honoré Champion, 2001.
108. Cencetti G. Lineamenti di storia della scrittura latina. Bologna: Casa editrice prof. Riccardo Patron, 1954.
109. Cherubini P., Pratesi A. Paleografia latina. L'avventura grafica del mondo occidentale. Citta del Vaticano: Scuola di Paleografia, Diplomatica e Archivistica, 2010.

110. Chavin de Malan E. Histoire de dom Jean Mabillon et de la congrégation de Saint-Maur. Paris: Debécourt, 1843.
111. Chartier, R. Espace social et imaginaire social: les intellectuels frustrés au XVIIe siècle // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1982. №2. P. 389-400.
112. Daubresse S. Le parlement de Paris et les actes romains au XVIe siècle: exemples de la pratique judiciaire // Hétérodoxies croisées. Catholicismes pluriels entre France et Italie XVIe XVIIe siècles. Publications de l'École française de Rome. Talon A., Fragnita G. 2015. P. 30-41
113. Delehay H. L'oeuvre des bollandistes à travers trois siècles. Bruxelles: Bureau de la société des bollandistes, 1920.
114. Délisle L. Dom Jean Mabillon, sa probité d'historien // Mélanges et documents publiés à l'occasion du 2e centenaire de la mort de Mabillon. Ligugé: Abbay Saint-Martin, 1908
115. Dorna M. Von der Hagiographie zur Diplomatik. Daniel Papebrochs Lehre zur Erkennung von frühmittelalterlichen Urkundenfälschungen // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2014. №1. S. 165-190.
116. Dorna M. Mabillon und andere. Die Anfänge der Diplomatik. Aus dem Polnischen übersetzt von Martin Faber. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019.
117. Droz J. Histoires des doctrines politiques en France. Paris: Presses Universitaires, 1969.

118. Edelman N. Attitudes of seventeenth-century France toward the Middle Ages. New York: King's crown press, 1946.
119. Faral E. Les débats du clerc et du chevalier dans la littérature des XIIe et XIIIe siècles // Romania. 1912. № 164. P. 473-517.
120. Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. Stuttgart: Anton Hiersemann. 1981.
121. Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik // Archivalische Zeitschrift. 1955. Bd. 50-51. P. 301-318.
122. Franceschi S.H. Le spectre de Bossuet et des quatre articles de 1682. Reviscence d'une référence gallicane au temps de l'affrontement entre Pie VII et Napoléon I // La crise concordataire. Catholiques français et italiens entre Pie VIII et Napoléon. Boudon J.-O., Lacotte R.-H. Paris: Editions SPM, 2016. P.171-195.
123. Franceschi S.H. Simon Vigor face au catholiques zélé: le gallicanisme radical au début du XVIIe siècle // Revue de l'histoire des religions. La culture gallicane. Référence et modèles. 2009. P. 467-483.
124. Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. München und Berlin: Druck und Verlag von R.Oldenbourg, 1911.
125. Fuhrman H. Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // Historische Zeitschrift. 1963. №197. S. 529-554.
126. Fumaroli M. La république des lettres , l'université et la grammaire // Revue d' Histoire littéraire de la France. 2004. P.463-474.

127. Fumaroli M. Sacerdoce et office civil: La monarchie selon Louis XIV // Les monarchies. Ed. par. Leroi-Ladurie E. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P.1 01-114.
128. Fumaroli M. Aux origines de la connaissance historique du moyen Age // Humanisme, Réforme et gallicanisme au XVI siècle. 1977. №114-115. P. 5-29.
129. Gasnault P. Érudition mauriste à Saint-Germain-des-Pres. Paris: Institut d'Études augustiniennes, 1999.
130. Gavrilov A. «Litterae unciales» before and after Jerome. An essay in the semantic history of the term. Hyperboreus. 2003. Vol.9 CC.371-389.
131. Geiger L. Petrarka. Leipzig: Duncker und Humboldt, 1874.
132. Giry A. Études de critique historique de la diplomatique // Revue Historique. 1892. T.48. P. 225-256.
133. Giry A. Manuel de Diplomatique. Paris: Librairie Félix Alcan, 1925.
134. Graves F. Peter Ramus and the educational reformation of the sixteenth century. New Yourk: the Macmillan company, 1912.
135. Gytjeannin O. La science des archives à Saint-Denis (fin du XIII- début du XVI siècle) // Saint-Denis et la Royauté. Etudes offertes à Bernard Guenée. Ed. par Autrand F., Gauvard C. et Moeglin J-M. Paris: Editions de la Sorbonne 1999. P. 339-353.

136. Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M. *Diplomatique médiévale*. Paris: Brepols, 1993.
137. Heurtebize B. *Bénédictins // Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique, leurs preuves et leur histoire*. Tome deuxième. Paris: Librairie Leutouzey et Ané, 1905. P. 602-628.
138. Huch F.-A. *Versuch einer Litteratur de Diplomantik*. 2 Bände. Erlangen: Iohann Jakob Palm, 1792.
139. Huet P. *Le gallicanisme, son passé, sa situation présente dans l'ordre politique et religieux // Revue de deux mondes*. 1855. T. 9. P. 141-168.
140. Hurel O. D. *Entre érudition et pastorale: la congrégation de Saint-Maur // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*. 2004. P. 37-60.
141. Hurel O. D. *Dom Jean Mabillon, moine bénédictin et acteur de la république des lettres dans l'Europe de Louis XIV // Rivista di Filosofia Neo-Scolastica*. 2008. №1. P. 3-15.
142. Jadart H. *Dom Jean Mabillon. Etude suivie de documents inédits sur sa vie, ses Oeuvres, sa mémoire*. Reims: Deligne et Renart, 1879.
143. Joassart B. *Les mauristes et les bollandistes. Une même approche de l'érudition? // Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres*. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P. 567-587.

144. Johnson W. Edward Gibbon F.R.S: Early historical sciences, maurist erudition and related scholarship, 17th-20th C. // International Journal of Mechanical Sciences, 1997. №10. P.1077-1116.
145. Kirchner J. Die gothischen Schriftarten in der Epoche der Handschrift // Crous E., Kirchner J. Die gotischen Schriftarten. Braunschweig: Klinkhardt u. Biermann, 1970.
146. Knowles M.D. Jean Mabillon // The Journal of ecclesiastical history. 1959. Vol. 10. . P. 153-175.
147. Kölzer Th. Monumenta Germaniae historica Diplomata regum francorum e stirpe merovingica. Impensis Bibliopolii Hahniani, 2001.
148. Laplanche F. Sciences religieuses, conflits politiques et confessinnels, mutations culturelles Historical reflections/Réflexions historiques. 1989. № 2/3, P.199-215.
149. Lambe, P. Critics and Sceptics in the Seventeenth-Century Republic of Letters // The Harvard Theological Review. 1988. № 3. P. 271-296.
150. Larmore Ch. Scepticism // The Cambridge history of the seventeenth-century philosophy. Garber D., Ayers M.Garber D., Ayers M.Garber D., Ayers M. Cambridge University Press, 1998. P. 1145-1187.
151. Lasch B. Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter (von VII- XII Jahrhundert). Breslau: Verlag von Wilhelm Koebner, 1887.
152. Louandre Ch. Mabillon, les bénédictins français et la cour de Rome au XVIIe siècle // Revue de deux mondes. Période initiale. 1847. Tome 17. P. 325-344.

153. Levillain L. Le «De re diplomatica» // Mélanges et documents publiés à l'occasion du deuxième centenaire de la mort de Jean Mabillon Ligugé Paris 1908. P. 195-252.
154. Levillain L. Etudes sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1906. T.87. P. 5-99.
155. Lechat R. Les «Acta sanctorum» des Bollandistes // The catholic Historical Review 1920. №3. P. 334-342.
156. Lewis N. Papyrus in classical antiquity. Oxford: University Press, 1974.
157. Manent P. Les théoriciens de la monarchie: Bodin et Montesquieu. // Les monarchies. Sous la direction de Leroi Ladurie E. Paris: Presses Universitaires de France, 1986. P. 91-100.
158. Manning, J. The contribution of Dom Jean Mabillon to the science of paleography. Ph. D. Fordham University, 1950.
159. Martène, dom. Histoire de la congrégation de Saint-Maur, tome V. Paris: Abbaye Saint-Martin, 1931.
160. Marou H.I. St. Augustin et l'augustinisme. Paris: Edition du Seuil, 1987.
161. Martin V. L'adoption du gallicanisme politique par le clergé de France // Revue des sciences religieuses. 1926. №6-3. P.305-344.
162. Martin V. Les origines du gallicanisme. En 2 volumes. Genève: Mégariotis Reprints, 1978.

163. Meigret L. *Traité touchant le commun usage de l'écriture française*. Paris, 1542.
164. Mersiowsky M. *Ausweitung der Diskurszone um 1700. Der Angriff des Barthélémy Germon auf die Diplomatie Jean Mabillons // Europäische Geschichtskulturen um 1700. Zwischen Gelehrsamkeit, Politik und Konfession*. Hsg. von Wallning Th., Peper I., Fiska P. München: De Gruyter, 2012 . S. 447-485.
165. Meyer von Knonau G. *Das bellum diplomaticum lindaviense // Historische Zeitschrift*. 1871. Vol.26/ 1. S. 75-130.
166. *Monumenta Germaniae historica Diplomatum Karolinarum, Lotharii I et Lotharii II diplomata, tomus III*. Apud Weidmannos: Berolini et Turici, 1966.
167. Muehlbacher E. *Die Urkunden der Karolinger Die Urkunden Pippins, Karlmanns und Karls der Grossen*. Hannover: Hannsche Buchhandlung, 1906.
168. Musto R.G. *Daniel Papebroch, S.J. and the Letters of Angelo Clareno, O.F.M. Extractum ex periodico Archivum Franciscanum Historicum*. 1986. №79.
168. Huch F.-A. *Versuch einer Litteratur de Diplomatie*. 2 Bände. Erlangen: Iohann Jakob Palm, 1792.
169. Neveau B. *Erudition et religion aux XVII et XVIII siècles. Préface de Fumaroli M*. Paris: Albin Michel, 1994.
170. Namur P. *Bibliographie paléographico-diplomatico-bibliologique générale*. En 2 volumes. Liège: Collardin, 1838.

171. Neveu B. La vie érudite à Paris à XVII siècle d'après les papiers de P.Léonard de Sainte Cathérine (1695-1706) // Bibliothèque de l'école des chartes. 1966. №2. P. 432-511.
172. Neveu B. Mabillon et l'historiographie gallicane vers 1700 // Historische Forschung im XVIII Jahrhundert. Bonn, 1976. P. 27-81, aussi dans: Erudition et religion aux XVII et XVIII siècles ed. Albin Michel. Paris, 1994. P. 175-233.
173. Neveu B. Paris capitale de la république des lettres et le "De re diplomatica" de Jean Mabillon 1681 // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1989. № 1. P. 29-50.
174. Nuchelmans, G. Logic in the seventeenth century: Preliminary remarks and the constituents of the proposition // The Cambridge history of the seventeenth-century philosophy. Ed. Garber D., Ayers M. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
175. Omont H. Mabillon et la bibliothèque du Roi à la fin du XVII siècle // Mélanges et documents publiés à l'occasion du deuxième centenaire de la mort de Jean Mabillon. Ligugé-Paris, 1908. P.107-123.
176. Ott M. (bearb.) Historischer Atlas von Bayern. Teil Schwaben. Heft 5. München: Kommission für Landesgeschichte, 1968.
177. Palmieri A. The bollandists The Catholic Historical Review. 1923. №3. P.341-357.
178. Pardessus J.-M. Diplomata, chartae, epistolae, leges, aliaque instrumenta Lutetia Parisiorum: Ex typographio regio, 1863.

179. Petrucci A. Die beschriebene Schrift // Methoden der Schriftbeschreibung. Hsg. von Rück P. Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 1999.
180. Pertz G.H. (Hsg.) Monumenta Germaniae historica Diplomatum imperii. Tomus I. Impensis bibliopolii aulici Hahniani, 1872.
181. Petrucci A. Per la datazione del Virgilio Augusteo: osservazioni e proposte // Miscellanea in memoria di Giorgio Cencetti. Supino Martini P. Torino: Bottega d'Erasmus, 1973. P.29-47.
182. Petrucci A. Funzione della scrittura e terminologia paleografica // Paleografia diplomatica et archivistica. Studi in onore di Giulio Batelli. De Luca G. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1979.
183. Pitra, abbé. Études sur la collection des actes des saints. Paris: Jacques Lecoffre et Co, 1850.
184. Poncet O. La «Gallia christiana» 1656 des frères de Sainte-Marthe: une entreprise gallicane? // Revue de l'histoire des religions. La culture gallicane: références et modèles (droit, ecclésiologie, histoire). 2009. №3. P. 375-397.
185. Poncelet, abbé. Mabillon et Papebroch // Mélanges et documents publiés à l'occasion du deuxième centenaire de la mort de Jean Mabillon. Ligugé-Paris, 1907.
186. Prou M. Manuel de paléographie latine et française. Paris: Alphonse Picard, 1892.
187. Rosenmund R. Die Fortshritte der Diplomatie seit Mabillon (vornemlich in Deutschland-Österreich. München-Leipzig: Historische Bibliothek, 1879.

188. Quantin J.-L. Reason and Reasonableness in French Ecclesiastical Scholarship // *Huntington Library Quarterly*. 2011. №3. P. 401-436.

189. Quantin J.-L. Les institutions de censure religieuse en France (XVIe-XVIIe siècle) // *Hétérodoxies croisées. Catholicismes pluriels entre France et Italie XVIe-XVIIe siècles*. Publications de l'École française de Rome. Talon A., Fragnita G. 2015. P. 81-166.

190. Rand E.K. A new approach to the text of Pliny's letters // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1923. Vol.34. P. 79 – 193.

191. Rébelliau A. Bossuet. Paris: librairie Hachette et Co, 1900.

192. Richer E. De ecclesiastica et politica potestate libellus. Parisii, 1611.

193. Rück P. (Hsg) *Mabillons Spur. Zweiundzwanzig. Miscellen aus dem Gebiet für Historische Hilfswissenschaften der Phillips Universität Marburg*. Marburg an der Lahn, 1992.

194. Ruinart Th. *Abrégé de la vie de D.Jean Mabillon*. Paris: Muguet et Robustel, 1709.

195. Ruinart Th. *Vita Johannis Mabilloni presbyteri ac Congregationis S.Mauri a Theodorico Ruinart ejus socio olim gallice scripto, nunc vero ab alio ejusdem Congregationis monacho in latinum sermonem translata, rerumque nova accessione aucta*. Patavii: ex typogr. Seminarii (Manfré), 1714.

196. Ruinart Th. *Oeuvres posthumes de Mabillon et Ruinart*. Paris, 1724.

197. Renan E. *Études d'histoire religieuse*. Paris: Éditions Michel Lévy frères, 1857.
199. Savilla, Jan Marco *Antiquarismus, Hagiographie und Historie im XVII Jahrhundert. Zum Werk der Bollandisten. Ein Wissenschaftshistorischer Versuch. Frühe Neuzeit, Band 131*. Walter de Gruyter-Max Niemeyer Verlag, 2009.
200. Sickel T. *Die Urkunden der deutschen Koenige und Kaiser. Herausgegeben von der aeltere deutsche Geschichtsurkunde. I Band Die Urkunden Konrad I, Heinrich I und OttoI*. Hannover: Hansche Buchhandlung. 1879-1884.
201. Stein H. *Bibliographie chronologique des ouvrages relatifs à Mabillon (1707-1907) // Mélanges et documents publiés à l'occasion du deuxième centenaire de la mort de Jean Mabillon Ligugé Paris 1908*. P.24-37.
202. Smith W. *Dom Mabillon. Vir maxime doctus et minime superbus // English benedictine history*. 2007. № 33. P. 1-28.
203. Sullivan D. *Jean Bolland and the early bollandists // Medieval Scholarship. Biographical studies on the formation of a discipline. Volume I. History*. Edited by: Helen Dominico Joseph B. Zavadil Routledge. New-Yourk: Garland, 1995.
204. Sutto C. *Tradition et innovation, traditionalisme et utopie: l'idée gallicane à la fin du XVIe et au début du XVIII siècles // Renaissance and reformation*. 1984. №4. P. 278-297.
205. Tassin R.-P. *Histoire littéraire de la Congrégation de Saint-Maur, Ordre de S. Benoît*. Paris, chez Humblot, 1770.

206. Taveneaux R. Le catholicisme dans la France classique (1610-1715). Paris: S.E.D.E.S., 1980, en 2 volumes.
207. Thommen R., Schmitz-Kallenberg L. Grundbegriffe Königs und Herzogsurkunden Papsturkunden. Leipzig und Berlin: Teubner, 1913.
208. Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde, III Bände. München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909.
209. Trésor de Saint-Denis. Paris, Musée de Louvre, 1991.
210. Wace H. A dictionary of Christian Biography and Literature. London: John Murray, 1911.
211. Weitlauff M. Die Mauriner und ihr historisch-kritisches Werk // Historische Kritik in der Theologie: Beiträge zur ihrer Geschichte. Hsg. von Schwaiger G. Göttingen: Vandehoeck & Ruprecht, 1980
212. Zouhar J. «De re diplomatica libri sex» by Jean Mabillon in outline // Listy filologicke (Pholia philologica). 2010. №. 3-4. P. 357-388.

5. Электронные ресурсы

213. Hamon P. Recueil d'alphabets et d'exemples d'écritures. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9062102r> (дата последнего обращения: 17.05.2018).

214. Querelle de l'orthographe (article) <http://base-agon.paris-sorbonne.fr/querelles/querelle-de-l-orthographe> (дата последнего обращения: 20.01.2019).